

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

КАРНАУХОВА Е.В.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

KARNAUKHOVA E.V.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЖАНОВ С.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Научно-исследовательский институт
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

BAZHANOV S.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Research Institute of Academy
of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э., кандидат юридических наук, профессор, Университет правоохранительной службы Монголии	БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э., Candidate of Legal Sciences, professor, University of law enforcement service of Mongolia (Mongolia)
ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет	GHANAYIM Kh., LLD, professor, University of Haifa (Israel)
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Рязанской области	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Human Rights Ombudsman in the Ryazan region
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, Scientific and Practical Center for Strengthening the rule of law to the General Prosecutor of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Криминологический исследовательский центр Управления криминальной полиции Нижней Саксонии Федеративной Республики Германия	SIEGMUNT O.A., PhD, Criminological research center of the criminal police agency of Lower Saxony (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАКЛЕМАНС П., PhD, профессор, Научно-исследовательский центр Национальной школы полиции	LACLEMENCE P., PhD, professor, Research Center of the National School Police (France)
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University

ЛИПОВАЦ К.,
PhD,
Криминалистическая полицейская академия
Республики Сербия

LIPOVAC K.,
PhD,
Academy of Criminalistic and Police Studies
(Serbia)

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

ПОЙМАН П.,
PhD,
Чешское криминологическое общество

POJMAN P.,
PhD, Czech Criminological Society
(Czechia)

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:
Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация
Российская криминологическая ассоциация

Partners:
International Union of Assistance to Justice;
International Police Association
Russian Association for Criminology

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Editorial Board's address:
Amurskaya str. 75, Tyumen, Tyumen region,
625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 23.09.2016. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 23,4. Уч.-изд. л. 21,5.

Тираж 1000 экз. Заказ N 93. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Section 1. Methodology of law enforcement activities

ТОНКОВ Е.Е., СИНЕНКО В.С.
Проблемы структурирования российского
права и законодательства

8 TONKOV E.E., SINENKO V.S.
The problems of structuring russian
law and legislation

КОРНАКОВА С.В. Вопрос как эффективное
средство познания в процессе
доказывания по уголовному делу

17 KORNAKOVA S.V. The question as an
effective means of knowledge in the
process of proving in a criminal case

РОМАНОВА В.В.
Юридическая ответственность государства

23 ROMANOVA V.V. Legal
responsibility of the state

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

Section 2. Human rights protection

ТОШЕВ А.М., БОУШ К.С. Проблемы
и перспективы реализации социально-
экономических прав в Республике
Таджикистан. Опыт конституционной
модели Российской Федерации

31 TOSHEV A.M., BOUSH K.S. Problems
and prospects of the implementation
of social and economic rights in
the Republic of Tajikistan. The
experience of the constitutional
model of the Russian Federation

ЛЯННОЙ Г.Г. Безопасность
предпринимательской деятельности
как неотъемлемый элемент
безопасности государства

39 LYANNOI G.G. The security of
entrepreneurial activities as an integral
element of the state security

РУДИЧ В.В. Проверка обоснованности
подозрения при принятии судом
решения об избрании меры пресечения
в контексте постановления Пленума
Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 года

45 RUDICH V.V. Checking the reasonable
suspicion when making the court decision
on choosing the measure of restraint
in the context of the resolution of the
Plenum of the Supreme Court of the
Russian Federation of 24 may 2016

Раздел 3. Административная деликтология

Section 3. Administrative delictology

ГОРОВЕНКО С.В. Процессуальные
формы возбуждения дела
об административном правонарушении:
проект новый – проблемы старые

51 GOROVENKO S.V. Procedural forms
of initiating proceedings on a case
concerning an administrative offence:
new draft – old problems

ЧУКЛОВА Е.В. Процессуальная
ответственность как средство защиты
административного процесса

57 CHUKLOVA E.V. Procedural
responsibility as a means of protection
of the administrative process

ЛЕЩИНА Э.Л. Основные подходы
к пониманию дисциплинарной
ответственности: трудовая
и административно-правовые аспекты

62 LESHCHINA E.L. The main approaches
to the understanding of the
disciplinary responsibility: labor law
and administrative law aspects

МАЙОРОВ В.И., ДЫМБЕРОВ А.Д.,
МОЛЧАНОВ П.В. Правовые проблемы
применения специальных технических
средств автоматической фотовидеофиксации
нарушений Правил дорожного движения **69**

MAYOROV V.I., DYMBEROV A.D.,
MOLCHANOV P.V. The legal problems
of using the special technical means
of automatic photographic and video
recording of the traffic rules violations

Раздел 4. Уголовный закон

Section 4. Criminal Law

ХОРОШИЛОВ С.А., МАЙОРОВ А.В.
Незаконный оборот товаров и продукции без
маркировки и (или) нанесения информации,
предусмотренной законодательством
Российской Федерации: проблемы
криминализации и дифференциации
уголовной ответственности **78**

KHOROSHILOV S.A., MAYOROV A.V.
Illicit trafficking of goods and
products without marking and (or)
applying information provided by the
legislation of the Russian Federation:
problems of criminalization and
differentiation of criminal liability

Раздел 5. Криминологическая наука

Section 5. Criminology

БРАЖНИКОВ Д.А., ШИЯН В.И.
Выявление мотивов преступного поведения **89**

BRAZHNIKOV D.A., SHIYAN V.I.
Identification of the motives
of criminal behavior

ЮЗИХАНОВА Э.Г., КАМЕНСКИХ О.В.
Тенденции преступности
в Свердловской области **95**

YUZIKHANOVA E.G., KAMENSKIKH O.V.
Crime trends in the Sverdlovsk region

Раздел 6. Пенитенциарная система

Section 6. Penitentiary system

БОЧКАРЕВ В.В. Рациональное
применение средств предупреждения
совершения осужденными новых
преступлений как принцип
уголовно-исполнительного
законодательства **105**

BOCHKAREV V.V. Rational use
of means of preventing new crimes
committed by the convicts
as a principle
of penitentiary legislation

Раздел 7. Правоохранительная политика

Section 7. Law enforcement policy

КАЧАЛОВА О.В. Назначение
уголовного судопроизводства сквозь
призму материального права **109**

KACHALOVA O.V. The purpose
of criminal proceedings in the
light of the substantive law

Раздел 8. Уголовно-процессуальное обозрение

Section 8. Criminal procedural review

СИДОРЕНКО М.В. Коллизии Уголовно-
процессуального кодекса Российской
Федерации и иных федеральных законов **113**

SIDORENKO M.V. Collision of Criminal
procedure code of the Russian
Federation and other federal laws

ОГОРОДОВ А.Н. Реализация следователем
процессуальной самостоятельности:
теоретико-практический аспект **118**

OGORODOV A.N.
The implementation of the procedural
independence by investigator:
theoretical and practical aspect

ГРЕШНОВА Н.А. Проблема реализации принципа состязательности в рамках установления истины в уголовном судопроизводстве

122

GRESHNOVA N.A. The problem of the implementation of the adversarial principle in the framework of establishing the truth in criminal proceedings

Раздел 9. Совершенствование правоохранительной практики

Section 9. Improving law enforcement practice

КОСТЫЛЕВ А.К. Территориально-распределенная информационная система реального времени ГИБДД МВД России и ее роль в обеспечении безопасности дорожного движения

129

KOSTYLEV A.K. Geographically distributed information real-time system of the state inspection for road traffic safety of the MIA of Russia and its role in ensuring road traffic safety

КАЗНАЧЕЙ И.В. Оптимизация условий предварительного расследования посредством использования электронного переводчика

133

KAZNACHEY I.V. Optimization of the conditions of the preliminary investigation by using electronic translator

КОЧЕРОВА Л.А., КОЧЕРОВ Ю.Н. Применение сотрудниками полиции мобильных инспекционно-досмотровых комплексов как средства противодействия ядерному и радиологическому терроризму

138

KOCHEROVA L.A., KOCHEROV Yu.N. The use of the mobile inspection complexes by police officers as a means of countering nuclear and radiological terrorism

Раздел 10. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

Section 10. Criminalistic provision of law enforcement activities

ВЕРХОТУРОВА С.В. Некоторые вопросы назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела

143

VERKHOTUROVA S.V. Some issues of appointment and carrying out the forensic examination at the stage of initiating a criminal case

КУЛЕШОВ Р.В. Роль судебно-автороведческой экспертизы в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности: типичные задачи, особенности назначения, соотношение со смежными видами экспертиз

147

KULESHOV R.V. The role of forensic study of writing to establish the author of the text in the investigation of crimes of extremist and terrorist nature: typical tasks, features of appointment, the ratio with related types of expertise

Раздел 11. Компаративистика и зарубежный опыт

Section 11. Comparative studies and foreign experience

ЩУКИН В.М., ТАГИРОВ З.И. Актуальные направления развития евразийского правоохранительного сотрудничества в современных геополитических условиях (на опыте правоохранительных органов и организаций Европейского союза)

153

SHCHUKIN V.M., TAGIROV Z.I. Current trends in the development of the eurasian law enforcement cooperation in the modern geopolitical conditions (on the experience of law enforcement agencies and organizations of the European Union)

ИМАНОВ И.А. Правовое регулирование деятельности межгосударственных институтов государств – участников СНГ по противодействию коррупции: состояние и пути совершенствования 160

IMANOV I.A. Legal regulation of the activities of interstate institutions of the CIS member states on countering corruption: present state and ways of improving

ЗАХАРЧУК С.Д. Уголовно-правовая защита сотрудников органов внутренних дел в государствах – участниках СНГ: сравнительно-правовой анализ 167

ZAKHARCHUK S.D. Criminal and legal protection of law enforcement officers in the CIS member states: comparative legal analysis

Раздел 12. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

Section 12. Personnel, moral and psychological support of law enforcement agencies activities

ТАТИДИНОВА Т.Г., ГАЛКИНА Н.Ю. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел: теоретические аспекты 175

TATIDINOVA T.G., GALKINA N.Yu. Professional deformation of the personality of law enforcement officer: theoretical aspects

Раздел 13. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Section 13. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

ФИРСОВ А.Н. Уголовно-правовая характеристика потерпевшего от заведомо ложного доноса 183

FIRSOV A.N. Criminal law characteristic of the victim of knowingly false denunciation

КАРГАПОЛЬЦЕВА Н.И. Теоретические аспекты консенсуальных правоотношений 189

KARGAPOLTSEVA N.I. Theoretical aspects of consensual legal relationships

СУВОРОВА А.А. Реализация принципа охраны прав и свобод человека и гражданина при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве 195

SUVOROVA A.A. Implementation of the principle of the protection of the rights and freedoms of man and citizen when concluding the pre-trial agreement on cooperation

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ТОНКОВ Е.Е.,
 доктор юридических наук, профессор,
 ETonkov@bsu.edu.ru
 Юридический институт;
 Белгородский государственный
 национальный исследовательский
 университет,
 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

TONKOV E.E.,
 Doctor of Legal Sciences, professor,
 ETonkov@bsu.edu.ru
 Law Institute;
 Belgorod State National
 Research University,
 Pobeda St. 85, Belgorod, 308015,
 Russian Federation

СИНЕНКО В.С.,
 кандидат юридических наук, доцент,
 sinenko@bsu.edu.ru
 Кафедра трудового
 и предпринимательского права;
 Белгородский государственный
 национальный исследовательский
 университет,
 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

SINENKO V.S.,
 Candidate of Legal Sciences,
 associate professor,
 sinenko@bsu.edu.ru
 Chair of labor and entrepreneurial law;
 Belgorod State National
 Research University,
 Pobeda St. 85, Belgorod, 308015,
 Russian Federation

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Анализируется обоснованность введения в научный оборот юриспруденции и включения в систему права новых комплексных отраслей права. Данный процесс, по мнению авторов статьи, нередко осуществляется вопреки общепризнанным правилам юридической техники и принципам построения системы права. Авторы критически относятся к постоянному расширению перечня комплексных отраслей права, полагая, что они могут существовать только применительно к сфере законодательства, система которого формируется с учетом несколько иных подходов, нежели система права. Выделение комплексных отраслей в системе права является попыткой обобщить явление на основе различных методологических подходов. Формирование системы права в отличие от формирования системы законодательства осуществляется по признаку предметного единства регулируемых отношений. Система права должна оставаться относительно статичной конструкцией.

Ключевые слова: система права; система законодательства; предмет и метод отрасли права; комплексная отрасль права; формирование отраслей права.

THE PROBLEMS OF STRUCTURING RUSSIAN LAW AND LEGISLATION

Annotation. The validity of introducing the new complex branches of law to the scientific researches concerning jurisprudence and including these branches in the legal system is analyzed. According to the authors of the article's opinion, this process is often carried out contrary to the generally accepted rules of legal techniques and principles of construction of the legal system. The authors criticize the continued expansion of the list of complex branches of law and believe that they can exist only in such legislation, the system of which is formed by the approaches that differ from the approaches of the legal system. Distinguishing the complex branches in the legal system is an attempt to generalize the phenomenon on the basis of different methodological approaches. The formation of the legal system in contrast to the legislative system is carried out on the basis of subject unity of the regulated relations. The legal system should remain relatively static structure.

Keywords: legal system; legislative system; subject and method of branch of law; complex branch of law; formation of branches of law.

Охранительная функция права обуславливает необходимость создания и функционирования органов государственной власти, которые относятся к числу правоохранительных. Правоохранительная деятельность государства, по сути,

представляет собой гарантию выполнения обязательных требований, которые предъявляет право к поведению субъектов общественных отношений. Однако эффективность такой деятельности во многом зависит от самого права в объективном

его понимании. Четкость и непротиворечивость законодательных предписаний, отсутствие пробельности, взаимосвязанность отдельных элементов права в их системе являются необходимыми предпосылками результативности деятельности правоохранительных органов.

Отмеченное выше позволяет утверждать о наличии неизбежной причинно-следственной связи между проблемами структурирования российского права и законодательства, с одной стороны, и результатами правоохранительной деятельности — с другой. Более того, в связи с этим нельзя не учитывать тот факт, что наряду с позитивным регулированием поведения управомоченных субъектов существуют целые отрасли и подотрасли права и законодательства, правовые институты, которые имеют большей частью охранительное назначение. В то же время процесс совершенствования российского законодательства сопровождается достаточно бурными дискуссиями относительно системы российского права и его основных структурных элементов. Данная проблема не теряет своей актуальности на протяжении последних десятилетий, более того, в последнее время изыскания в систематике права даже ведутся с повышенной интенсивностью [1, с. 5-16].

Современные представления о системе российского права базируются на традициях советской правовой науки, в рамках которой состоялись три серьезные научные дискуссии о системе права. Так, на страницах журнала «Советское государство и право» в 30-х, 50-х и 80-х годах прошлого столетия прошли активные и представительные обсуждения, которые позволили выработать основы структуры права и наметить перспективы ее развития. По результатам таких дискуссий преобладающим стал подход деления права на отрасли в зависимости от критериев предмета и метода правового регулирования. Еще во второй половине XX века высказывались радикальные предложения об отказе от отраслевого деления права в силу определенной искусственности и неопределенности самих критериев такой дифференциации.

Так, В.К. Андреев отмечает, что отраслевое строение правовой системы России — «скорее дань научной традиции,

чем объективная реальность». При этом автор подчеркивает отсутствие «научно доказанного разграничения отрасли права как объективной категории и отрасли законодательства как производной от нее» [2, с. 51].

В.П. Мозолин, признавая ранее существовавшую практическую значимость деления права на отрасли, все же призывает отказаться от него: «Возможность создания единого общего понятия отрасли права оказалась утраченной. Понятие отрасли права стало настолько девальвированным, что им по существу невозможно пользоваться в практических целях (в области законодательства, правоприменительной деятельности, учебном процессе в высших юридических учебных заведениях), поэтому оно не должно применяться и при построении современной системы... права» [3, с. 107].

Очевидно, критика автора основывается на современной девальвации понятия отрасли. С этим можно было бы согласиться, однако вызывает сомнения вывод об отказе от использования отраслей при построении современной системы права. Более логичным предложением, по нашему мнению, является восстановление утраченного смысла, но не «отбрасывание» за ненадобностью огромного пласта теоретических наработок в данной области. Полагаем, что правильно построенная система права имеет существенное значение для правоприменительной деятельности.

Деление права на отрасли значимо не само по себе, а в силу того, что это позволяет решать вопросы, имеющие практическое, а именно правоприменительное, правотворческое и педагогическое значение. Полагаем, что существующая система права в виде деления его на отдельные отрасли может оказывать существенное воздействие на правоприменение.

Сложившееся в отечественной юридической науке определение отрасли права как наиболее крупного элемента системы права, представляющего собой совокупность норм права, регулирующих качественно однородную группу общественных отношений, сохраняет возможность достаточно легкого манипулирования категориями и понятиями в угоду якобы развитию юридической мысли. Традиционным критерием определения самостоятельности

отрасли является своеобразие предмета и метода. Специфика предмета отрасли является одним из важнейших признаков, позволяющих идентифицировать отрасль в качестве самостоятельной.

В литературе практически не подвергается сомнению, что предмет отрасли права образует качественно однородный и в силу этого обособленный вид общественных отношений. По словам С.С. Алексеева, «это особое качество состоит именно в том, что глубинное социально-экономическое, политическое содержание данных отношений объективно требует адекватного юридического режима регулирования, который и выделяет данную совокупность правовых институтов в главное подразделение правовой системы» [4, с. 174].

В большинстве случаев исследователи, предлагая иные подходы к системе права, тем не менее обращают внимание на **предметное единство** регулируемых общественных отношений как основание для выделения отдельных структурных частей права.

Предметное единство общественных отношений характеризуется однородностью их качественных характеристик, обусловленных сложившимся в обществе социально-экономическим базисом. Наиболее наглядно это предметное единство регулируемых отношений прослеживается в отрасли гражданского права, что находит отражение в соответствующей правовой норме.

В завершение перечисления круга отношений, регулируемых гражданским законодательством, в п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ нормативно сформулированы их качественные характеристики, а именно «отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников». Эти признаки, собственно, и обуславливают предметное единство таких отношений и, как следствие, регулирующих их правовых норм. Такая качественная однородность предмета предопределяет и единство применяемого к нему метода правового регулирования.

Построение правовой системы по признаку предметного единства регулируемых отношений позволяет сформулировать и такие нормы, которые распространяют свое действие на всю очерченную

общность общественных отношений. Это, в свою очередь, позволяет сформулировать основополагающие начала отрасли (ее принципы), определить своеобразный понятийно-категориальный аппарат. Именно возможность выделения внутри отрасли общей части формирует возможность и необходимость кодификации соответствующего законодательства, что при таком подходе является относительно объективным процессом. Поскольку в силу признания той или иной совокупности правовых норм самостоятельной отраслью права требуется вычленение общей части, то наиболее адекватно это возможно в рамках кодификационного акта.

Именно благодаря кодифицированному акту «специальные нормы и институты приобретают интеллектуально-волевое единство, подчиняются известным общим принципам, понятиям и таким путем komponуются в правовые общности» [4, с. 185].

Весьма обстоятельно данный вопрос разрабатывался Р.О. Халфиной. Ею, в частности, точно подмечено, что «система права строится на базе научной абстракции содержания основных видов общественных отношений (предмет правового регулирования) и определяемых содержанием средств правового регулирования (метод). При этом устанавливаются основные черты данного вида общественных отношений и метода их регулирования. Это дает возможность установить общие закономерности правового регулирования конкретного вида отношений, определить соответствующие правовые средства воздействия, совершенствовать регулирование отношений в главных, определяющих чертах. Такое формирование основных отраслей права обеспечивает также внутреннее единство, взаимную согласованность регулирования того или иного вида общественных отношений во всех отдельных, частных областях их проявления» [5, с. 270-271].

Таким образом, вполне уверенно можно говорить о том, что нормы отдельной отрасли права, объединенные по признаку предметного единства, способны к такой организации, которая будет иметь значение в различных областях деятельности, связанных с правом: правотворчестве, правоприменении, учебном процессе и при проведении научных исследований.

Ценность отраслевого деления состоит в возможности выстраивания единого комплекса правоотношений, основанных на единых системных связях. Выявление таких связей, формирование соответствующих теоретических обобщений, правовых конструкций – процесс довольно длительный. Но только пройдя все этапы и доказав их достоверность и результативность, возможно констатировать появление новой отрасли в системе права.

А.А. Головина в рамках специализированного диссертационного исследования, посвященного критериям отраслеобразования, выделяет семь этапов образования самостоятельной отрасли права. Можно дискутировать относительно достаточной убедительности отдельных авторских стадий этого процесса, но, безусловно, следует поддержать положение о том, что в качестве обязательных этапов должны рассматриваться развитие и упрочение системных связей между группой норм права и, как следствие, выделение метанорм (правовые определения, принципы права), общей части, внутренней иерархической структуры отрасли (институтов права, подинститутов права). В результате накопления указанных выше изменений происходит диалектический скачок, переход количественных изменений в качественные – дивергенция (расхождение, размежевание) системных связей «дочерней» отрасли права с «материнской» [6, с. 13-14].

Именно наличие системных связей между нормами отдельной отрасли, обуславливающих выделение общей части (общих положений), специфических принципов, свидетельствует о формировании самостоятельной отрасли права.

Далее считаем возможным изложить наше понимание соотношения правовых категорий «право» и «законодательство», а также производных от них: «система права» и «система законодательства». Если право в целом традиционно рассматривается как организованная определенным образом совокупность правовых норм, то законодательство представляет собой совокупность находящихся в соответствующей взаимосвязи нормативных правовых актов. Взаимосвязь между данными явлениями бесспорна. В наиболее обобщенном виде эта связь характеризу-

ется соотношением содержания и формы, где законодательство предстает внешней формой выражения права.

Отрасли законодательства формируются в отношении отдельных направлений государственного регулирования. Вследствие этого в состав одной отрасли законодательства включаются разные по отраслевой природе нормы права. Это делается для того, чтобы учесть существующие взаимосвязи между разнородными общественными отношениями.

В аспекте тематики данной статьи интересен характер таких связей между нормативными предписаниями правовых актов, образующих отрасль законодательства. Полагаем, что это качественно иной тип связи, нежели обнаруживаемый между нормами отдельной отрасли права. Обобществление норм внутри отрасли законодательства осуществляется на основе **функционального единства**, то есть направленности на урегулирование отдельной сферы жизнедеятельности. Этим объясняется комплексность большинства нормативных актов, поскольку в регулировании отдельной сферы общественной жизни, как правило, оказывается задействованным весь арсенал имеющихся средств правового воздействия.

Правовое регулирование общественных отношений, входящих в сферу государственно-властной деятельности, обеспечивает решение задач, стоящих перед государством. Правотворчество, являясь процессом создания правовых норм, получающих закрепление в законах и подзаконных нормативных правовых актах, определяет тот объем и те виды правовых средств, использование которых закладывает режим оптимальности как самого правотворчества, так и других юридических форм государственно-властной деятельности, определяет восприятие нормативной базы правового регулирования, ее доступность массовому сознанию людей, удобство в поиске нормативной информации и использование правовых установлений для достижения оптимального соотношения личного блага и интересов государства. Вследствие этого в состав нормативного правового акта, относящегося к той или иной отрасли законодательства, практически всегда включаются нормы различных отраслей права.

Система права и система законодательства выстраиваются по разным критериям. Система права основывается на качественной однородности отношений, регулируемых самостоятельными отраслями права (**предметное единство**), система же законодательства учитывает практическую целесообразность обобществления норм по признаку направленности правового воздействия на отдельные сферы общественной жизни (**функциональное единство**). Это детерминирует отличия в характере взаимосвязи между элементами таких систем. Именно такой подход позволяет, с одной стороны, выявить необходимую взаимосвязь между отраслями права и отраслями законодательства, а с другой стороны, провести между ними и должную дифференциацию. О различиях характера взаимосвязей правовых норм и институтов, основанных на предметном и функциональном единстве, говорил еще О.А. Красавчиков [7, с. 69], однако эти идеи в дальнейшем в правовой науке концептуального развития не получили.

По нашему мнению, отмечавшаяся ранее девальвация понятия отраслей права произошла вследствие недостаточного разграничения, а иногда и отождествления понятий «право» и «законодательство». Вследствие этого наблюдается поспешное и поверхностное отношение к формированию «новых» отраслей права. В большинстве случаев такие «новые» отрасли выделяются по критерию функционального единства и поэтому включают в свой состав нормы различных традиционных отраслей права. Для устранения этого противоречия выделяемые «новые» отрасли с легкой руки В.К. Райхера [8] объявляются комплексными.

В период начала обсуждения вопросов природы комплексных отраслей в 40-х — 50-х годах прошлого столетия к таковым относился достаточно ограниченный перечень нормативных общностей, а именно: транспортное право, морское право, страховое право, банковское право и некоторые другие. Сегодня с уверенностью можно говорить о все возрастающей тенденции к объявлению комплексными отраслями отдельных структурных подразделений российского права.

А.А. Головина насчитала уже около шестидесяти «новых» комплексных отрас-

лей права [6, с. 3]. «Получается так, что как только исследователь обнаружит ту или иную форму связи, тот или иной момент взаимодействия норм (правовых институтов) различных отраслей права, он тут же спешит объявить об обнаружении “новой” отрасли права или отрасли законодательства» [7, с. 63]. Данная мысль, высказанная О.А. Красавчиковым еще в 1975 г., особенно актуальна применительно к сегодняшней ситуации, складывающейся в научной и правотворческой деятельности.

К обоснованию новых отраслей права и введению их в научный оборот следует относиться весьма осторожно, соблюдать признанные каноны юридической техники.

Неоднозначность подходов даже в отношении необходимости сохранения отраслей права как правовой категории и критериев отраслеобразования во многом обусловлена отсутствием четкости и однозначности понятийного аппарата, что является критически важной составляющей любой науки. В сфере права необходимость использования единой терминологии в нормативных актах практически очевидна и в дополнительных доказательствах не нуждается. Однако в сфере научных теоретических обобщений зачастую наблюдается отсутствие единых подходов в понятиях, которое, в свою очередь, не позволяет проводить конструктивную дискуссию в отношении правовых явлений. Это особенно актуально, когда речь идет о достаточно высокой степени научных обобщений, в частности, проблем системы права и системы законодательства. В связи с этим, определяя место комплексных образований в соответствующей системе, необходимо кратко осветить историю данного вопроса.

Итак, впервые правовая категория «комплексная отрасль права» была обозначена профессором В.К. Райхером. Анализируя вопросы страхования, он высказал предложение о необходимости различать две категории отраслей: основные и комплексные [8, с. 190]. Предложение сопровождалось комментарием о том, что комплексная отрасль должна соответствовать трем условиям: «Во-первых, необходимо, чтобы совокупность правовых норм была адекватна определенному, специфическому кругу общественных отношений, т.е.

имела бы в этом смысле единый и самостоятельный предмет регулирования, а следовательно, и предметное единство. Во-вторых, регулируемый такой совокупностью норм специфический круг отношений должен обладать достаточно крупной общественной значимостью. В-третьих, образующий такую совокупность нормативно-правовой материал должен обладать достаточно обширным объемом» [8, с. 189-190].

В дальнейшем идея комплексных отраслей права была поддержана С.С. Алексеевым, который констатировал, что отрасли в правовой системе могут занимать и действительно занимают различное положение. Комплексные отрасли в отличие от основных (профилирующих) рассматриваются им в качестве вторичных (производных) образований [4, с. 184-185]. Происходит «своеобразное явление – удвоение структуры права» [4, с. 28]. При этом «юридические особенности специальных норм, входящих в комплексную отрасль, как бы распределены “по двум адресам”. По своим главным показателям (методу и механизму регулирования) они относятся к той или иной основной отрасли, подчиняются ее общим нормам, принципам, положениям» [4, с. 186].

Решительным противником комплексных отраслей права в советской науке выступил О.А. Красавчиков. По его мнению, «“прилагательное” – “комплексная” – не должно менять сути “существительного” – отрасли. Двухзначность термина “отрасль” создает совершенно неправильное представление, будто комплексное (сформированное по субъективным соображениям) собрание текстов правовых норм, хотя и не самостоятельная (“основная”), но тем не менее комплексная отрасль» [7, с. 65]. Комплексные отрасли, по его мнению, есть не что иное, как «субъективно сформированные группы норм права, принадлежавших отдельным отраслям системы права» [9, с. 374].

Данную точку зрения поддержал С.Н. Братусь, по мнению которого, «комплексных отраслей права не существует, ибо каждая отрасль права соответствует определенному виду общественных отношений; можно говорить лишь о комплексных нормативных актах, комплексной систематизации нормативного материала

и... комплексных правовых учебных дисциплинах либо даже о комплексных юридических науках» [10, с. 270]. В целом можно говорить о преобладании в советской науке негативного отношения к обозначенному вопросу.

Взгляды большинства современных представителей правовой науки, напротив, весьма благожелательны к таким отраслям. Образно говоря, комплексные отрасли получили «свое второе рождение». Выше уже отмечалась тенденция к выделению все новых и новых комплексных отраслей права. Авторы, которые все же пытаются определить их место в системе права, неизбежно в той или иной форме повторяют мысли С.С. Алексеева об «удвоении структуры права». Например, А.Ю. Коваленко призывает отказаться от «линейного принципа их рассмотрения, что на сегодняшний день является уже нецелесообразным, так как данная система изжила себя и требует коренного пересмотра» [11]. «Линейному построению», по его мнению, противостоит «объемная взаимосвязь правовых отраслей» [11]. Именно теория «удвоения структуры права» приводит к тому, что для объявления «новой», хотя и комплексной отрасли права, необходимо всего лишь консолидировать нормы различных основных отраслей права в отношении определенного вида жизнедеятельности.

Относясь критически к наличию комплексных отраслей права, нельзя не признавать справедливость утверждения о том, что «существование комплексных правовых общностей – это объективный факт!» [12, с. 144]. В.Д. Рузанова, поддерживая данную идею, пишет: «Спор о названии комплексных образований мы не считаем принципиальным, главное, что они существуют» [13, с. 220]. Полагаем, следует согласиться с фактом существования комплексных общностей. В то же время принципиальна точка их приложения, что должно отражаться и в их наименовании. Считаем, что они могут существовать только применительно к сфере законодательства, система которого формируется с учетом несколько иных подходов, нежели система права. В связи с этим такие «правовые общности» не следует возводить в ранг отрасли права, пусть даже и комплексной. Идея комплексности может быть свойственна не только отраслям законода-

тельства, но также и учебным дисциплинам. Образовательные цели вполне могут обуславливать комплексное восприятие правового регулирования общественных отношений применительно к отдельному направлению деятельности. Более того, как в свое время отмечал О.А. Красавчиков, необходимо не только признавать, но и всячески поощрять комплексные научные исследования [9, с. 376].

Один из главных идеологов теории комплексных отраслей права С.С. Алексеев объясняет причины формирования таких отраслей. По его мнению, это «сопряжено с обособлением комплексных областей законодательства. Внешним выражением существования комплексных (специализированных) отраслей и является наличие так или иначе обособленных нормативных актов, содержащих специальные нормы, некоторые общие принципы и положения, отдельные специфические приемы регулирования» [12, с. 145].

Подобные взгляды имеют своей основной идею единства внутреннего содержания и внешней формы, а именно системы права и системы законодательства. С.С. Алексеев в этом отношении пишет: «...структура права не может быть с достаточной полнотой и точностью раскрыта, если не видеть ее органического единства с внешней формой права – с системой законодательства, внутренними подразделениями в нормативных актах» [4, с. 58-59]. Система права, конечно, связана с системой законодательства.

Например, основные отрасли, как правило, имеют свой кодификационный нормативный акт в виде кодекса. Законодательство отчасти также оказывает воздействие на отраслевую систему права. В связи с этим полагаем, что автор преувеличивает влияние системы законодательства на систему права. Не следует детерминировать сложнейшие аспекты права действиями законодателя, который зачастую выстраивает законодательство в отрыве от общих представлений системы права. Кроме того, нет необходимости приводить систему законодательства в «точное соответствие» с системой права.

Законодательная деятельность, хотя и должна учитывать основные посылы разработанной системы права, в то же время обусловлена практической целесообраз-

ностью и удобством правоприменения. Следствием этого является появление комплексных нормативных актов, в которых содержатся нормы различной отраслевой принадлежности. Более того, даже не признаваемые комплексными нормативные акты могут включать в себя отдельные «вкрапления» норм иных отраслей.

Данный подход объясняется тем, что деятельность законодателя обычно направлена на наиболее полное урегулирование отношений в определенной сфере жизнедеятельности (особенно когда речь идет об отдельных некодифицированных актах) и в силу этого он не обращает внимания на отраслевую принадлежность принимаемых им нормативных актов. Как уже отмечалось выше, такие общности объединены признаком **функционального единства**, который сущностно **отличается от предметного**, характерного при выделении отраслей права. Отсутствием предметного единства между нормами комплексного образования объясняется и то, что они лишены «главных черт юридического своеобразия – “своего” метода и механизма регулирования» [12, с. 144].

Так называемое «удвоение структуры права» или «наслаивание» комплексных отраслей над основными является не чем иным, как попыткой объединить нормы различной отраслевой принадлежности по функциональному признаку. Если допустить в системе права такое «удваивание» при конструировании комплексных отраслей, то при анализе природы предмета некоторых из них обнаруживается и «утраивание», и даже большая кратность умножения.

Например, при определении соотношения земельного, экологического и природоресурсного права может обнаружиться перекрещивание или «наслаивание» этих отраслей друг на друга. И это без учета того, что данные правовые образования, являясь комплексными, включают в свой состав нормы гражданского, административного и иных основных отраслей права. При таком нагромождении, конечно, выхолащивается изначальный смысл отраслевого деления системы права, что приводит к девальвации самой идеи.

В этом отношении следует обратить внимание на, видимо, самую объемную комплексную отрасль, выделяемую на сегодняшний день, – экономическое право.

Авторы, выделившие такую отрасль, понимая глобальность предлагаемого образования, именуют ее «мегаотраслью» [1] и рассматривают в качестве микромодели системы российского права. Данная комплексная «мегаотрасль», по замыслу авторов, аккумулирует нормы многих отраслей российского права, а именно: конституционного, международного публичного, административного, финансового, уголовного, экологического, предпринимательского, трудового. Обращает на себя внимание то, что некоторые из заявленных составляющих экономическое право отраслей сами являются комплексными образованиями, например, экологическое, предпринимательское право.

Экономическое право, как представляется его разработчикам, — «это собирательная комплексная мегаотрасль, требующая официального признания (по аналогии с зарубежными странами) и имеющая огромное практическое значение» [14, с. 64]. По мнению Е.М. Ашмаринной и Г.Ф. Ручкиной, значение состоит в том, что «является полезным и необходимым мероприятием, поскольку предполагает как оптимизацию правоприменения в соответствующих сегментах экономической деятельности, так и усовершенствование правотворчества в перспективе. Именно в этом видится целесообразность выведения экономического права в качестве самостоятельной отрасли права» [15, с. 59-60].

Не отрицая полезности системного взгляда на экономические отношения и их регулирование в целом, полагаем, что квалификация экономического права в качестве отрасли права способна «затмить» собой складывающуюся систему правовых связей. Выделение общей части экономического права (если это вообще возможно) будет происходить на столь высоком уровне обобщения, что практическое значение сведется к минимуму. Такая глобализация, равно как и тенденция к все более дробной отраслевой дифференциации российского права (появление спортивного права, военного права, энергетического и т.д.), нам представляется бесперспективной и выхолащивающей содержание юридической науки.

Обоснование необходимости введения экономического права в качестве мегаотрасли российского права, на наш взгляд,

следует признать не совсем удачной попыткой объяснить неизвестное через еще более неизвестное (*ignotum per ignotius*). Продвигаясь достаточно стремительно по такому пути, можно до бесконечности увеличивать число отраслей права, награждая их различными «мега-» или «квази-» титулами для пущей важности.

Объясняя природу комплексных отраслей права и их место в системе права, апологеты данной теории неизбежно пытаются представить право в виде сложной структуры, которая не ограничивается линейным (двумерным) измерением. Это является следствием того «удвоения», о котором говорил еще С.С. Алексеев. Причем сам он писал, что «система права представляет собой сложную иерархическую структуру... своеобразную пирамиду», в основании которой находятся комплексные отрасли права [12, с. 146].

Безусловно, не следует канонизировать линейное отраслевое деление. Новый взгляд на устоявшиеся вещи зачастую позволяет выявить ранее не известное знание. Но в нашем случае концепция комплексности затрудняет реализацию изначально заложенного смысла отраслевой системы права. Объединение правовых норм по признаку комплексности не дает того положительного эффекта, который может быть достигнут при сохранении традиционной отраслевой системы права, основанной на предметном единстве регулируемых отношений и построенной по линейному принципу.

Полагаем, следует согласиться с мнением Р.О. Халфиной о том, что «попытки конструирования бесчисленных новых "отраслей права" ведут к размыванию системы, к излишней дифференциации правового регулирования, ослаблению связей внутри системы права. Совершенствование всей системы правового регулирования предполагает развитие отраслей права, регулирующих основные виды общественных отношений и развитие правовых форм регулирования отношений в отдельных областях жизни общества путем применения (с детализацией в необходимых случаях) норм отдельных отраслей права с учетом специфики каждой из них» [5, с. 272].

Даже один из наиболее последовательных сторонников теории выделения

в системе права комплексных отраслей С.С. Алексеев признавал, что «комплексные отрасли... являются правовыми общностями, менее прочными, менее объективированными, чем профилирующие и другие основные отрасли, образующие главные подразделения правовой системы» [12, с. 146].

Выявление объемной взаимосвязи структурных частей права в известной степени усложняет его понимание. Но главное заключается не в сложности осознания. Если бы с этих позиций достигались весьма существенные цели, значимые для правоприменительной деятельности, то вне зависимости от сложности спорной правовой материи ее следовало бы поддержать. Современное состояние правовой науки позволяет сказать, что внедрение комплексности в систему права не только не придает ей новые полезные качества, но, наоборот, «заслоняет» уже известные, апробированные и полезные понятия и категории юридической науки.

В этом отношении можно обратить внимание на то, что и в советской, и в российской правовой науке высказывались суждения о неоправданном усложнении теории отраслевого деления понятием комплексности. Как считал О.А. Красавчиков, все соображения о существовании «комплексных отраслей» права (равно и законодательства) основаны на недоразумении... Это ведет к путанице понятий, усложнению и без того сложных проблем. В конечном же счете данная концепция практически снимает научное исследование системы права и системы законодательства» [7, с. 65].

Отдавая дань памяти выдающемуся советскому правоведам, мы полагаем, что представление системы права в качестве «объемной взаимосвязи» ее отраслей с «перекрещиванием структуры», действительно, существенно усложняет процесс понимания, а главное, практического применения систематики права. Более того, представление системы права в качестве объемной структуры есть не что иное, как попытка обобщить явление на основе различных методологических подходов.

Тенденция к усложнению линейной системы права имеет негативный характер. Вплоть до сегодняшнего дня ведутся споры о критериях дифференциации основных отраслей российского права, свидетельствующие об отсутствии общепризнанной градации основных структурных подразделений права. С учетом этого, когда на данном, не вполне устойчивом фундаменте мы пытаемся выстроить «объемную» систему права с «перекрещивающейся структурой комплексных отраслей», полезного и прочного здания получиться не может.

Процесс структурирования права, классификации, разграничения отраслей – дело крайне ответственное. Он должен включать не только выявление их отличительных признаков, но и установление тех особенностей, которые ни при каких условиях не дают возможности их объединить в совокупность правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений. В противном случае многие «новые» отрасли права, хотя и будут содержать юридические характеристики различных явлений действительности, но фактически являться не только смежными, но и обладать весьма заметным сходством между собой (как это и происходит на самом деле), особенно в условиях существенного возрастания объема нормативного материала и нередкого отсутствия его согласованности.

Идея комплексных отраслей права способствует «размыванию» системы права, а вслед за этим правовой науки и юридической практики. Не отрицая в качестве одной из целей науки способствование совершенствованию юридической практики, мы убеждены, что нельзя подменять систему внятных терминов и определений попытками внести неоправданный хаос в устоявшийся понятийный аппарат юриспруденции, оправдывая это благими намерениями. Право должно оставаться относительно неизменным ядром, на основе которого можно базировать и систему законодательства, обладающую более динамичным характером и зависящую от степени важности тех или иных сфер жизнедеятельности.

Список литературы

1. Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право как мегаотрасль российского права: его предмет и система // Государство и право. 2015. N 7. С. 5-16.

2. Андреев В.К. К разработке новой редакции части первой ГК РФ // Хозяйство и право. 2008. N 10. С. 50-55.
3. Мозолин В.П. Система российского права (доклад на всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. N 1. С. 107-113.
4. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.
5. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 348 с.
6. Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 34 с.
7. Красавчиков О.А. Система права и система законодательства: гражданско-правовой аспект // Правоведение. 1975. N 2. С. 62-71.
8. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М.; Л., 1947. 282 с.
9. Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2005.
10. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 196 с.
11. Коваленко А.Ю. Комплексные отрасли права на современном этапе развития системы российского права. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=18433> (дата обращения: 10 апр. 2016 г.).
12. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций: в 2 т. Т. 1. Свердловск: СЮИ, 1972. 395 с.
13. Рузанова В.Д. Гражданское право и гражданское законодательство как взаимодействующие системы // Вестник СамГУ. 2013. N 5 (106). С. 216-223.
14. Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право: сравнительно-правовой анализ Германии, Франции, Китая и России // Государство и право. 2014. N 9. С. 53-64.
15. Ашмарина Е.М., Ручкина Г.Ф. Экономическое право Российской Федерации (предмет и метод, система и структура, источники правового регулирования) // Государство и право. 2012. N 8. С. 57-65.

КОРНАКОВА С.В., кандидат юридических наук, доцент, Svetlana-kornakova@yandex.ru Кафедра уголовного права, криминологии и процесса; Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11	KORNAKOVA S.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Svetlana-kornakova@yandex.ru Chair of criminal law, criminology and criminal process; Baikal State University, Lenina St. 11, Irkutsk, 664003, Russian Federation
---	---

ВОПРОС КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ*

Аннотация. Вопрос выступает важнейшим средством познания, без которого достижение необходимого результата деятельности оказывается практически невозможным. Сфера уголовно-процессуального доказывания не является исключением. В представленной статье автором подвергаются критической оценке суждения некоторых ученых, которые ошибочно считают, что вопрос является непригодным для достижения истины по уголовному делу средством. Рассматриваются виды вопросов и их значение на различных этапах доказывания по уголовному делу. Сделан вывод о том, что весь процесс познания в ходе расследования уголовного дела для субъекта доказывания, по сути, представляет собой постановку вопросов и поиск на них ответов. Поэтому успешное расследование преступлений во многом зависит от умения правильно ставить вопросы.

Ключевые слова: уголовный процесс; доказывание; вопрос; истина, уголовное дело.

THE QUESTION AS AN EFFECTIVE MEANS OF KNOWLEDGE IN THE PROCESS OF PROVING IN A CRIMINAL CASE

Annotation. The question is the important means of knowledge, without which the achievement of the necessary result of the activity is practically impossible. The field of proving in criminal procedure is no exception. The author of the article exposes a critical evaluation of the judgments of some scientists, who mistakenly believe that the question is not a suitable means to achieve the truth in a criminal case. The types of questions and their importance at the various stages of proving in a criminal case are considered. It is concluded that, in fact, the whole process of cognition during the investigation of a criminal case is the formulation of questions and finding answers to them for the subject of proof. Therefore, the successful investigation of the crimes largely depends on the ability to ask the questions correctly.

Keywords: criminal procedure; proving; question; truth; criminal case.

*Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания N 29.1247.2014/К на выполнение научно-исследовательских работ в сфере научной деятельности в рамках проектной части. Проект N 1247 «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ».

Можно без преувеличения сказать, что проблема истины в уголовном судопроизводстве в настоящее время является наиболее обсуждаемой. В российских научных журналах целые выпуски посвящаются этой теме [1; 2] и, следует заметить, что сторонников «нацеленности» доказывания в уголовном процессе на поиск истины явное большинство. Произведенный же анализ точек зрения авторов, отрицающих необходимость установления истины в процессе доказывания по уголовному делу, показал, что в отношении многих из них справедливо утверждение Л.М. Володиной о том, что их методологические позиции весьма туманны и «нередко это набор эклектических представлений, не вполне совместимых, а иногда явно противоречащих друг другу» [3, с. 28]. В связи с этим считаем необходимым высказать критические замечания относительно одной из таких позиций, представленной в опубликованной в приложении к журналу «Уголовный процесс» статье Л.А. Зашляпина «Вопрос в допросе как процессуальное средство достижения истины» [4]. Автор статьи сформулирована гипотеза, согласно которой «вопрос как основное процессуальное средство для действий вербального характера не позволяет познать истину (получить истину как процессуальный результат) и влечет лишь некоторое вероятное знание – вероятный процессуальный результат, который, отличаясь от эталона “истина”, в связи с этим имеет признаки ложности» [4, с. 33]. Ду-

мается, имеет смысл привести аргументы, ставящие под сомнение обоснованность суждений автора.

Прежде всего, напомним, что вопросно-ответная форма развития знаний присуща любому познавательному процессу, следовательно, и познание в ходе доказывания по уголовному делу не может быть исключением. Именно в этой форме в уголовном судопроизводстве осуществляется поиск ответов на интересующие следствие и суд вопросы. Постановка вопросов и поиск на них ответов составляют основное содержание большинства следственных действий – допроса, очной ставки, проверки показаний на месте и т.д.

С логической точки зрения вопрос представляет собой форму познания, отражающую и выражающую наше знание о неизвестном, и своей постановкой требующую теоретического или практического преодоления этой неизвестности. Вопрос формулируется в силу возникшего противоречия между знанием и незнанием с целью его разрешения. Любой вопрос должен содержать в себе какое-либо исходное знание, которое является предпосылкой вопроса (его базисом). Наиболее четко эту мысль выразил Р. Декарт: «Во-первых, во всяком вопросе необходимо должно быть налицо некоторое неизвестное; ибо иначе вопрос бесполезен; во-вторых, это неизвестное должно быть чем-то отмечено, иначе ничто не направляло бы нас к исследованию данной вещи» [5, с. 133]. Благодаря предпосылкам вопросы информативны.

Если вопрос неопределенный, и тем более если его базис неверный, то вопрос теряет смысл, поскольку ответ на него невозможен. Спрашивать ни о чем нельзя: можно спрашивать только о том, что уже известно, но это известное включает в себе часть того неизвестного, которое заключается в вопросе. Как говорили древние, знание того, что мы не знаем, уже есть знание об этом неизвестном. Другими словами, в вопросе уже заключено определенное знание, и ответ на него есть, по существу, знание, которое гипотетически уже известно спрашивающему, но оно представляется ему не в полной мере. Таким образом, вопрос – это мысль, направленная на уточнение или дополнение исходного или базисного знания [6, с. 101-116].

Между тем обращение Л.А. Зашляпина к литературе по формальной логике на уровне учебников для студентов сразу натолкнуло его на цитату: «Точно поставленный вопрос есть половина ответа», из чего для исследователя стал очевидным вывод о том, что «знание, содержащееся в вопросе, определяет знание, получаемое в ответе. Ответ определен (предопределен, наведен) вопросом!» [4, с. 37]. На наш взгляд, подобные выводы наглядно демонстрируют, как порой чересчур свободно интерпретируются вырванные из контекста цитаты.

Кроме этого, о вопросе, в отличие от суждения, не говорят, как об истинном или ложном, – к вопросу эти термины неприменимы. Именно поэтому ни о какой «"объективной истинности" вопроса» [4, с. 37] речи быть не может. Тем не менее качество предпосылки (базиса) вопроса существенно влияет на логический статус вопроса, определяя правильность или неправильность его постановки. Отсюда два вида вопросов: 1) корректный, или правильно поставленный, вопрос, базис которого представляет собой истинное, непротиворечивое знание, и 2) некорректный, неправильно поставленный вопрос – вопрос с ложным или противоречивым базисом.

Уголовно-процессуальный закон не предусматривает ограничения в выборе тактики допроса, единственным запретом, согласно ч. 2 ст. 189 УПК РФ, является наводящий вопрос. Такой же запрет существует и при проведении таких следственных действий, как предъявление для

опознания (ч. 7 ст. 193 УПК РФ) и проверка показаний на месте (ч. 2 ст. 194 УПК РФ). С рассматриваемой позиции наводящий вопрос – это вид некорректного вопроса, который содержит в качестве предпосылки (базиса) либо спорную, не до конца установленную информацию, либо информацию, подсказывающую ответ. В формулировке наводящего вопроса чаще всего кроется заинтересованность допрашивающего в определенном ответе, направленном на желаемый результат. В большинстве случаев такие вопросы являются недопустимыми. Тем не менее в юридической литературе обоснованно указывается на наличие ситуаций в ходе производства по уголовному делу, в которых наводящий вопрос является допустимым [7, с. 43-45; 8, с. 250].

По познавательной функции вопросы подразделяются на два вида: 1) уточняющие, или «ли-вопросы» и 2) восполняющие, или «что-вопросы».

Уточняющий вопрос направлен на выявление истинности выраженного в нем суждения. Например: «Знакомы ли Вы с обвиняемым?». «Ли-вопросы» содержат помимо знания о предмете (обвиняемый) и знание о возможном признаке этого предмета (быть с ним знакомым) и имеют целью установление принадлежности предмету указанного признака. Такие вопросы допускают исчерпывающий ответ, поэтому «ли-вопросы» называют еще закрытыми или альтернативными вопросами. Если альтернативы ответа представляют собой противоречащие суждения и область поиска ответа ограничена выбором только одной альтернативы из двух возможных, то такой вопрос является дихотомическим.

Восполняющий вопрос направлен на выяснение новых свойств у исследуемых явлений. Дополнительную информацию о том, что собой представляет исследуемый объект, мы получаем, используя вопросительные слова «кто», «что», «когда», «как» и др. Отсюда название данного вида вопроса – «что-вопрос». Например: «О чем был разговор между вами?». В «что-вопросе» содержится информация о том, что разговор был, нуждающаяся в дополнительной информации. Ответ на «что-вопрос» предполагает выбор истинного суждения из множества возможных, поэтому его называют открытым.

С точки зрения определения смыслового значения данные виды вопросов являются фактологическими, т.е. устанавливающими информацию о факте, допрашиваемый только констатирует совершившееся, и содержание ответа не зависит от его субъективной интерпретации.

В отличие от фактологических мотивационные вопросы требуют субъективной интерпретации, т.е. высказывания своего мнения, оценки тех или иных событий, явлений и т.д. Когда мы спрашиваем: «Почему...?», «Как вы считаете...?», тем самым просим выразить свое субъективное мнение, оценить и т.д., независимо от того, какую объективную оценку имеет данное событие.

Нв фактологический вопрос возможен только один истинный ответ, тогда как ответ на мотивационный вопрос, по существу, не имеет ложных альтернатив, поскольку допрашиваемый выражает только свою точку зрения. В последнем случае выявляется не объективное содержание ответа, а только мнение отвечающего по данному вопросу, поэтому информация, полученная в результате ответов на мотивационные вопросы, не может быть использована для формирования фактического материала, но может служить для определения путей расследования, учитываться при построении версий.

В судебно-следственной практике без проведения допроса не проходит расследование ни одного уголовного дела, и большую часть протокольных материалов уголовных дел составляют протоколы допросов. Любой допрос построен на продуманной и правильно выраженной системе вопросов, поэтому в значительной степени эффективность допроса зависит от способности допрашивающего правильно формулировать вопросы.

В.Е. Коновалова отмечает, что причиной низкого качества допросов может быть неумение следователя сформулировать вопрос должным образом, поставить его в такой форме, чтобы он был ясен допрашиваемому, недвусмыслен, точен и правилен по своей структуре [9, с. 102]. С.В. Некрасов также указывает, что зачастую в следственной практике допросы проводятся без постановки необходимых вопросов. Такие допросы преимущественно проходят в условиях соблюдения законности, но по-

казания, отраженные в протоколах, могут быть малосодержательными или почти бессодержательными [10, с. 273].

Если вопрос сформулирован правильно, то уклонение от определенного ответа на него может свидетельствовать о заинтересованности допрашиваемого в сокрытии истины. Если же добросовестный допрашиваемый не дал ответ, значит, для него он был сформулирован и построен неправильно. Ошибочная постановка вопроса затрудняет, а порой и исключает получение ответа. Именно в этом смысле надлежит понимать очередную приведенную Л.А. Зашляпиным фразу о том, что «неумелые вопросы ставят в тупик», но отнюдь не так, как это делает цитируемый автор. По мнению исследователя, любой правильно поставленный вопрос является наводящим, поскольку «сермяжная правда умелого вопроса (речевой коммуникации) состоит в том, что отвечающий понимает то, что от него хочет узнать спрашивающий» [4, с. 37]. При этом Л.А. Зашляпин идет дальше, констатируя, что «предопределенность наводящего вопроса определяет невозможность получения объективно-истинного знания в ответе. Распространенность процессуальных действий вербального характера для сбора, проверки и оценки доказательств в отечественном уголовном процессе для большинства производств по уголовным делам исключает категоричность суждения о достижении объективно-истинного знания и в большинстве уголовных дел» [4, с. 38]. Между тем вопрос выступает важнейшей составной частью мыслительного процесса, без которого достижение необходимого результата деятельности оказывается практически невозможным.

Различные виды вопросов применяются сообразно решению тех познавательных задач, которые ставит перед собой исследователь. А.С. Александров и С.П. Гришин в образной форме дают совет, как выбирать виды вопросов в зависимости от целей, которые ставит перед собой допрашивающий: «Представьте сферу, которую вам надлежит исследовать, как темноту, а свои вопросы — как вспышки света, призванные рассеять ее. Если вы совершенно не представляете, что скрывается в темноте, и хотите получить хотя бы общее представление об этом прежде,

чем приступить к более подробному изучению, вам, естественно, лучше прибегнуть к более широким вопросам, которые дадут вам больше света. Если у вас есть какие-то идеи о том, что там кроется, и вы заинтересованы только в рассмотрении отдельной части этого, выберите более узкий, направленный пучок света. И, наконец, если вы точно знаете, куда идете, и вам нужно только освещение узкой тропы, выберите луч» [11, с. 121].

Думается, что этот совет пригоден для всего процесса познания в ходе уголовного судопроизводства. Процесс расследования преступлений зачастую проходит в условиях неочевидности, информационной неопределенности. В связи с этим на первоначальных этапах расследования, когда объем исходной информации, как правило, минимален, преимущественно используются широкие «что-вопросы», дающие относительную свободу в изложении фактов и направленные на получение новой информации. Так, вопрос «Что произошло?» применяется тогда, когда область поиска ответа слишком велика. Затем образуется широкий круг вопросов: «На каких объектах окружающей среды (людях, предметах, вещах, участках местности и помещений и т.д.) могли отобразиться следы расследуемого прошлого события?», «Какие объекты находились в причинно-следственной и пространственно-временной связи с расследуемым событием?» и т.п. и возможных ответов на них.

Несмотря на то, что ответ на широкий «что-вопрос» предполагает выбор истинного суждения из множества возможных, в процессе расследования уголовного дела бесконечного перебора возможных вариантов ответа никогда не бывает и на практике всегда происходит ограничение возможного выбора. Так, основной вопрос, который ставит перед собой следователь, очерчивая круг подозреваемых в совершении преступления, — это вопрос о том, кому это выгодно. А.М. Ларин в связи с этим писал: «Возьмем, к примеру, пресловутые заказные убийства. Каждое из них — преступление, имеющее предысторию, веские причины, связанные с деятельностью потерпевшего, преступление обдуманное, обсужденное заранее и к тому же дорогостоящее. Далее, как бы ни маскировался киллер, он известен за-

казчику и посреднику, торговцу оружием, преступной среде, из которой он вышел. Поэтому возникает веер версий — предположительных ответов на вопросы о том, кому мешал жить пострадавший, кто свел заказчика с убийцей, кто из каких средств ему платил, у кого приобретено оружие и т.д.» [12, с. 116]. Таким образом, само содержание вопроса является одновременно и ответом или, точнее, возможным на него ответом. Если для задающего вопрос область поиска ответа является безграничной, то ответ может не состояться. Это означает, что субъект доказывания не обладает необходимым уровнем знания ни для формулирования основного вопроса, ни для ответа на него.

По мере накопления и анализа информации менее вероятные ответы отбрасываются, и круг возможных ответов сужается, хотя и остается достаточно большим. И только на завершающих этапах расследования преступления количество вариантов ответов сводится к двум, трем или нескольким, каждый из которых имеет дихотомическую структуру, фактически это уже не ответы, а дихотомические вопросы. Сведение широких вопросов к дихотомическому вопросу представляет собой сокращение возможных вариантов ответа. Мы всегда начинаем наши рассуждения с момента незнания и открытого вопроса: «Что это?» и всегда заканчиваем этот процесс гипотетическим знанием и закрытым вопросом, т.е. задаем вопрос: «Это то?».

Таким образом, открытые вопросы имеют большое значение на ранних стадиях расследования, которое направляется такими вопросами, в результате чего происходит выдвижение и развитие версий. Обоснование единственно правильной версии принадлежит уже закрытым вопросам.

Только при хорошем предварительном знании можно правильно поставить вопрос. Как отмечал еще Ф. Бэкон, «прежде всего мы должны исследовать то, о чем спрашивать» [13, с. 298]. При расследовании преступлений правильный выбор и формулировка вопроса — есть результат сложной мыслительной деятельности, основанной на предшествующем тщательном и всестороннем исследовании полученной информации. Такое исследование предполагает сначала анализ и оценку всех

имеющихся данных (данных, полученных в результате проведения осмотра места происшествия; показаний свидетелей, потерпевших; заключений экспертов и т.д.), затем синтез посредством установления между ними связи. Анализируя имеющуюся в наличии информацию и создавая мысленную картину совершенного преступления, следователь строит предположения о том, какие следы в реальной обстановке или сознании людей должно или могло оставить преступление (мысль движется от известных предпосылок (сведений) к неизвестному, которое уже оформилось гипотетически). Таким образом, основательное осмысление исходной информации определяет содержание будущего вопроса, его базиса.

Вопрос не только должен быть направлен на область поиска, он должен также содержать в себе определение области поиска. Именно в этом заключается смысл процитированного Л.А. Зашляпным суждения В.Ф. Беркова о том, что «в хорошо сформулированном вопросе точное указание на категорию или множество, к которому относится искомое, является необходимой его частью» [4, с. 38]. Не менее вольно критикуемый автор интерпретирует действительно ставшее аксиоматичным утверждение о том, что «умный вопрос – это уже добрая половина знания». «Половина знания в ответе на вопрос допрашивающего, – получается у автора, – уже предопределена самим вопросом, поэтому вопрос определяет (наводит) ответ» [4, с. 37].

Во время судебного заседания, когда закончено предварительное следствие и предполагается, что вся исходная информация уже получена, у допрашивающего возникает необходимость определения пределов ответа, поэтому чаще задаются закрытые вопросы, не позволяющие допрашиваемому отвечать свободным рассказом и вносить в свои показания оценки и умозаключения, т.е. использование закрытого вопроса позволяет контролировать ответ.

Следует отметить, что в суде чаще всего речь не идет о получении подлинно новой информации. Как отмечают А.С. Александров и С.П. Гришин, познавательная ситуация в ходе судебного допроса (по крайней мере, для сторон) пример-

но такова: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю. И, тем не менее, я хотел бы, чтобы ты подтвердил то, что ты-мы знаем» [11, с. 108]. Вопрос, задаваемый в ситуации, когда и спрашивающий, и отвечающий знают истинный ответ, можно сравнить с риторическим вопросом, задаваемым с целью выяснить осведомленность допрашиваемого. Основной целью формулировки таких вопросов является представление доказательств.

Имея дело с вопросно-ответными ситуациями, необходимо учитывать их прагматический аспект, т.е. оценивать вопросы и ответы с точки зрения их полезности. Так, например, адвокат, задавая вопрос в суде, не должен требовать устранения неопределенности, как того требуют правила постановки вопроса, если это устранение усугубляет виновность подсудимого. Задавая такой вопрос, адвокат фактически выступает в роли обвинителя, поэтому с прагматической точки зрения данный вопрос является неправильным (в логике он называется расширительным).

Также неправильными в прагматическом аспекте будут нерелевантные вопросы, т.е. вопросы, ответы на которые не влияют на повышение или понижение достоверности исследуемой информации. В судопроизводстве такие вопросы являются не относимыми к делу (ч. 1 ст. 275 УПК РФ), т.к. ответы на них не влияют на судебное решение.

Таким образом, вывод Л.А. Зашляпина о непригодности вопроса как средства достижения истины в уголовном судопроизводстве явно несостоятелен, поскольку весь процесс познания в ходе расследования уголовного дела для субъекта доказывания, по сути, представляет собой постановку вопросов и поиск на них ответов. На наш взгляд, не должно вызывать возражений суждение о том, что успешное расследование преступлений во многом зависит от умения правильно ставить вопросы. «Решающим качеством настоящего исследователя, – отмечает В. Хайч, – является его чувство спорного, сомнительного, т.е. способность задавать действительно продуктивные вопросы» [14, с. 79]. Постановке вопроса всегда должны предшествовать тщательный предварительный анализ и осмысление исходной информации, поскольку лишь правильно поставленный

вопрос способен выполнить свои функции в познавательной ситуации.

В заключение отметим, что почти двадцатилетний опыт преподавания логики будущим юристам дает основание

автору данной статьи судить о небрежности обращения некоторых ученых с логическими категориями. Это тем более недопустимо, когда речь идет о работах, претендующих на научное исследование.

Список литературы

1. Библиотека криминалиста. 2012. N 4 (5).
2. Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2015. N 1.
3. Володина Л.М. Установление истины в уголовном судопроизводстве – обязанность властных субъектов // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2015. N 1. С. 24-29.
4. Зашляпин Л.А. Вопрос в допросе как процессуальное средство достижения истины // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2015. N 1. С. 30-38.
5. Декарт Р. Правила для руководства ума: Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
6. Корнакова С.В. Логика для юристов: учебник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. 122 с.
7. Центров Е. Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе // Российская юстиция. 2003. N 5. С. 43-45.
8. Львова Е.Ю., Насонов С.А. Доказывание в суде присяжных // Доказывание в уголовном процессе / под ред. В.А. Львова. М.: Юрист, 2000. С. 207-269.
9. Коновалова В.Е. Проблемы логики и психологии в следственной тактике. 2-е изд., доп. Киев: РИО МВД УССР, 1970. 162 с.
10. Некрасов С.В. Особенности доказывания в уголовном судопроизводстве // Особенности доказывания в судопроизводстве / под ред. А.А. Власова. М.: Экзамен, 2004. С. 209-320.
11. Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос: учеб.-практ. пособие. М.: Велби, Проспект, 2005. 296 с.
12. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика: науч.-практ. и учеб. пособие. М.: БЕК, 1996. 192 с.
13. Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1977.
14. Хайч В. О функциях вопроса в развитии научного знания // Методология развития научного знания / под ред. А.А. Старченко, Д. Шульце. М.: Изд. МГУ, 1982. С. 72-81.

РОМАНОВА В.В., кандидат юридических наук, Vera1704@yandex.ru Кафедра истории государства и права; Тольяттинский государственный университет, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14	ROMANOVA V.V., Candidate of Legal Sciences, Vera1704@yandex.ru Chair of history of state and law; Tolyatti State University, Belorusskaya St. 14, Tolyatti, 445020, Russian Federation
---	--

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА*

Аннотация. В статье анализируется институт юридической ответственности государства. Показаны взаимосвязи института юридической ответственности государства с иными институтами юридической ответственности и различными элементами системы права. Автором обосновывается, что юридическая ответственность государства – это многоплановое, многогранное, многоаспектное правовое явление, выступающее гарантом прав и свобод человека и гражданина, правопорядка и публичных интересов. Юридическая ответственность представляет собой

единство позитивного и негативного, в котором негативное является своеобразным средством обеспечения позитивного. Сделан вывод о том, что юридическая ответственность государства является действенным средством укрепления правопорядка и законности в деятельности органов государственной власти и их должностных лиц.

Ключевые слова: юридическая ответственность; государство; государственная власть; политическая ответственность; публично-правовая ответственность; конституционная ответственность.

LEGAL RESPONSIBILITY OF THE STATE

Annotation. The institution of legal responsibility of the state is analyzed in the article. The interconnection of this institution with other institutions of the legal responsibility and various elements of the legal system is shown. The author proves that the legal responsibility of the state is a multidimensional and multifaceted legal phenomenon which guarantees the rights and freedoms of man and citizen, the law and order and the public interest. Legal liability is the unity of positive and negative, in which the negative is a kind of means of ensuring positive. It is concluded that the legal responsibility of the state is an effective means of strengthening the law and order and legality in the activities of public authorities and their officials.

Keywords: legal responsibility; state; state power; political responsibility; public legal responsibility; constitutional responsibility.

*Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект N 16-33-00017 «Комплексный, межотраслевой институт юридической ответственности: понятие, структура, взаимосвязи и место в системе права».

В настоящее время в юридической науке нет единой концепции института юридической ответственности государства, по-прежнему остаются спорными вопросы ее понятия, соотношения с различными видами ответственности. Действующее законодательство, регламентирующее ответственность государства, характеризуется наличием пробелов и коллизий.

Проблема ответственности в деятельности государства, органов государственной власти и их должностных лиц становится одним из определяющих начал современной концепции демократии. Установление ответственности не только отдельного лица, но и государства является одним из направлений правовой идеологии государства на современном этапе, которая положительно влияет на формирование правосознания и правовую психологию населения. Наконец, эти нормы выступают важным фактором укрепления правовой основы функционирования государственных органов и их должностных лиц.

Новый взгляд на задачи государства состоит в том, что оно не только гарантирует защиту прав и свобод человека, но и несет ответственность за социальное благополучие населения. Государство, которое провозгласило себя социальным и правовым, а именно так закреплено в Конституции Российской Федерации, не может уклоняться от правовой обязанно-

сти компенсации ущерба, причиненного в результате ошибок и злоупотреблений в сфере управления.

Обратимся к понятию такого субъекта права, как государство. При всем многообразии типов государств, как современных, так и существовавших в разные исторические эпохи, можно выделить ряд схожих признаков, или элементов. По мнению Б.В. Эсмана, «государство есть юридическое олицетворение нации; оно является субъектом и воплощением общественной власти» [1, с. 97]. Л.А. Морозова выделяет следующие основные признаки государства: «наличие публичной политической власти, располагающей специальным аппаратом управления и принуждения; территориальная организация населения; государственный суверенитет; всеобъемлющий, общеобязательный характер актов государства; наличие государственной казны, что связано с существованием налогообложения и взиманием налогов» [2, с. 53]. В.Е. Чиркин, обобщая различные подходы, дает следующее определение: «Государство — это универсальное политическое сообщество в стране и одновременно политическая организация общества, обладающая особой (суверенной государственной) властью и специализированным аппаратом регулятивного воздействия на общество (в том числе путем легализованного принуждения), вы-

ражающая в процессе социального арбитража прежде всего волю доминирующего социального слоя, учитывающая интересы других слоев и выполняющая общие для общества задачи» [3, с. 86].

Институт юридической ответственности государства выступает в качестве одного из элементов современной правовой системы, позволяющих защитить права и свободы граждан и юридических лиц от возможных нарушений со стороны властных органов и их должностных лиц. Юридическая ответственность государства представляет собой важную гарантию прав, свобод и законных интересов, является действенным средством укрепления правопорядка, законности в процессе функционирования государственных органов и их должностных лиц.

В настоящее время ответственность государства в значительной степени декларативна. Зачастую меры юридической ответственности государства законодательно закреплены, но не разработаны действенные механизмы их реализации. Определенное в ст. 53 Конституции РФ право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, на практике реализуется крайне сложно, противоречиво и сопровождается длительными бюрократическими процедурами.

Однако нельзя возлагать на одну сторону только обязанности, а на другую — только права. Как гражданин, так и государство должны обладать сравнительно одинаковым объемом ответственности. Государство путем издания нормативных правовых актов принимает на себя конкретные обязательства перед гражданами, юридическими лицами, перед субъектами международного права и всем международным сообществом. При этом государство определяет и правовые меры ответственности своих официальных представителей за действия, совершаемые от имени государства и его органов.

Государство участвует во всевозможных сферах социальной жизни, выступает как субъект разнообразных правоотношений. При этом специфика отношений ответственности государства в немалой степени зависит от характерных особенностей

управленческих отношений, в которых оно принимает непосредственное участие.

Правоотношение ответственности включает по меньшей мере двух субъектов. С одной стороны правоотношения выступает лицо, наделенное правами и обязанностями совершить определенные действия, а с другой стороны — субъект, обладающий правом и обязанностью требовать совершения определенных в правовой норме действия или бездействия. Государство как субъект юридической ответственности должно рассматриваться также в двух аспектах: как орган, регламентирующий общественные отношения и имеющий полномочия привлекать к юридической ответственности лиц, совершивших правонарушение, и как субъект правоотношений, обязанный соблюдать установленные нормативными правовыми актами определенные правила и нести правовые ограничения, предусмотренные санкцией нормы права.

И.А. Умнова предлагает ввести в юридическую науку термин «публично-правовая ответственность». По ее мнению, это обусловлено необходимостью провести систематизацию форм и мер ответственности, применяемых в сфере организации и функционирования публичной власти. По представлению И.А. Умновой, «публично-правовая ответственность отличается от других видов ответственности тем, что в ней сочетаются моральные, политические и правовые меры ответственности и субъекты ответственности несут ее перед основными источниками публичной власти — гражданином, народом, населением» [4]. Автор тем самым объединяет в одном определении юридическую ответственность представителей власти и иные виды социальной ответственности: политическую и моральную. Представляется недостаточно аргументированным смешение данных видов ответственности, поскольку признаками юридической ответственности государства является нормативность, формальная определенность, наличие юридической обязанности и обеспечение государственным принуждением.

Рассмотрим общие признаки и критерии отграничения таких категорий, как «юридическая ответственность», «конституционно-правовая ответственность» и «политическая ответственность». Полити-

ческая ответственность и юридическая ответственность являются разновидностями социальной ответственности, поэтому обладают рядом общих черт. Наиболее тесным образом с институтом политической ответственности связана конституционно-правовая ответственность, выступающая элементом структуры института юридической ответственности.

«По ряду характеристик (круг общественных отношений, на которые идет посягательство, субъекты и санкции, к ним применяемые) конституционная и политическая ответственность близки по значению. Однако между этими видами ответственности есть принципиальное различие. Полагаем, что главным критерием их разграничения является наличие или отсутствие конституционного правонарушения» [5, с. 87].

Обратимся к понятию политической ответственности субъекта государственно-властных отношений. В.Н. Савин определяет «политическую ответственность государственной власти как ответственность государственной власти и должностных лиц перед народом, населением соответствующей территории за несоответствие их деятельности мандату доверия, выражающееся в их неспособности вырабатывать и осуществлять политику, принимать решения с пользой для блага людей» [6, с. 64].

А.К. Агапонов понимает политическую ответственность как «осознание ответственной зависимости политического лидера, субъекта властных отношений от государства, гражданского общества, политической организации, населения в деятельности по осуществлению коллективно выработанного курса, выполнению предвыборной программы, обещаний перед электоратом, неуклонное следование в своей деятельности конституционным положениям и политико-правовым нормам. Политическая ответственность, будучи разновидностью социальной ответственности, не обладает чертами юридической ответственности. Сферой ее применения является политическая деятельность, в большинстве случаев политическая ответственность имеет основанием нарушение норм морали, существующих в государстве обычаев, наличие недостатков при осуществлении государственной власти (например, аморальный поступок, некомпетентность, политическая

некорректность и т.п.). Так, отставка министра вследствие его несогласия с официально проводимой политикой не обладает такими чертами, как нарушение юридических норм, без чего невозможны меры принуждения, реализация санкции правовой нормы, в связи с чем не представляется возможным признать такого рода отставку санкцией конституционно-правовой ответственности» [7, с. 17].

Конституционная ответственность — основа, базис для развития и формирования других видов юридической ответственности. Именно конституционная ответственность призвана обеспечивать незыблемость принципов народовластия и верховенства Конституции, а также защищать права и свободы человека и гражданина.

По своему содержанию суть конституционной ответственности состоит в закреплении принципов правового функционирования органов государственной власти и их должностных лиц, а также мер ответственности за их нарушение. «Все исследователи сущность конституционной ответственности видят в установлении системы реальных гарантий против концентрации власти (либо в одной ветви власти, либо в компетенции между различными уровнями власти, либо в руках одного должностного лица), закреплённой в конституционном законодательстве... Иными словами, сущность конституционной ответственности состоит в обеспечении механизма юридических последствий в случае реальных нарушений сбалансированности власти, в выявлении причин таких нарушений и наказании высших должностных лиц государства» [8, с. 177].

Другие исследователи обращают внимание на политический, и даже моральный характер конституционной ответственности. Однако конституционная ответственность — это ответственность, которую следует рассматривать как самостоятельный вид юридической ответственности, наступление неблагоприятных последствий для субъектов конституционной ответственности направлено прежде всего на защиту Конституции, а не иных политических и моральных норм. Поэтому неверно смешивать конституционную ответственность государства с иными видами социальной ответственности.

Ученые-правоведы едины во мнении о существовании виновной и невиновной (объективной) ответственности. Разумеется, такие виды юридической ответственности представителей государства, как административная и уголовная, невозможны, если не будет доказана вина правонарушителя. В то же время наука и практика признают объективную ответственность государств в гражданском, международном и конституционном праве.

Так, в статье II Конвенции от 29 марта 1972 г. «О международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами» содержится следующее положение: «Запускающее государство несет абсолютную ответственность за выплату компенсации за ущерб, причиненный его космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете».

На внутригосударственном уровне безвиновная ответственность государства закреплена, в частности, в пункте 1 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ: «Вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом».

Одной из проблем, возникающих при определении ответственности федеративного государства, является ее практическое разделение между федеральным центром и субъектами Федерации. «Суть публичной ответственности Российской Федерации и субъектов Федерации как носителей власти определяется главным принципом, который должен при этом действовать: чем больше субъект (носитель) власти ее

получает, тем большую ответственность он несет перед гражданином, народом и населением. Пределы ответственности должны определяться предметом ведения Российской Федерации и ее субъектов, закрепленным Конституцией РФ и федеральным законодательством. В то же время единое государство, каким является Российская Федерация, должно обеспечивать единую и сбалансированную систему определения и возложения ответственности, гарантирующую защиту прав и свобод человека от злоупотребления властью независимо от того, на каком уровне власти это злоупотребление было допущено. Данные нормы выступают в качестве гаранта укрепления правовой основы деятельности как всего государства, так и его органов и их должностных лиц. В результате формируется единый правовой институт восстановления прав граждан и возмещения причиненного вреда» [9, с. 37].

В зависимости от характера мер ответственности государства выделяют имущественную, неимущественную и правовосстановительную ответственность.

Имущественная (материальная) ответственность государства предполагает обязанность государства возместить потерпевшему лицу причиненный вред и выражается в виде выплаты понесенных убытков и денежной компенсации морального вреда.

Неимущественная (нематериальная) ответственность представляет собой прежде всего обязанность государства признать факт совершения правонарушения органом государственной власти или его должностным лицом. Целью такого решения является восстановление нарушенных прав потерпевших лиц и социальной справедливости в целом.

В качестве примера правовосстановительной ответственности можно привести возвращение воинских и почетных званий, возврат ранее принадлежащего имущества, восстановление трудовых отношений. Таким образом, правовосстановительная ответственность выражается в совершении уполномоченными представителями государства действий по восстановлению нарушенных прав.

Юридическую ответственность государства, как и юридическую ответственность любого иного субъекта, следует

понимать в единстве негативного и позитивного аспектов. Негативный аспект реализуется в случае совершения правонарушения как самим государством, так и его органом государственной власти или должностным лицом. Позитивный аспект означает обязанность государства соблюдать и защищать права и законные интересы физических и юридических лиц. Из смысла ст. 53 Конституции РФ вытекает общее правоотношение позитивной ответственности государства перед его гражданами. Иными словами, каждый человек имеет права, а государство обязано обеспечивать реализацию этих прав и не препятствовать их осуществлению.

Иную точку зрения высказал Б.Т. Безлепкин: «Когда речь идет о государстве как субъекте отношений с гражданином, пострадавшим вследствие несовершенства в деятельности какого-либо звена его (государства) власти, в том числе и отношений по поводу имущественного вреда, несправедливо причиненного в уголовном деле, следует говорить не об ответственности, а о нуждающейся в юридическом оформлении обязанности государства, вытекающей из общей обязанности демократического государства заботиться о своих гражданах и защищать их законные права и интересы» [10, с. 80]. Данная точка зрения представляется спорной, поскольку такая обязанность государства есть не что иное, как позитивная ответственность. Если же государство в лице своих органов все же не исполнило эту обязанность, допустило нарушение права гражданина, то реализуется негативный аспект юридической ответственности. Иначе говоря, юридическая ответственность представляет собой единство позитивного и негативного, в котором негативное является своеобразным средством обеспечения позитивного.

Позитивная ответственность государства должна выражаться в осуществлении активных действий, создающих условия и гарантии для использования каждым гражданином его прав и свобод. В Российской Федерации в условиях построения правового государства позитивная ответственность приобретает особую актуальность, поскольку обусловлена объективными идеалами времени, изменяет привычное представление, ее содержание заключается в самостоятельной и инициативной

деятельности строго в рамках правовых норм и для достижения тех целей, для которых нормы изданы.

Прежде чем дать определение юридической ответственности государства, целесообразно обратиться к определениям, имеющимся в юридической науке.

С.Ю. Рипинский, анализируя проблемы реализации имущественной ответственности государства за вред, причиняемый предпринимателям, определяет юридическую ответственность государства следующим образом: «Внедоговорная имущественная ответственность государства за вред, причиненный предпринимателю, – это обязанность государства (должника) возместить предпринимателю (кредитору) причиненный незаконными действиями (бездействием) органов власти вред, приводящая к ухудшению имущественного положения должника по сравнению с предшествующим правонарушению периодом, опосредуемая процессуальной формой и исполняемая путем осуществления компетентными органами своих полномочий» [11, с. 67]. Как следует из определения, автор рассматривает юридическую ответственность лишь органов государственной власти, а ведь ответственность государства может выражаться и в виде ответственности его представителей – должностных лиц.

Кроме того, С.Ю. Рипинский утверждает, что юридическая ответственность государства «исполняется путем осуществления компетентными органами своих полномочий» [11]. Безусловно, монополией на реализацию мер юридической ответственности в отношении кого бы то ни было обладает государство, и в случае с ответственностью государства нельзя утверждать иное. Нет никакого противоречия в том, что меры государственного принуждения применяются государством фактически в отношении самого себя. Это лишь подчеркивает стремление построить правовое государство. Таким образом, институт ответственности государства представляет собой способ контроля одних государственных органов за деятельностью других. Принцип разделения властей позволяет создать ситуацию, когда наряду с государственными органами, способными причинить своей деятельностью вред, функционируют независимые

государственные органы, наделенные полномочиями контроля и привлечения к ответственности. Подобная схема гарантирует восстановление нарушенных прав в случае совершения правонарушений представителями государства.

С.Б. Цветков дает следующее определение юридической ответственности государства: «Ответственность за вред, причиненный государственными органами (органами местного самоуправления) и их должностными лицами, можно определить как обязанность государства (муниципального образования) возместить за счет соответствующей казны вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) этих органов либо должностных лиц при осуществлении ими властных полномочий от имени государства (муниципального образования)» [12, с. 33]. Следует признать данное определение спорным только по одной причине – в соответствии со ст. 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

С позиций ретроспективного подхода дает определение юридической ответственности государства Д.Г. Горбунов: «Мы можем определить юридическую ответственность государства перед гражданином как особый вид государственно-правового принуждения, состоящий в возложении на государство дополнительных обязанностей имущественного и неимущественного характера, предусмотренных санкцией нарушенной нормы, направленных на восстановление нарушенных прав и свобод граждан» [13, с. 91]. Е.А. Сунцова полагает, что «юридическая ответственность государства – это реализация закрепленной в правовых нормах обязанности государства по возмещению ущерба, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц» [14, с. 184].

«Признавая лишь ретроспективную юридическую ответственность государства, можно прийти к парадоксальному состоянию, когда государство будет в полной мере возмещать наступивший ущерб, причиненный неправомерными действиями, но не будет предпринимать мер по своевременному и надлежащему испол-

нению органами государственной власти и должностными лицами своих прямых должностных обязанностей. Необходимо создать комплексную систему, в рамках которой возможна реализация позитивной ответственности, а в случае нарушения правовых норм – и ретроспективной ответственности. Ведь наиболее важным в деятельности любого субъекта, а особенно государства, является предвидение результатов своей деятельности и осмысление ее общественной значимости, выражением которых выступает социально полезное поведение» [15, с. 45-46].

Определение понятия юридической ответственности государства невозможно без упоминания такого элемента структуры института юридической ответственности, как международно-правовая ответственность. Международно-правовая ответственность государства признается одним из основных принципов современного международного публичного права. Она выступает средством обеспечения интересов как конкретных государств, так и международного сообщества в целом. Таким образом, проблемы реализации юридической ответственности государства являются актуальными и для национального, и для международного права.

В качестве вывода приведем определение юридической ответственности государства. «Юридическая ответственность государства – это юридическая обязанность государства, его органов и (или) должностных лиц (носителей государственной власти) соблюдать, исполнять, использовать и применять предписания национальных и международно-правовых норм, реализующаяся в их правомерной деятельности, а в случае совершения правонарушения обязанность восстановить нарушенные права, возместить причиненный ущерб и претерпеть правоограничения, предусмотренные санкцией нарушенной нормы» [15].

Юридическая ответственность государства может реализовываться, во-первых, как позитивная – в форме соблюдения, исполнения, использования и применения правовых норм, что находит свое выражение в его правомерной деятельности или правомерном поведении должностных лиц; во-вторых, как негативная – в форме несения самим госу-

дарством неблагоприятных последствий, предусмотренных санкцией нарушенной нормы, в виде восстановления прав граждан, юридических лиц, других государств, а также возмещения причиненного им ущерба.

Одной из особенностей ответственности государства является то, что оно само посредством законодательной деятельности или путем присоединения к международно-правовым договорам устанавливает в отношении себя меры ответственности. В связи с этим существование

фактической ответственности государства, обеспеченной конкретными механизмами реализации, зависит от того, насколько оно приблизилось к идеалу правового государства. Немаловажным фактором выступает также степень сформированности гражданского общества. Ведь именно гражданское общество может выступить одним из рычагов, приводящим в действие механизм по закреплению института юридической ответственности государства как в нормативных правовых актах, так и на практике.

Список литературы

1. Эсмен Б.В. Государство: Общий очерк. Пг., 1918.
2. Морозова Л.А. Понятие, сущность и типология государства // Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999.
3. Чиркин В.Е. Публичное управление: учебник. М.: Юрист, 2004.
4. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: учеб.-практ. пособие. М., 1998.
5. Ишеков К.А. О конституционно-правовой и политической ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Власть. 2009. N 12.
6. Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед народом // Государство и право. 2000. N 12.
7. Агапонов А.К. Политическая и социальная ответственность в государственном и муниципальном управлении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2008. N 3.
8. Зражевская Т.Д. Реализация конституционного законодательства: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1999.
9. Кушхова Б.З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
10. Безлепкин Б.Т. Возмещение вреда, причиненного судебными органами // Советское государство и право. 1979. N 1.
11. Рипинский С.Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям. СПб., 2002.
12. Цветков С.Б. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
13. Горбунов Д.Г. Ответственность государства перед гражданином как принцип правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
14. Сунцова Е.А. Нетрадиционные виды юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
15. Романова В.В. Юридическая ответственность государства: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. С. 45-46.

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

ТОШЕВ А.М., кандидат юридических наук, tam300986@mail.ru Кафедра организации управления правоохранительной деятельности факультета N 1; Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, 734024, г. Душанбе, ул. Восе, 123	TOSHEV A.M., Candidate of Legal Sciences, tam300986@mail.ru Chair of law enforcement management organization of the faculty number 1, Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Tajikistan, Vose St. 123, Dushanbe, 734024, Republic of Tajikistan
БОУШ К.С., кандидат юридических наук, доцент, boush777@mail.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	BOUSH K.S., Candidate of Legal Sciences, associate professor, boush777@mail.ru Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН. ОПЫТ
КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Закрепление социально-экономических прав в международных правовых документах и нормативных правовых актах государств направлено на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Провозгласив права и свободы, государство должно создать механизм, позволяющий гражданам их реализовывать. Авторами статьи проведен сравнительный анализ законодательства Республики Таджикистан и Российской Федерации, а также данных, свидетельствующих о состоянии обеспечения социально-экономических прав граждан двух государств. Сделан вывод о том, что отдельные конституционные нормы Российской Федерации можно использовать в качестве образца при совершенствовании законодательства Республики Таджикистан. Немаловажным является и повышение уровня правосознания и правовой культуры граждан, поскольку человек, плохо осознающий явления юридической действительности, не может реализовать свои права и свободы.

Ключевые слова: конституция; социальное государство; социально-экономические права; реализация прав.

**PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL
AND ECONOMIC RIGHTS IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN. THE EXPERIENCE
OF THE CONSTITUTIONAL MODEL OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. Fixing the social and economic rights in international legal documents and normative legal acts of the states is aimed at creating the conditions that provide worthy life and free development of a person. Having proclaimed the rights and freedoms, the state should create the mechanism to ensure the possibility of their realization by the citizens. The authors of the article conducted a comparative analysis of the legislation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation, as well as the data indicating the condition of ensuring the social and economic rights of the citizens of these two states. It is concluded that certain constitutional norms of the Russian Federation can be used as a model for improving the legislation of the Republic of Tajikistan. It is also important to increase the level of legal awareness and legal culture of the citizens, because the person poorly aware of the phenomenon of legal reality cannot implement his (her) rights and freedoms.

Keywords: constitution; social state; social and economic rights; implementation of rights.

Институт социально-экономических прав личности – важнейшая часть законодательной базы правового и демократического государства. По степени реализации и защиты социально-экономических прав можно судить о правовом (конституционном) статусе личности в государстве в целом. Именно конституция государства как юридический гарант и основной политико-правовой документ призвана определять основные права и свободы человека и гражданина.

В Республике Таджикистан за последний период принято большое количество нормативных правовых актов, регулирующих правовой статус личности, ратифицировано более 20 международных правовых актов в области прав и свобод человека и гражданина. В настоящее время Таджикистан сотрудничает более чем с 10 международными организациями в области прав человека, в 2008 году создан институт Уполномоченного по правам человека. Однако, несмотря на это, остаются нерешенные проблемы в области конституционно-правового регулирования статуса личности. Одним из них является реализация социально-экономических прав и свобод личности, которая нуждается в совершенствовании.

В соответствии с Конституцией Таджикистана права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством. Согласно буквальному толкованию речь идет о признании государством прав и свобод существующими и действительными, а также принципа ненарушения их, что не всегда является показателем свободы индивида. Более важным здесь является активная реализация государством политики, направленной на установление в обществе таких ценностных ориентиров. Таким образом, основной проблемой является реализация прав и свобод человека и гражданина, а не только их провозглашение.

Результаты исследований, в том числе анкетирования, свидетельствуют о том, что реализация социально-экономических прав личности в Республике Таджикистан требует совершенствования. Например, на вопрос об оценке уровня реализации прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан 27 % респондентов отметили очень низкий уровень, 33 %

респондентов оценили его как низкий, 37 % – как средний и 3 % – как высокий [1]. В связи с этим проблемы реализации правового статуса личности в условиях Таджикистана нуждаются во всестороннем теоретическом исследовании и практическом совершенствовании.

Идея социального государства – одна из великих идей цивилизованного развития, сыгравшая неопределимую роль в предотвращении социальных конфликтов, гармонизации общественных отношений, установлении разумных параметров взаимодействия государства, общества и человека [2, с. 11]. Сущность социального государства согласно Л. Штейну заключается в его обязанности «...способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого и именно в этом смысле следует понимать социальное государство» [цит. по: 3, с. 42].

С целью дальнейшего развития Республики Таджикистан, в том числе улучшения социальной сферы общества, Президентом Республики Таджикистан в 2005 году была инициирована разработка Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2015 года, которая определила приоритеты и общие направления государственной политики, ориентированные на достижение устойчивого экономического роста, облегчение доступа населения к базовым социальным услугам и снижение бедности. В Национальной стратегии отмечено, что переходный период, характеризующийся серьезными политическими и экономическими проблемами, привел к резкому ухудшению состояния социального блока (здравоохранения, образования и науки, социальной защиты населения, водоснабжения, санитарии и жилищно-коммунального хозяйства, экологии и гендерных отношений), сокращению доступа населения к качественным социальным услугам, ухудшению условий жизни [4, с. 37]. В настоящее время в республике принято несколько документов (Государственная стратегия рынка труда Республики Таджикистан до 2020 года, Национальная стратегия развития образования Республики Таджикистан до 2020 года, Национальная стратегия здоровья населения Республики Таджикистан на период 2010-2020 годы

и др.). Для предотвращения негативных последствий и в целях дальнейшего развития страны стратегии предусматривают ряд целей, приоритетов и принципов. Несмотря на некоторые достижения, до сих пор имеется очень много нерешенных вопросов, в том числе в сфере законодательного регулирования, которое нуждается в совершенствовании.

Согласно конституционным положениям Таджикистан, являясь социальным государством, создает условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого человека (часть 1 статьи 2).

В Российской Федерации Конституция в статье 7 определяет социальное государство более широко – государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Кроме того, провозглашается, что в государстве охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Таким образом, конституционный принцип социального государства в Российской Федерации предполагает создание равных возможностей для всех членов общества по охране труда и здоровья, установление гарантированного минимального размера оплаты труда, обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты.

В связи с тем, что принцип социального государства Таджикистана не нашел отражения в конституции в форме прямых гарантий развития социальной сферы, представляется целесообразным по примеру Конституции Российской Федерации часть 2 статьи 1 Конституции Таджикистана дополнить нормами, устанавливающими и гарантирующими возможности социальной сферы общества. Следует согласиться с мнением Л.Д. Воеводина, который отмечает, что в рамках целого – системы

– назначение гарантий состоит в том, что они призваны обеспечить такую возможно более благоприятную обстановку, в атмосфере которой записанные в конституциях и законах юридический статус личности, и особенно ее права и свободы становились бы фактическим положением каждого отдельного человека и гражданина [5, с. 221].

В связи с этим А.Х. Маликова отмечает, что «в условиях Таджикистана, в первую очередь, мы не видим перспективной социальной политики и правового фундамента, без которых государство не может формироваться и функционировать как социальное» [6, с. 120].

В Республике Таджикистан согласно Конституции мать и ребенок находятся под особой защитой и покровительством государства (часть 1 статьи 34). Как известно, семья – ячейка общества, и будущее каждой нации зависит от здоровья матери и ребенка. Современная политика Таджикистана в сфере обеспечения прав матери и ребенка требует дальнейшей реализации. В этом случае представляется необходимым принятие социальных программ в области обеспечения прав матери и ребенка по аналогии с иными государствами, в том числе Российской Федерации.

Важным моментом в сфере реализации социально-экономических прав является реализация норм о гарантиях детей. Согласно IV принципу Декларации прав ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года, государство обязано принять необходимые меры по защите прав матери и ребенка. Декларация провозглашает, что «ребенок должен пользоваться благами социального обеспечения. Ему должно принадлежать право на здоровый рост и развитие; с этой целью специальные уход и охрана должны быть обеспечены как ему, так и его матери, включая надлежащий дородовой и послеродовой уход. Ребенку должно принадлежать право на надлежащие питание, жилище, развлечения и медицинское обслуживание».

Согласно Конституции в Таджикистане каждый имеет право на труд, выбор профессии, работы, охрану труда и социальную защиту от безработицы. Заработная плата не должна быть ниже минимального размера оплаты труда (часть 1 статьи 35).

Однако остается нерешенной проблема занятости населения. Внешняя эмиграция, в том числе большого количества молодых специалистов, окончивших образовательные организации, приводит к потере трудовых ресурсов. В связи с этим одним из ключевых направлений государства в социально-экономической сфере остается снижение уровня безработицы и обеспечение граждан рабочими местами.

В Российской Федерации право на труд является одним из гарантированных начал, предопределившим как свободу труда, так и равные возможности его развития и исполнения. Закрепленное в Конституции Российской Федерации право на труд выступает инструментарием, посредством которого обеспечиваются юридически значимые потребности граждан, которые, в свою очередь, воздействуют и на экономическую составляющую всей страны. Право относится к надстроечной категории и обусловлено материальными условиями жизни общества, экономикой. Но оно обладает и относительной самостоятельностью, то есть оказывает обратное воздействие на экономику, содействуя ее развитию в нужном обществе направлении [7, с. 4].

Развитие новых рыночных отношений в Российской Федерации способствует формированию сферы занятости и трудоустройства населения, развитию законодательной базы. Стали появляться органы и учреждения, деятельность которых направлена на оказание помощи в содействии в трудоустройстве различных категорий граждан. Преимущественную долю источников, регулирующих отношения занятости населения в Российской Федерации, составляют акты Правительства Российской Федерации. Особая роль отводится Федеральному конституционному закону от 17 декабря 1997 года N 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»*. Именно этот нормативный документ определяет единую государственную политику в сфере социальной защищенности населения России. При этом ведущая роль отводится федеральным целевым программам, направленным

на развитие института занятости. Одной из таких ключевых программ является Государственная программа «Содействие занятости населения». Объем бюджетных ассигнований, выделяемых на ее реализацию, в 2016 году составил 75 659 568,1 тыс. рублей, на 2020 год запланировано выделение 73 402 406 тыс. рублей**.

Настоящая программа включает в себя несколько частей. Первая – это «Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан». Данная подпрограмма ориентирована на профессиональную переподготовку безработной категории граждан и дистанционные формы занятости и обучения. Вторая часть программы – это «Внешняя трудовая миграция», рассчитанная на привлечение иностранной рабочей силы и, соответственно, квотирование рабочих мест, т.е. развитие миграционных квот. Третья часть рассматриваемой программы – «Развитие институтов рынка труда» – включает национальную систему подготовки кадров (разработка необходимых критериев и стандартов).

Одним из направлений государственной политики Российской Федерации является реализация права на труд инвалидами. Так, в соответствии с Федеральным законом от 23 февраля 2013 года N 11-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу квотирования рабочих мест для инвалидов» введена административная ответственность работодателей за неисполнение обязанности создавать или выделять рабочие места для инвалидов в рамках установленной квоты***.

Право на жилище также относится к общепризнанным социальным правам. В соответствии со статьей 36 Конституции Таджикистана каждый имеет право на

* О Правительстве Российской Федерации: федер. конституционный закон от 17 дек. 1997 г. N 2-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 51. Ст. 5712.

** Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения»: распоряжение Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. N 298 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 18 (ч. I). Ст. 2147.

*** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу квотирования рабочих мест для инвалидов: федер. закон от 23 февр. 2013 г. N 11-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 8. Ст. 717.

жилище. Это право обеспечивается путем осуществления государственного, общественного, кооперативного и индивидуального жилищного строительства. В то же время одной из нерешенных проблем остается доступность жилья. Существенная разница между рыночной стоимостью жилья и средним доходом граждан остается основным препятствием для реализации права на жилище. Кроме того, проблемой в этом вопросе остается формирование нормативно-правовой базы. В Российской Федерации на решение вопросов обеспечения жильем направлены федеральные целевые программы, например Федеральная целевая программа «Жилище» на 2011-2015 годы*. Основной целью Программы является формирование рынка доступного жилья экономкласса, отвечающего требованиям энергоэффективности и экологичности; выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством. Кроме того, Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года N 232 была утверждена государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»**. Целью программы является повышение доступности жилья и качества жилищного обеспечения населения, в том числе с учетом исполнения государственных обязательств по обеспечению жильем отдельных категорий граждан; повышение качества и надежности предоставления жилищно-коммунальных услуг населению.

Проблема обеспечения жильем находит решение и на региональном уровне. Например, в Тюменской области действует программа «Развитие жилищного строительства», утвержденная Постановлением Правительства Тюменской области от 22 декабря 2014 года N 682-п***. Реализация программы связана с решением следую-

щих задач: 1) повышение доступности жилья, стимулирование строительства жилья экономкласса, отвечающего требованиям энергоэффективности и экологичности. К 2020 г. долю такого жилья в общем объеме ввода жилья планируется довести как минимум до 67 %; 2) обеспечение жильем отдельных категорий граждан; 3) ликвидация аварийного жилищного фонда; 4) формирование модели частно-государственного партнерства в сфере кадрового обеспечения отрасли жилищного строительства; 5) оказание содействия многодетным семьям при строительстве жилья и др. В программе отражены имеющиеся сложности. Так, в п. 1.2 говорится о том, что одной из наиболее острых социальных проблем остается обеспечение жильем отдельных категорий граждан, перед которыми государство в соответствии с законодательством имеет такое обязательство. В частности, ежегодное увеличение финансирования мероприятий, направленных на государственную поддержку детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа, не покрывает потребности в жилых помещениях для указанной категории граждан.

Сравнительный анализ Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Таджикистан свидетельствует о более точном регулировании в Российской Федерации субъективного жилищного права. Согласно статье 40 Конституции Российской Федерации «1. Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. 2. Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. 3. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами». На основе опыта Российской Федерации, с целью создания правовой базы в области реализации права на жилище, представляется целесообразным дополнение части 2 статьи 36 Конституции Республики Таджикистан нормами, обеспечивающими право на жилище малоимущим и гражданам, нуждающимся в жилище. Это позволит

* Постановлением Правительства РФ от 25 августа 2015 г. N 889 в наименовании программы цифры «2011» и «2015» заменены соответственно на «2015» и «2020». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 18 (ч. III). Ст. 2169.

*** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

создать правовую основу для программ и других необходимых мер в сфере реализации права на жилище в Таджикистане. Одной из таких программ может стать программа, обеспечивающая реализацию права на жилье посредством введения ипотечной системы.

В сфере здоровья Конституция Республики Таджикистан закрепляет право каждого на его охрану (ст. 38). Согласно конституционной норме каждый в рамках, определенных законом, пользуется бесплатной медицинской помощью в государственных учреждениях здравоохранения. Государство принимает меры по оздоровлению окружающей среды, развитию массового спорта, физической культуры и туризма. Другие формы оказания медицинской помощи определяются законом. В целях реализации конституционного положения в Республике Таджикистан принят ряд нормативных правовых актов, например Закон Республики Таджикистан «Об охране здоровья», который установил, что охрана здоровья населения в Республике Таджикистан осуществляется путем: соблюдения прав человека и гражданина в области охраны здоровья; повышения ответственности органов государственной власти и их структур, предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, должностных лиц за обеспечение прав граждан в области охраны здоровья; последовательного развития социально-экономической и производственной базы охраны здоровья населения, улучшения финансирования государственной системы здравоохранения... (ст. 3)*.

Наряду с этим недостаточная реализация и контроль соблюдения нормативных положений в сфере охраны здоровья затрудняют регулирование правового статуса личности в данной сфере. К числу современных проблем относятся снижение качества предоставления медицинских услуг в государственных учреждениях здравоохранения (в том числе по причине отсутствия современного оборудования и оттока квалифицированного персонала), преобладание негосударственных учреждений здравоохранения. В Российской Федерации в усло-

виях финансирования и контроля государственные учреждения здравоохранения сохраняют конкурентоспособность.

В связи с этим представляется, что в сфере здравоохранения действие правил рыночной экономики должно быть ограничено. Несмотря на то, что в зарубежной литературе высказываются иные точки зрения, например, Ф. Хайек, М. Фридмен считают недопустимым любое вмешательство государства в рыночные отношения во имя справедливости и равенства, поскольку это противоречит принципам и структурам свободного рынка [2, с. 11], в области здравоохранения такой подход неприменим. В условиях конституционного обязательства государства по обеспечению здоровья населения страны требуется выработка соответствующего механизма финансового обеспечения государственных учреждений здравоохранения и контроля за их деятельностью.

К положительному опыту в сфере охраны здоровья в Российской Федерации следует отнести установление государственных гарантий предоставления бесплатной медицинской помощи, создание наряду с этим условий для развития частной медицины, развитие системы страхования здоровья граждан, включающей различные источники финансирования, а также государственный контроль и надзор за оказанием медицинских услуг.

Сфера образования в Республике Таджикистан основана на статье 41 Конституции Республики Таджикистан, согласно которой каждый имеет право на образование, а общее основное образование обязательно. Государство гарантирует общее основное обязательное бесплатное образование в государственных учреждениях.

Право на образование можно определить как право человека на получение определенной совокупности знаний, культурно-нравственных навыков (способствующих интеграции личности в национальную и мировую культуру), профессиональной ориентации, необходимых для нормальной жизнедеятельности на современном этапе развития общества [8, с. 143]. К числу нерешенных проблем реализации конституционного положения в сфере образования в Таджикистане относится формирование организационных основ функционирования системы обра-

* Об охране здоровья: закон Республики Таджикистан от 15 мая 1997 г. N 419: ред. от 28 дек. 2013 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1997. N 9; 2013. N 1057.

зования и качество образования. Последнее заключается в несоответствии уровня образования населения Таджикистана, в том числе грамотности, современным требованиям. Как следствие, недостаточный уровень формирования мировоззрения может служить фактором смещения общественных и государственных ценностей населения, криминализации общества (в том числе вовлечения в экстремистские или религиозные объединения) и др. Остаются проблемы дошкольного образования, которые заключаются в отсутствии достаточного количества спортивных секций, кружков, детских площадок, в сельской местности дошкольных образовательных учреждений. С учетом провозглашения Декларацией прав ребенка положения о том, что ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства, представляется целесообразным дополнить часть 1 статьи 41 Конституции Республики Таджикистан нормой о дошкольном образовании. Примером конституционного регулирования может послужить часть 2 статьи 43 Конституции Российской Федерации, согласно которой гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

Решение проблем совершенствования правового статуса личности в Республике Таджикистан, как в любом государстве, находится в зависимости от уровня правосознания и правовой грамотности населения. Недостаточный уровень правосознания и правовой культуры, правовой нигилизм являются факторами, негативно влияющими на реализацию правового статуса личности. Курс на демократизацию общественной жизни и создание правового государства предполагает новую ориентацию на использование правового сознания и правовой грамотности как средства социального регулирования правомерного поведения личности и укрепления закон-

ности. Правовое воспитание в прошлом, особенно в советский период, развивалось активно и повсеместно. Им занимались на высоком организационном уровне различные государственные и общественные структуры. Для многих государственных органов функция правового воспитания в соответствии с законом была частью их деятельности*.

Низкий уровень правосознания и правовой грамотности приводит к таким фактам, как несоблюдение конституционных прав и свобод личности; принятие «некачественных» законов; несоблюдение государственными органами, должностными лицами установленных государством предписаний; проявление правового нигилизма, связанного с несовершеннолетием законодательства; повсеместное проявление крайних степеней деформации правосознания, выражающееся в криминализации общественных отношений.

В целях обеспечения верховенства закона, повышения уровня правосознания населения, профилактики правонарушений в Республике Таджикистан в годы независимости были изданы: Указ Президента Республики Таджикистан от 9 апреля 1997 года N 691 «О правовой политике и правовом воспитании граждан Республики Таджикистан»; постановления Правительства Республики Таджикистан от 22 августа 1997 года N 383 «О некоторых мерах по улучшению правового воспитания граждан и правовой работы в республике» и от 29 апреля 2009 года N 253 «Об утверждении программы правового обучения и воспитания граждан Республики Таджикистан на 2009-2019 годы»**.

В указанной программе отмечается, что переход к рыночным экономическим отношениям, формирование демократических ценностей, создание гражданского общества, проведение политико-правовых реформ, пропаганда прав и свобод, а также основные обязанности человека и

* См., например: Закон о прокуратуре СССР от 30 ноября 1979 г. (ст. 3); Положение о Министерстве юстиции СССР: утв. Постановлением Совета Министров СССР от 21 марта 1972 г. N 194. На Минюст даже была возложена функция координации деятельности по пропаганде законов, осуществляемой иными государственными структурами.

** URL: <http://www.adlia.tj>

гражданина требуют улучшения правового воспитания и повышения уровня правовых знаний населения Республики Таджикистан, необходимости принятия конкретных мер и разработки единой общегосударственной программы правового обучения и воспитания граждан Республики Таджикистан.

В сфере реализации правового статуса личности в Республике Таджикистан особое место занимает повышение уровня правосознания и правовой культуры во всех слоях общества. Человек, плохо осознающий явления юридической действительности, не может эффективно реализовать свои законно закрепленные права,

свободы, выполнять обязанности. Только создание благоприятных условий для реализации прав и свобод может реально обеспечить правовой статус личности.

В данной статье приведен результат анализа части социально-экономических прав личности с учетом опыта конституционной модели Конституции Российской Федерации. Однако на основе проведенного анализа можно констатировать, что именно социально-экономические права личности призваны обеспечивать важнейшие потребности общества в целом и отдельного человека в частности, вне зависимости от его происхождения, пола, расы и других социально-правовых категорий.

Список литературы

1. Ашурова Г. Здоровая мать – здоровый ребенок // Информационный портал «Ховар». URL: <http://www.khovar.tj> (дата обращения: 1 дек. 2014 г.).
2. Права человека и правовое социальное государство в России / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2011.
3. Шелудякова Т.В. Понятие и признаки социальной политики государства в России и зарубежных странах // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. N 2.
4. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2015 года. Душанбе, 2006.
5. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997.
6. Маликова А.Х. Проблемы формирования социального государства в Таджикистане. Душанбе, 2013.
7. Баринов Н.А. Услуги (социально-правовой аспект): монография. Саратов, 2001.
8. Балаян Э.Ю. О роль государственного регулирования в контексте осуществления права человека на образование в Российской Федерации // Вестник КемГУ. 2008. N 4.

ЛЯННОЙ Г.Г.,
кандидат юридических наук, доцент,
alwolfy@mail.ru
Кафедра административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел;
Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

LYANNOI G.G.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
alwolfy@mail.ru
Chair of administrative law
and administrative activities
of law enforcement bodies;
East-Siberian Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Lermontov St. 110, Irkutsk, 664074,
Russian Federation

БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Предпринимательская деятельность – это продуктивная деятельность человека, направленная на его самореализацию и творчество, приносящая материальный результат (прибыль). Однако как любая деятельность она имеет свои риски. Часть из них закреплена в законодательном определении понятия предпринимательской деятельности. Кроме этого, общими рисками бизнеса являются внешне- и внутривнутриполитические, экономические (санкционные) риски. Выделяются также риски, свойственные крупному, среднему, малому бизнесу и микробизнесу. Обосновывается важность и необходимость обеспечения государством безопасности предпринимательской деятельности, поскольку от этого зависит его устойчивость, благосостояние граждан и реализация принципов, заложенных в Конституции Российской Федерации. Сформулированы задачи, стоящие в связи с этим перед государством. Ряд этих задач непосредственно связан с деятельностью правоохранительных органов.

Ключевые слова: административное право; предпринимательская деятельность; безопасность предпринимательства; безопасность государства; факторы (риски) предпринимательства.

THE SECURITY OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES AS AN INTEGRAL ELEMENT OF THE STATE SECURITY

Annotation. The entrepreneurial activity is a productive human activity, aimed at human self-fulfillment and creativity, bringing tangible result (profit). However, like any activity, it has its risks. Some of them are fixed in the legal definition of the concept of entrepreneurship. In addition, the general business risks are external and internal political, economic (sanctions) risks. The risks inherent in large, medium, small and micro enterprises are also distinguished. The importance and necessity of ensuring the security of entrepreneurial activities by the state is substantiated, because it affects the state stability, the welfare of citizens and the implementation of the principles fixed in the Constitution of the Russian Federation. The tasks facing the state in this regard are formulated. A number of these tasks are directly related to the activities of law enforcement agencies.

Keywords: administrative law; entrepreneurial activities; enterprise security; state security; factors (risks) of enterprise.

Предпринимательство является стратегическим фактором и внутренним источником устойчивого экономического развития и материального обеспечения благосостояния населения страны в рыночных условиях хозяйствования, но эти функции предпринимательство способно выполнять только при научном подходе к пониманию его сущности и содержания.

При рассмотрении вопроса обеспечения безопасности предпринимательства следует отметить, что субъект предпринимательства является базой для развития экономической системы государства, ос-

нованной на принципах конкуренции, а не на давлении государственно-монополистических структур. Субъект предпринимательской деятельности является гарантом социально-экономической защищенности гражданского общества и национальной безопасности государства.

Однако деятельность субъектов предпринимательской деятельности свидетельствует о высокой степени их уязвимости (по сравнению с государственными структурами), которая проявляется в возникновении вокруг указанных субъектов различных дестабилизирующих факторов.

В связи с этим обеспечение безопасности предпринимательства является актуальным проблемным вопросом, включающим в себя комплекс различных мер противодействия угрозам такой деятельности.

Поскольку любые правоотношения являются составной частью предмета правового регулирования данной отрасли права, можно с уверенностью сказать, что вопросу обеспечения безопасности предпринимательства до сих пор не уделялось должного внимания. В связи с этим актуальным является утверждение современных ученых-административистов о существенной модификации содержания административного права, о выделении в качестве самостоятельных отраслей права в прошлом институтов административного права, об обновлении содержания, назначения административного права.

Безопасность предпринимательской деятельности, по нашему мнению, тесно связана с понятием «безопасное государство». Что такое безопасное государство? Это государство, в котором права, свободы и интересы личности являются его высшей ценностью, во всех сферах жизни признается главенство права и закона, а государство обеспечивает благоприятную среду для развития науки, техники, способностей человека, заботится об экологии и помогает бизнес-процессам. Только в государстве, ставящем перед собой цель быть безопасным, для граждан и предпринимателей создаются максимально благоприятные условия.

Безопасность предпринимательства представляет собой сложный социально-правовой феномен, который нуждается в глубоком и всестороннем исследовании.

Термин «безопасность» начал употребляться еще в XII веке и означал спокойное состояние духа человека, который считал себя защищенным от любой опасности. В России данное понятие использовалось редко. Термин «государственная безопасность» был впервые употреблен в «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года, понятие «национальная безопасность» ввел в политический лексикон Президент США Т. Рузвельт в 1904 году [1, с. 143].

В настоящее время в научной литературе и в отдельных документах, к сожа-

лению, нет единого понимания сущности безопасности. Так, В.Л. Тамбовцев считает, что безопасностью следует называть такое состояние субъекта, которое означает, что вероятность нежелательного изменения каких-нибудь качеств субъекта, параметров принадлежащего ему имущества и затрагивающей его внешней среды невелика (меньше определенного предела) [2, с. 37].

Авторы работы «Основы экономической безопасности» определяют безопасность как состояние и тенденцию развития защищенности жизненно важных интересов социума и его структур от внутренних и внешних угроз [3, с. 288].

В.И. Лукашин считает, что «безопасность» — состояние и тенденции развития защищенности жизненно важных интересов социума и его структур от внутренних и внешних угроз и опасных воздействий» [4, с. 288].

В Федеральном законе «О безопасности» определено, что безопасность — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз*. Жизненно важные интересы — это совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности относятся: личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

Значение этого закона трудно переоценить. Однако в нем можно выделить ряд недостатков: понятие «безопасность» слишком абстрактно, что снижает его теоретическую и практическую значимость; акцент делается на том, что защищаются не все, а только жизненно важные интересы. Эти установки хотя и верны в принципе, но слишком обобщены и нуждаются в дополнительном разъяснении и уточнении; закон основан на учете интересов, которые не могут быть юридически определены, в то время как целесообразнее было бы говорить об общественных отношениях; единая система обеспечения

* О безопасности: федер. закон от 28 дек. 2010 г. N 390-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 2.

безопасности рассредоточена по различным ведомствам. Иными словами, Федеральный закон «О безопасности» лишь декларирует некоторые основы безопасности, многие его положения нуждаются в доработке.

Экономическая безопасность рассматривается в научной литературе как качественная характеристика экономической системы, которая определяет ее способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности конкретного предприятия, отрасли, населения, устойчивое обеспечение развития народного хозяйства ресурсами, а также последовательную реализацию региональных и государственных интересов.

Определение безопасности как специфического состояния защищенности или как собственно защищенности отражает лишь статику системы, между тем безопасность постоянно воспроизводится и обеспечивается в результате функционирования системы, ее реагирования на внешние и внутренние угрозы, нейтрализуя их. Иначе говоря, безопасность следует рассматривать в динамике, не только как характеристику самой системы, но и как характеристику ее взаимодействия с окружающей средой.

По справедливому мнению О.А. Грунина и С.А. Грунина, безопасность — это такое состояние объекта, при котором ему не угрожает опасность, сохраняется его независимость, надежность, целостность, есть защищенность от опасностей или существующих угроз. Иными словами, безопасность любого исследуемого объекта свидетельствует о том, что он в состоянии решить стоящие перед ним задачи, а в случае возникновения различного рода непредвиденных обстоятельств, опасностей или угроз в состоянии от них защититься или восстановить свою работоспособность [5, с. 22].

Таким образом, следует вывод, что безопасность предпринимательской деятельности — это состояние защищенности предпринимателя, при котором он в случае возникновения различных угроз может от них защититься и восстановить свою деятельность, используя законные механизмы реализации права.

Интересна точка зрения по данному вопросу академика В. Сенчагова, который,

говоря об экономической безопасности, выделяет два понятия — «развитие» и «устойчивость». Эти же понятия являются базовыми и при характеристике безопасности предпринимательства [6, с. 300].

Действительно, если субъект предпринимательской деятельности не развивается, то резко сокращаются возможности его выживания, а также сопротивляемость и приспособляемость к внутренним и внешним угрозам. Устойчивость предпринимательской деятельности характеризует прочность и надежность ее элементов, связей внутри системы, способность выдерживать внутренние и внешние возмущающие воздействия [7, с. 12].

Обеспечение безопасности предпринимательства есть гарантирование прав и законных интересов граждан, которые им занимаются. Обеспечительную деятельность можно классифицировать с точки зрения места, которое она занимает в реализации функций предпринимательской деятельности: данные действия могут быть основными, обязательными либо дополнительными, факультативными, носящими характер содействия в процессе реализации предпринимателями своих прав и законных интересов.

В основе нашего исследования лежит тезис о полном, всеобъемлющем подходе к изучению данного явления. Изменения и развитие возможны при использовании положений юриспруденции, экономики и других наук, при опоре на принципы безопасности и понятие «безопасное государство».

Таким образом, безопасность предпринимательской деятельности — это комплексное понятие. В самом общем виде ее можно представить как отсутствие у лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, различного рода опасностей и угроз или наличие законных возможностей по их предупреждению, защите своих интересов в достижении целей бизнеса в условиях конкуренции и хозяйственного риска.

Согласно действующему законодательству предприятия (бизнес) классифицируются, исходя из суммы выручки от реализации товаров (работ, услуг) за предшествующий календарный год. Так, выделяют микропредприятия с выручкой 120 миллионов рублей; малые предприятия с выручкой 800 миллионов рублей;

средние предприятия* с выручкой 2 миллиарда рублей, крупный бизнес — предприятия, выручка которых свыше 2 миллиардов рублей.

Все предприятия, содержащиеся в приведенной выше классификации, имеют общие, присущие предпринимательской деятельности риски-признаки. Эти риски — признаки предпринимательства отражены в статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая показывает «здоровое состояние» предпринимательской деятельности. К указанным признакам можно отнести: «самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке»**.

Однако кроме общих рисков-признаков, с которыми сопряжено само занятие предпринимательской деятельностью, каждое направление бизнеса из приведенной классификации имеет иные риски, свойственные бизнесу различных уровней.

К общим рискам бизнеса следует добавлять:

— геополитические риски. К ним можно отнести действия сопредельных государств, корпораций, направленные на дестабилизацию обстановки в стране путем проведения переворотов и революций, а также в странах ближнего зарубежья и на международной арене и т.д.;

— экономические (санкционные). Увеличение налогового бремени или ужесточение налогового законодательства и таможенных сборов, ухудшение доступности капитала в стране и за ее пределами, существенное изменение имеющихся рыночных связей из-за введения экономических санкций и др.;

* О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства: постановление Правительства РФ от 13 июля 2015 г. N 702 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. N 29 (ч. II). Ст. 4500.

** Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. N 51-ФЗ: ред. от 31 янв. 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. N 32. Ст. 3301; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

— политические. Изменение правящей элиты и в связи с этим изменение политики в отношении бизнеса в общем или в отдельных отраслях.

Перечень рисков не является исчерпывающим, однако они напрямую отражаются на стабильности и устойчивости предпринимательской деятельности. Таким образом, от того, насколько государство способно поддерживать лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, создавать максимально благоприятную среду для ее развития, зависит устойчивость государства, благосостояние граждан и реализация принципов, заложенных в Конституции Российской Федерации.

Кроме угроз, которым подвержен весь бизнес-процесс, каждый бизнес, пропорционально своим размерам, имеет дополнительные риски. Так, для крупного бизнеса характерны следующие виды рисков:

— экологические (ответственность, связанная с необходимостью использовать источники повышенной опасности; технологии, которые способны нанести значительный ущерб экологии);

— научно-технические и технологические (прорывы в технологиях, открытия и изобретения, которые способны осуществить переворот в существующей области или значительно удешевить производство);

— демографические. Естественная убыль или прирост населения, миграционные процессы, происходящие внутри государства из-за создания наиболее благоприятных условий для жизни граждан в одном регионе, из-за проводимых в нем реформ, а также сезонность в нем — все это оказывает существенное влияние на развитие бизнеса. Известно, что большое по численности население страны представляет собой дешевую рабочую силу, что создает предпосылки для переноса производства из других стран, а также развития собственного производства. Создание среднего класса и развитие идеи потребления позволяет сформировать модель практически постоянного роста экономики;

— природно-климатические (глобальное потепление и изменение климата);

— бизнес-шпионаж, внедрение вредоносного программного обеспечения с целью сбора информации о конкуренте.

Для среднего бизнеса характерны следующие экономические риски:

– исходящие от криминальных и силовых структур. Здесь в первую очередь имеет значение то, с какой сферой народного хозяйства взаимодействует бизнес и в каком регионе он находится. Наиболее криминогенными являются: лесозаготовительная деятельность; добыча, переработка, реализация рыбы и морепродуктов; нефтепереработка; деятельность в области оборота драгоценных металлов и камней; добыча золота и других драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней; игорный бизнес;

– исходящие от конкурентов и рейдеров (например, конкуренты или рейдеры перекупают сырьевую базу, которая используется производителем, для своего производства с целью создания условий нехватки сырья и дестабилизирующей ситуации на производстве, чтобы устранить конкурента с рынка, а в дальнейшем произвести рейдерский захват предприятия, используя различные схемы, или попытаться запустить механизм банкротства предприятия [9, с. 45]);

– исходящие от контрагентов. В этом случае речь идет о добропорядочности и добросовестности контрагентов, поскольку получение недоброкачественного сырья или неполучение товара или комплектующих может существенным образом подорвать экономическое положение предприятия.

Для малого бизнеса и микробизнеса характерны следующие виды рисков:

– технологические риски. К этому виду рисков можно отнести: недостаточный уровень технологической дисциплины работников, внеплановые остановки оборудования, аварии, вынужденную переналадку оборудования, перебои в энерго-, водо-, теплоснабжении, увеличение (по сравнению с плановыми) сроков ремонта оборудования, нарушение вентиляции, неподготовленность инструментального хозяйства, выход из строя вычислительной техники, недостаточную патентную защищенность и др. [10, с. 43];

– кадровые риски. Эту группу рисков можно разделить на качественные и количественные. Суть количественных рисков заключается в неэффективном построении структуры предприятия. На практике это может привести к недостаточному ко-

личеству или переизбытку тех или иных специалистов.

В микробизнесе из-за небольшого оборота денежных средств на предприятии отсутствует возможность нанять новых работников, что влечет перераспределение дополнительных объемов работ между всеми членами коллектива, а это приводит к возложению на работающих в организации сотрудников дополнительных обязанностей, которые, как правило, выполняются сверх установленного рабочего времени. Это вызывает утомляемость персонала, его эмоциональное выгорание, приводит к снижению эффективности в повседневной деятельности, к отсутствию заинтересованности в результате совместного дела, и даже к авариям.

Качественный показатель наиболее латентный и проблемный, поскольку на отсутствие подходящего уровня квалификации кадров ссылаются до 70 % опрошенных предпринимателей этой группы. Латентным он является потому, что ненадлежащая подготовленность сотрудника может выясниться не в момент приема на работу, а по прошествии нескольких лет, например, если по результатам налоговой проверки выявится факт несвоевременной уплаты налога или его неуплаты, когда налоговым органам приходится доначислять налоги, пени и накладывать штрафы. Резкое увеличение расходов в этом случае может привести к ликвидации предприятия.

Таким образом, для обеспечения безопасности предпринимательства необходимо определить перечень задач, для решения которых, по нашему мнению, следует привлечь правоохранительные органы, спецслужбы, общественные институты, частные охранные предприятия, органы местного самоуправления, средства массовой информации.

Задачи, стоящие перед государством и требующие решения для обеспечения безопасности предпринимательской деятельности, следующие:

– объективное информационное освещение политических, экономических, научно-технических и других проблем, затрагивающих интересы российского бизнеса;

– выявление и пресечение деятельности иностранных фирм и компаний, на-

правленной против отечественного предпринимательства;

– борьба с коррупцией и организованной преступностью, которая наносит отечественному бизнесу моральный и материальный ущерб;

– защита коммерческой тайны;

– защита от дискредитации деятельности фирм и предприятий, ориентированных на цивилизованный путь своего развития в рамках закона и с учетом взятых на себя обязательств по экономическому возрождению России;

– защита и выявление среди российских предпринимательских структур, лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, имеющих своей целью сбор информации, саботаж и осуществление экономических диверсий в стране;

– защита от использования преступных структур для нейтрализации конкурирующих фирм [8, с. 28];

– разработка комплекса мер, направленных на привитие бизнес-сообществу понимания социальной ответственности бизнеса перед государством и обществом, а также об обоюдной ответственности государства (в лице его государственных органов) перед бизнес-сообществом и уяснение всеми, что это единый государственный организм, обеспечивающий безопасность государства;

– повышение эффективности законодательства. Под эффективностью следует понимать минимальное количество времени, которое необходимо затратить предпринимателю для достижения правового

результата. Так, срок вступления в законную силу и наступление возможности исполнения решения о взыскании с недобросовестного предпринимателя денежных средств происходит не ранее чем через 6 месяцев после обращения за защитой нарушенного права. Это неэффективно [11, с. 68].

Безусловно, обеспечение безопасности предпринимательской деятельности — одна из важнейших задач нашего государства, так как экономическая независимость государства позволяет стране уверенно отстаивать свои интересы на политической арене, обеспечивать безопасность граждан как внутри государства, так и за его пределами. И еще одна сторона предпринимательской деятельности определена в статье 7 Конституции РФ: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Это, безусловно, так. Осуществление предпринимательской деятельности есть творчество, а творчество — это свободное развитие человека. Не следует забывать, что благодаря налогам, которые отчисляются вследствие предпринимательской деятельности, пополняется государственный и региональные бюджеты, создаются условия достойной жизни граждан Российской Федерации.

Таким образом, от того, насколько безопасными будут условия для занятия предпринимательской деятельностью, зависит безопасность государства и благополучие россиян.

Список литературы

1. Зеркалов Д.В. Экономические проблемы: хрестоматия: в 4 кн.: кн. 3. Киев: Наук. світ, 2008. 143 с. (Безопасность бизнеса).
2. Тамбовцев В.Л. Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура и проблемы // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. 2013. N 3.
3. Основы экономической безопасности. Государство регион, предприятие, личность / [под ред. Е.А. Олейникова]. М.: Интел-Синтез, 1997.
4. Лукашин В.И. Безопасность состояние и тенденции развития защищенности жизненно важных интересов социума и его структур от внутренних и внешних угроз и опасных воздействий: монография. М.: Анкил, 2006.
5. Грунин О.А., Грунин С.А.. Экономическая безопасность организации. СПб.: Питер, 2002.
6. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. 2-е изд. М.: Дело, 2005.
7. Очередыко В.П. Государственно-правовое регулирование безопасности предпринимательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998.
8. Буров В.Ю. Экономическая безопасность субъектов малого предпринимательства в условиях теневых экономических отношений // Безопасность бизнеса. 2012. N 4.
9. Лянной Г.Г. Рейдерство – новые аспекты безопасности предпринимательской деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2013. N 2 (65). С. 42-46.

10. Лянной Г.Г. Потребности обеспечения безопасности предпринимательской деятельности // Интеграл. 2012. N 2 (64). С. 41-44.

11. Лянной Г.Г. Значение нравственности для сотрудника ОВД как еще один элемент обеспечения безопасности государства и предпринимательской деятельности в частности // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: материалы двадцатой всерос. науч.-метод. конф. Иркутск, 2015. С. 67-70.

РУДИЧ В.В., кандидат юридических наук, ruvv66@bk.ru Кафедра уголовно-правовых дисциплин; Уральский институт экономики, управления и права, 620026, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 194	RUDICH V.V., Candidate of Legal Sciences, ruvv66@bk.ru Chair of criminal law disciplines; Ural Institute of Economics, Management and Law, Lunacharskogo St. 194, Ekaterinburg, 620026, Russian Federation
--	--

ПРОВЕРКА ОБОСНОВАННОСТИ ПОДОЗРЕНИЯ ПРИ ПРИНЯТИИ СУДОМ РЕШЕНИЯ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОТ 24 МАЯ 2016 ГОДА

Аннотация. В статье рассматриваются причины и последствия появления новой трактовки правового стандарта «обоснованность подозрения», которая дана Пленумом Верховного Суда России в постановлении от 24 мая 2016 года N 23. Приводятся аргументы в пользу введения института следственных судей и усвоения доктриной доказательственного права стандартов доказанности (обоснованности) уголовно-процессуальных решений, которые приняты в развитых уголовно-процессуальных порядках. Свои выводы автор подкрепляет ссылками на международно-правовые стандарты обоснованности подозрения, закрепленные в решениях Европейского Суда по правам человека, а также позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Приводится анализ сложившейся судебной практики по вопросу проверки обоснованности подозрения в ходе рассмотрения судом ходатайства органа предварительного расследования об избрании меры пресечения.

Ключевые слова: обоснованность подозрения; судебный контроль; правосудие; суд; следственный судья; уголовное судопроизводство; правовой стандарт.

CHECKING THE REASONABLE SUSPICION WHEN MAKING THE COURT DECISION ON CHOOSING THE MEASURE OF RESTRAINT IN THE CONTEXT OF THE RESOLUTION OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION OF 24 MAY 2016

Annotation. The causes and consequences of the emergence of a new interpretation of the legal standard of “reasonable suspicion”, which is given by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in its resolution of 24 May 2016 No. 23 are analyzed in the article. The arguments in favor of introducing the institution of investigative judges and the assimilation of standards of proof (validity) of the criminal procedure decisions taken in advanced criminal procedure systems by

the doctrine of law of evidence are given. The author supports his conclusions with references to the international legal standards of reasonable suspicion, fixed in the decisions of the European Court of Human Rights, as well as the position of the Constitutional Court of the Russian Federation. The existing judicial practice concerning the issue of checking the validity of suspicion during the consideration of the petition of the preliminary investigation body on choosing the measure of restraint by the court is analyzed.

Keywords: reasonable suspicion; judicial control; justice; court; investigative judge; criminal proceedings; legal standard.

Принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. N 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»* ознаменовалось обновлением правового стандарта обоснованности подозрения, который суды обязаны выполнять при принятии решения об избрании меры пресечения или продлении срока действия таковой.

Можно ли говорить о создании принципиально нового критерия оценки судом материалов, представляемых органом предварительного следствия в обоснование своего ходатайства об избрании меры пресечения? Если нет, то что изменилось? И в чем смысл новой формулировки пункта второго данного постановления Пленума Верховного Суда России?

Для этого необходимо сравнить прежнюю трактовку «обоснованности подозрения» и новую, а также обратиться к правовой доктрине по вопросу о «стандартах доказанности».

В прежней формулировке пункта второго постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. N 41 «обоснованность подозрения» предполагала наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление (об имевшем место событии преступления и о причастности к нему подозреваемого). Пленум при этом разъяснял, что обязанность проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению лежит непосредственно на самом суде при рассмотрении ходатайства о мере пресечения.

В новой редакции этот пункт сформулирован так: «2. Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает нали-

чие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.).

Обратить внимание судов на то, что проверка обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению. При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении.

Оставление судьей без проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению должно расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (части 4 статьи 7 УПК РФ), влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица».

Обращает на себя внимание то, что в проекте анализируемого постановления Пленума Верховного Суда РФ, предварительно разосланном в суды субъектов Федерации для получения отзывов, последнего пассажира не было. Его появление многое объясняет и позволяет, на наш взгляд, сразу сказать, что в принципиальном плане позиция Пленума Верховного

* Рос. газ. 2016. 1 июня. N 117.

Суда РФ не изменилась, и суть его разъяснений сводится к тому, чтобы ориентировать суды на более критическую оценку материалов, подтверждающих выводы органов предварительного расследования. Конечной же целью является смягчение политики уголовно-процессуального принуждения, снижение количества случаев избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Об этом говорится с «высоких трибун» с 2009 года, когда впервые тема либерализации уголовной политики была поднята Президентом России Д.А. Медведевым [1, с. 5-20].

Между тем сам по себе стандарт обоснованности подозрения как стандарт доказанности заслуживает отдельного рассмотрения. Ведь речь идет о достаточно интересном явлении: о степени вероятности знания, на котором суд основывает свое решение, о природе средств доказывания стороной обвинения своего «правопритязания».

Этот правовой стандарт имеет в своей основе общепризнанные международно-правовые принципы и нормы: положения статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод*, а также решения Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ).

ЕСПЧ исходит из того, что наличие разумно обоснованного подозрения о том, что лицо совершило преступление, является необходимым условием для избрания или продления меры пресечения в виде заключения под стражу**. В ряде решений ЕСПЧ

* Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Постановление ЕСПЧ от 10 янв. 2012 г. по делу «Ананьев и другие (Ananyev and Others) против Российской Федерации», жалобы N 42525/07, 60800/08 (§ 202) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2012. N 8. С. 7, 96-152; Постановление ЕСПЧ от 15 янв. 2013 г. по делу «Величко (Velichko) против Российской Федерации», жалоба N 19664/07 (§ 18) // Там же. 2013. N 12. С. 98-114; Постановление ЕСПЧ от 15 июля 2002 г. по делу «Калашников против России», жалоба N 47095/99 (§ 114). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление ЕСПЧ от 2 марта 2006 г. по делу «Долгова против России», жалоба N 11886/05 (§ 40). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проводятся идеи о том, что подозрение как необходимое основание заключения под стражу должно базироваться на фактах и информации, убеждающей объективного наблюдателя в причастности подозреваемого к совершению преступления.

По делу «Englert v. Germany» ЕСПЧ решил, что отказ возмещать убытки, причиненные предварительным заключением, не нарушает § 2 статьи 6 Конвенции в том случае, если предварительное заключение было обосновано наличием серьезного подозрения против заявителя (которое потом не было опровергнуто даже оправдательным приговором). Таким образом, выводы суда о наличии «подозрения» и о степени обоснованности не должны рассматриваться как нарушение презумпции невиновности***. Это разъяснение дает весьма важное представление о природе анализируемого правового стандарта, а именно: это такой стандарт доказанности, который не опровергает презумпцию невиновности обвиняемого и исключает возможность принятия судом в последующем решения о недоказанности обвинения и оправдании подсудимого.

Без обоснованного подозрения невозможно уголовное преследование, выражающееся в мерах уголовно-процессуального принуждения. Однако само по себе решение органа уголовной юстиции о применении меры уголовно-процессуального принуждения не является нарушением презумпции невиновности, иначе деятельность следственных и судебных органов была бы невозможна. Таким образом, первым условием для заключения под стражу является «оценка в определенной степени обоснованности обвинений (курсив наш. — В.Р.)» [2, с. 271].

Отметим, что некоторые авторы не разграничивают понятия «обоснованность обвинения» и «обоснованность подозрения». Так, Ю.Д. Лившиц пишет, что к основаниям применения меры пресечения относится доказанность материалами уголовного дела факта совершения преступления [3, с. 27]. Другой известный процессуалист утверждает, что «достаточность является качественной характеристикой такой совокупности доказательств, которая вызывает... уверен-

*** Постановление ЕСПЧ от 25 авг. 1987 г. по делу «Englert v. Germany». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ность в том, что возможность совершения обвиняемым противоправных действий является реальной» [4, с. 58].

Между тем на практике этому различию придается принципиальное значение: использование судом в тексте постановления формулировки «обоснованность обвинения» трактуется апелляционной инстанцией как вхождение в обсуждение вопроса о виновности и оценивается как существенное нарушение закона. Апелляционная инстанция ссылается при этом на пункт 29 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. N 41, в котором Верховный Суд РФ указал, что в постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке статьи 108 УПК РФ суду следует дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления, а также соблюдению порядка привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, регламентированного главой 23 УПК РФ*. Иными словами, в решении суда о мере пресечения не должно содержаться формулировок о виновности лица. В связи с этим использование термина «обоснованность обвинения» в современном контексте признается ошибочным.

О стандарте обоснованности подозрения применительно к ситуации применения меры пресечения говорится и в ряде решений Конституционного Суда России**. В частности, в определении от 12 июля 2005 г. N 330-О Конституционный Суд РФ указал на то, что «факты, обосновывающие подозрение при применении ареста, не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, что и те, которые необходимы для предъявления обвинения следующего этапа в процессе следствия по уголовному делу»***. В указанном определении было разъяснено, что подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допускающий законный арест или задержание лица, не предполагает не-

обходимость получения следственными органами достаточных доказательств для предъявления обвинения как во время ареста, так и в период пребывания арестованного под стражей. Факты, обосновывающие подозрение при применении ареста, не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, как и те, которые необходимы для предъявления обвинения – следующего этапа в процессе следствия по уголовному делу.

Некоторые специалисты под «разумным подозрением» понимают «возможную причастность лица к преступлению». По их мнению, на момент разрешения вопроса об избрании меры пресечения вина подозреваемого (обвиняемого) еще не доказана. Поэтому достаточно косвенных улик, чтобы обосновать необходимость предварительного заключения под стражу обвиняемого, в то время как их может быть недостаточно для того, чтобы вынести обвинительный приговор [5, с. 57]. Соответственно, стандарт доказывания «разумного подозрения» для целей ареста значительно более низкий, чем стандарт доказывания в самом уголовном процессе [2, с. 271].

Таким образом, правомерно говорить о различных «стандартах доказанности», «степенях убедительности» фактов, подтверждающих обоснованность подозрения или процессуальных решений, о которых советская школа уголовно-процессуальных доказательств не знала. По словам М.А. Никонова, если виновность лица в совершении преступления должна быть доказана «beyond reasonable doubt» (вне разумных сомнений), то обоснованность подозрения проверяется «здесь и сейчас», что не предопределяет дальнейших решений по делу. Это так называемые «prima facie evidence», то есть «доказательства, убедительные на первый взгляд». В связи с этим, если суд при избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу счел, что обоснованность подозрения не установлена, это не препятствует сотрудникам правоохранительных органов продолжать расследование [5, с. 57, 58]. Речь идет о подкреплении некой вменяемой подозреваемому в совершении преступления квалификации (пусть и предварительной) его действий некоторым количеством доказательств [5, с. 50-61].

* Дело N 3/2-324/2016 // Архив Сыктывкарского городского суда Республики Коми. 2016 г.

** См., напр.: пункт 3.3 постановления Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. N 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 14. Ст. 1271.

*** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Различение стандартов доказанности проводится в «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России». В этом документе *первый необходимый доказательственный стандарт* — стандарт «обоснованное предположение» трактуется как такая совокупность фактических данных, которые привели бы объективного здравомыслящего человека к выводу о возможности совершения преступления подозреваемым лицом [6, с. 12].

Обоснованность подозрения подтверждается любыми сведениями, на основе которых суд устанавливает наличие обстоятельств, имеющих значение для дела на данной стадии: заявлением потерпевшего, протоколом его допроса, протоколом допроса самого подозреваемого (обвиняемого), протоколом явки с повинной, протоколами допроса свидетелей и следственных действий, рапортами сотрудников полиции и др. Очевидно, что эти документы, равно как сведения, сообщаемые суду в ходе судебного заседания, еще не есть доказательства вины обвиняемого, поэтому они нуждаются в новой проверке и оценке судом в ходе судебного разбирательства в совокупности со всеми другими доказательствами.

В качестве примеров того, как на практике понимается судьями стандарт обоснованности подозрения, можно привести несколько постановлений. Так, в постановлении судьи Борского городского суда Нижегородской области от 11 апреля 2015 г. об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого К.С.Г. суд в обоснование подозрения К.С.Г. в совершении преступления сослался на протокол допроса подозреваемого К.С.Г. от 10 апреля 2015 г., а также на протокол личного досмотра К.С.Г., в ходе которого у него были изъяты водка и вино, похищенные, как он пояснил, им из магазина*.

В постановлении судьи Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 20 мая 2015 г. указывается на то, что «данное ходатайство поддержано потерпевшим Е.А.Д., представителями потерпевшего М.С.В., К.С.В., Б.А.В., которые в судебном заседании также считали, что

Е.С.Д. причастен к совершению преступления, и дополняли это имеющимися у них документами, что в данном случае не имеет юридического значения в том, что при решении вопроса об избрании либо изменении меры пресечения суд не предрешает вопроса о виновности либо невиновности в совершении конкретного преступления, в котором обвиняется Е.С.Д.»**.

Очевидно, что для обоснования «причастности» подозреваемого (обвиняемого) к совершенному преступлению достаточно доказывания признаков объективной стороны преступления. Хотя, как отмечается в работах, посвященных анализируемой проблематике, сторона обвинения в некоторых случаях обязана доказывать признаки субъективной стороны преступления, которое инкриминируется подозреваемому (обвиняемому). В частности, это необходимо для обоснования ареста лица, обвиняемого в совершении преступлений при обстоятельствах, которые указаны в части 1.1 статьи 108 УПК РФ [7, с. 82-89]. Так, Шатковский районный суд Нижегородской области в постановлении от 25 декабря 2014 г. об избрании К.А.Е. меры пресечения в виде заключения под стражу, оценивая обоснованность выдвинутого против подозреваемого обвинения в мошенничестве, сослался на показания потерпевшей и свидетелей, которые указали на то, что подозреваемый не имел намерения выполнить договорные обязательства в момент заключения сделки***.

В заключение заметим, что тенденция правового развития такова, что, возможно, произойдет введение института следственного судьи, к полномочиям которого и будет отнесено принятие решений об избрании мер пресечения в судебном порядке [8, с. 21-25]. Тогда многое из того, о чем было сказано выше, приобретет другое освещение ввиду разделения юрисдикции следственного судьи и суда, разрешаю-

** Постановление судьи Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 20 мая 2015 г. об отказе в ходатайстве об изменении меры пресечения (подписки о невыезде на заключение под стражу) в отношении Е.С.Д. // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. 2015 г.

*** Дело N 1-81/2014 // Архив Шатковского районного суда Нижегородской области. 2014 г.

* Дело N 1-192/2015 // Архив Борского городского суда Нижегородской области. 2015 г.

щего дело по существу. А самое главное, об избрании меры пресечения при наличии будет исключена возможность принятия «обоснованного подозрения», а затем одним и тем же судьей вначале решения вынесения приговора по этому же делу.

Список литературы

1. Александров А.С., Александрова И.А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. 2013. N 1 (6). С. 5-20.
2. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т.Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012.
3. Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964.
4. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2007.
5. Никонов М.А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ // Уголовный процесс. 2014. N 4.
6. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / А.С. Александров [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.
7. Александров А.С. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: обновленный вид, проблемы – старые // Уголовное право. 2012. N 2. С. 82-89.
8. Рудич В.В., Фетищева Л.М. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения // Российский следователь. 2015. N 17. С. 21-25.

Раздел 3. Административная деликтология

ГОРОВЕНКО С.В., кандидат юридических наук, tgamyp@yandex.ru
Кафедра административного и финансового права; Тюменский государственный университет, 625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38

GOROVENKO S.V., Candidate of Legal Sciences, tgamyp@yandex.ru
Chair of administrative and financial law; Tyumen State University, Lenina St. 38, Tyumen, 625000, Russian Federation

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ: ПРОЕКТ НОВЫЙ – ПРОБЛЕМЫ СТАРЫЕ

Аннотация. В декабре 2015 г. в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Предложенная авторами законопроекта концепция процедуры возбуждения дела об административном правонарушении является более прогрессивной по сравнению с действующим нормативным регулированием. В то же время дискуссионные вопросы реализации механизма административного расследования, соотношения с процедурами контрольно-надзорной деятельности остались неразрешенными. На основе анализа действующего законодательства и законопроекта сформулирована авторская позиция по возможному разрешению данных вопросов. Предложено использовать функции Национальной ассоциации административистов в целях выработки механизма устранения недостатков законодательства об административных правонарушениях.

Ключевые слова: возбуждение дела об административном правонарушении; контроль; надзор; административное расследование.

PROCEDURAL FORMS OF INITIATING PROCEEDINGS ON A CASE CONCERNING AN ADMINISTRATIVE OFFENCE: NEW DRAFT – OLD PROBLEMS

Annotation. In December 2015, the draft of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation was introduced to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation as a legislative initiative. The procedure of initiating proceedings on a case concerning an administrative offence, proposed by the authors of the bill, is more progressive than the current normative regulation. At the same time, the controversial issues of implementing the mechanism for administrative investigation as well as its correlation with the procedures of control and supervisory activities remained unresolved. Basing on the analysis of the current legislation and the bill, the author's position on the possible resolution of these issues is formulated. It is proposed to use the functions of the National Association of the experts in the field of administrative law in order to develop a mechanism to eliminate the shortcomings of the legislation on administrative offences.

Keywords: initiating proceedings on a case concerning an administrative offence; control; supervision; administrative investigation.

Принятие нового Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) предполагает возможность устранения существующих нормативных недостатков. В декабре 2015 г. в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации депутатами В.А. Васильевым, В.Н. Плигиным, С.А. Поповым, Д.Ф. Вяткиным, В.А. Поневежским внесен проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях*

(далее – Проект). В связи с этим необходимо выразить уважение коллективу авторов, выполнивших колоссальный труд по переработке действующего КоАП РФ. Тем не менее предлагаемый депутатами Проект содержит в себе спорные положения, к которым можно отнести, в частности, вопросы регулирования возбуждения дела об административном правонарушении.

В данной статье рассматриваются процессуальные формы возбуждения дела об административном правонарушении, содержащиеся в Проекте. Проект закрепляет две формы возбуждения дела об административном правонарушении: с

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проведением административного расследования (ст. 42.18) и без его проведения (ст.ст. 42.14, 42.16, ч. 2 ст. 42.17).

Отметим, что вопросы сущности и содержания административного расследования как формы возбуждения дела об административном правонарушении неоднократно становились предметом научной дискуссии [1, с. 428; 2, с. 56; 3, с. 15].

Относительно назначения административного расследования к достоинствам положений Проекта можно отнести уход от указания конкретных областей законодательства, совершение правонарушений в которых является основанием для его проведения. При этом указание на категорию административного правонарушения следует признать неудачным, так как это не влияет на процессуальное оформление процедуры сбора доказательств по конкретному делу. В связи с этим предлагаем исключить из оснований проведения административного расследования указание как на область законодательства, так и на категорию административного правонарушения. Необходимо отметить, что ранее подобное предложение выдвигалось [4, с. 14].

Требует корректировки название определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования (далее – определение). Проект не предусматривает иные случаи вынесения определения о возбуждении дела об административном правонарушении, кроме как при проведении административного расследования. Таким образом, достаточным будет название «определение о возбуждении дела об административном правонарушении».

К недостаткам содержания определения следует отнести отсутствие указания на потерпевшего, если данные о нем известны на момент составления данного процессуального документа. В настоящее время это приводит к ситуации, когда уполномоченное должностное лицо не признает лицо потерпевшим и, соответственно, не вручает ему копию определения. Следует отметить, что отсутствие процедуры признания лица потерпевшим и отсутствие процедуры внесения изменений в протокол об административном правонарушении в части указания на потерпевшего приводит к невозможности осуществления прав лицом, которое считает себя потерпевшим. В связи

с этим необходимо предусмотреть, что в определении указываются сведения о потерпевшем, если они известны на момент вынесения определения.

К недостаткам процедуры вынесения определения следует отнести установление срока вручения или направления его копии, «привязанного» к факту его вынесения. Само по себе установление такого срока является допустимым и разумным. Тем не менее одной из декларируемых целей проведения административного расследования является установление лица, подлежащего привлечению к административной ответственности. Если сведения о таком лице на момент вынесения определения неизвестны, то соблюдение установленного срока вручения или направления копии определения является невозможным. Следовательно, срок вручения или направления копии определения в данном случае должен исчисляться с момента получения сведений о лице, в отношении которого ведется производство по делу.

К недостаткам можно отнести отсутствие в предлагаемой редакции ст. 42.18 Проекта положений о возможности обжаловать определение полностью либо частично. В связи с этим предлагаем предусмотреть возможность обжалования в органы прокуратуры определения в течение трех рабочих дней с момента получения копии определения. Срок рассмотрения жалобы должен составлять не более десяти рабочих дней с момента ее получения. Предметом жалобы будет являться законность принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении.

Авторами Проекта упущена из внимания проблема разграничения административного расследования и внеплановой проверки, осуществляемой в соответствии с Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»* (далее – Фе-

* О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26 дек. 2008 г. N 294-ФЗ; ред. от 3 июля 2016 г. // Рос. газ. 2008. 30 дек.; 2016. 6 июля.

деральный закон N 294-ФЗ). Остановимся на данном вопросе более подробно.

Актуальность затронутой темы обусловлена тем, что действующее законодательство, устанавливая схожие по своей структуре административные производства, создает возможность злоупотребления правом со стороны должностных лиц, подменяя обязанность реализации мероприятий по контролю за осуществлением производства по делам об административных правонарушениях. Данная проблематика также уже становилась предметом анализа со стороны ученых и практиков [5, с. 61].

Указанная форма злоупотребления правом со стороны должностных лиц влечет следующие негативные последствия для производства по делу об административном правонарушении.

Во-первых, не допускается использование доказательств по делу об административном правонарушении, в том числе результатов проверки, проведенной в ходе осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, если указанные доказательства получены с нарушением закона (ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ). Аналогичные по своему содержанию последствия предусмотрены в ч. 1 ст. 20 Федерального закона N 294-ФЗ. Результаты проверки, проведенной органом государственного контроля (надзора), органом муниципального контроля с грубым нарушением установленных Федеральным законом N 294-ФЗ требований к организации и проведению проверок, не могут являться доказательствами нарушения юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем обязательных требований и требований, установленных муниципальными правовыми актами, и подлежат отмене вышестоящим органом государственного контроля (надзора) или судом на основании заявления юридического лица, индивидуального предпринимателя.

Применительно к рассматриваемому вопросу имеют значение следующие грубые нарушения, предусмотренные частью 2 статьи Федерального закона N 294-ФЗ:

– отсутствие согласования с органами прокуратуры внеплановой выездной проверки в отношении юридического лица, индивидуального предпринимателя (если такое согласование требуется);

– проведение проверки без распоряжения или приказа руководителя, заместителя руководителя органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля.

Необходимо отметить, что проведение вместо внеплановой проверки административного расследования без наличия для этого оснований в любом случае приведет к грубым нарушениям в действиях должностного лица требований к организации и проведению проверок.

Во-вторых, несоблюдение должностными лицами органов государственного контроля (надзора), органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, осуществляющих контрольные функции, требований законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле приводит к привлечению виновного лица к административной ответственности по ст. 19.6.1 КоАП РФ. В этом случае возможно как наложение штрафа, так и применение дисквалификации. При этом дисквалификация должностного лица является основанием для его увольнения с государственной или муниципальной службы.

Учитывая изложенные риски, решение о выборе соответствующего вида административного производства для установления фактических обстоятельств возможного нарушения в деятельности хозяйствующего субъекта должно быть максимально взвешенным.

В целях проверки обоснованности принятия уполномоченным должностным лицом решения о выборе вида административного производства требуется оценка совокупности условий, необходимых для возбуждения дела об административном правонарушении, в том числе для проведения административного расследования. Исходя из этого, можно предложить следующие этапы анализа законности принятого решения.

На первом этапе необходимо сравнить поводы к возбуждению дела об административном правонарушении и основания для проведения внеплановой проверки. Несмотря на совпадение отдельных форм поступающей информации (обращения граждан или юридических лиц, информация от органов государственной власти, органов местного самоуправления,

из средств массовой информации), Федеральный закон № 294-ФЗ устанавливает особенность ее содержания, а именно:

а) возникновение угрозы причинения вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, а также угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

б) причинение вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, а также возникновение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

в) нарушение прав потребителей (в случае обращения граждан, права которых нарушены).

Таким образом, если поступающая информация не содержит в себе указанные сведения, то можно говорить о наличии повода к возбуждению дела об административном правонарушении. Если такие сведения имеют место, то необходимо перейти к следующему этапу анализа, а именно к определению наличия основания для возбуждения дела об административном правонарушении.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 28.1 КоАП РФ под основанием возбуждения дела об административном правонарушении понимается наличие достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения. Несмотря на существенные пределы субъективного усмотрения при анализе поступивших данных, можно выделить объективные условия для принятия необходимого решения.

Во-первых, наличие материалов, прилагаемых к информационному сообщению о нарушении хозяйствующим субъектом обязательных требований законодательства. Если какие-либо документы, свидетельствующие о факте административного правонарушения, не приложены, то уполномоченное должностное лицо обязано предложить заявителю их представить. О наличии указанной обязанности можно судить исходя из положений

пункта 1 части 1 статьи 10 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»*. Другими словами, государственный орган, орган местного самоуправления или должностное лицо обеспечивает объективное, всестороннее и своевременное рассмотрение обращения, в случае необходимости – с участием гражданина, направившего обращение. Толкование приведенного нормативного положения как обязанности вполне обоснованно, учитывая возможные риски для должностного лица при принятии неверного решения.

Если заявитель или субъект, направивший информацию, необходимыми материалами не располагает, то должностное лицо обязано провести проверку в рамках законодательства о контроле (надзоре).

Во-вторых, необходимость осуществления процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств события возможного нарушения. Допустим, что единственным действием, которое может совершить должностное лицо перед принятием решения, является получение объяснения от заявителя или инициатора направления информации о нарушении законодательства. В данном случае под инициатором информации понимаем лицо, которое обратилось в средства массовой информации или в органы государственной власти, органы местного самоуправления с соответствующим заявлением (жалобой). Если для составления протокола об административном правонарушении необходимо совершить иные процессуальные действия, то должна проводиться внеплановая проверка.

Указанные этапы анализа позволяют с той или иной степенью объективности оценить обоснованность решения должностного лица о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования.

Тем не менее для полноты анализа рассматриваемого вопроса необходимо остановиться на последствиях принятия судом, рассматривающим дело об административном правонарушении, решения

* О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ; ред. от 3 нояб. 2015 г. // Рос. газ. 2006. 5 мая; 2015. 6 нояб.

об отсутствии оснований для проведения административного расследования. На наш взгляд, такое решение суда означает, что установление фактических обстоятельств выявленного нарушения произошло вне рамок, предусмотренных КоАП РФ. Следовательно, речь должна идти о том, что должностным лицом проведена внеплановая проверка с грубыми нарушениями, которые уже были указаны. Возможное возражение о том, что применение мер обеспечения, например осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю используемых для осуществления предпринимательской деятельности помещений, территорий и находящихся там вещей и документов, может быть осуществлено вне рамок административного расследования, является необоснованным.

Меры обеспечения или иные процессуальные действия являются инструментарием производства по делу об административном правонарушении. Применительно к привлечению хозяйствующих субъектов к административной ответственности с учетом положений Федерального закона N 294-ФЗ установление фактических обстоятельств возможного нарушения допускается либо в рамках контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, либо в рамках административного расследования.

Если состав административного правонарушения не закреплен в сфере возможного осуществления контрольно-надзорной деятельности в соответствующей области законодательства либо если Федеральный закон N 294-ФЗ не применяется к контрольно-надзорному производству, то рассматриваемое разграничение внеплановой проверки и административного расследования не является актуальным.

В связи с этим остановимся на следующих возможных вариантах возникновения ситуаций принятия судом решения об отсутствии оснований для проведенного административного расследования. Необходимо отметить, что они базируются на положениях статьи 23.1 КоАП РФ, определяющей полномочия суда на рассмотрение дел об административных правонарушениях.

Первая ситуация связана с применением абзаца 2 части 3 статьи 23.1

КоАП РФ. Напомним, что дела об административных правонарушениях, которые указаны в частях 1 и 2 данной статьи и производство по которым осуществляется в форме административного расследования, рассматриваются судьями районных судов. В случае установления в ходе подготовки дела к рассмотрению отсутствия основания для проведения административного расследования в силу положений статьи 29.4 КоАП РФ должно быть вынесено определение о передаче протокола об административном правонарушении и других материалов дела на рассмотрение по подведомственности, если рассмотрение дела не относится к компетенции судьи, к которому поступили протокол об административном правонарушении и другие материалы дела.

Таким образом, в анализируемой ситуации факт отсутствия оснований для проведения административного расследования подтверждается судебным решением, которое не может быть оспорено должностным лицом, направившим в суд материалы дела об административном правонарушении. Следовательно, лицо, к которому поступит на рассмотрение дело об административном правонарушении, обязано применить нормы части 3 статьи 26.2 КоАП РФ. Кроме того, правомерной будет постановка вопроса об административной ответственности по статье 19.6.1 КоАП РФ должностного лица, принявшего неверное решение о выборе вида административного производства.

На наш взгляд, рассмотренная ситуация является достаточно простой в силу наличия судебного решения, подтверждающего факт нарушения уполномоченным должностным лицом положений Федерального закона N 294-ФЗ.

Менее очевидными для правоприменителя являются ситуации, когда дело об административном правонарушении будет рассматриваться судьей районного или арбитражного суда на основании прямого указания статьи 23.1 КоАП РФ о соответствующей подведомственности дела.

В связи с этим закон возлагает на судью обязанность строго придерживаться принципа законности и обоснованности судебного решения при анализе наличия оснований проведенного административного расследования.

Следует отметить, что устранение субъективных критериев в выборе соответствующего административного производства для целей установления фактических обстоятельств нарушения хозяйствующим субъектом обязательных требований законодательства возможно только путем внесения соответствующих изменений в механизм административного расследования. В качестве варианта решения данной проблемы можно предложить следующее. Дело об административном правонарушении за нарушение обязательных требований нормативных актов, являющихся предметом проверки при осуществлении государственного (муниципального) контроля (надзора), при наличии поводов, указанных в пунктах 3-4 части 2 статьи 42.1 Проекта, может быть возбуждено только после проведения внеплановой проверки деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Относительно иных вопросов возбуждения дела об административном правонарушении, предусмотренных в Проекте, необходимо отметить следующие дискуссионные положения.

Следует дополнительно проработать положения статьи 42.14 Проекта в части возможности возбуждения дела об административном правонарушении прокурором по любому административному правонарушению, поскольку прокуратура не должна подменять собой иные административно-юрисдикционные органы (это закреплено в части 2 статьи 21 Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»^{*}). Предлагаем оставить в числе полномочий прокурора только возбуждение дел об административных правонарушениях, посягающих на конституционные права граждан, при условии, что иные органы не уполномочены на возбуждение дел в данной сфере. Реализация этого предложения не приведет к ослаблению режима законности, так как прокуратура вправе осуществлять надзор в рассматриваемой сфере.

Не проработан в Проекте вопрос получения доказательств до момента возбуждения дела об административном право-

нарушении, если до этого процессуальные документы, оформляющие данный факт, не составлялись. Получение дополнительной информации о лице, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, возможно, в том числе через направление запросов и (или) истребование сведений. Данные процессуальные действия могут быть осуществлены лишь при наличии возбужденного дела об административном правонарушении. В связи с этим, как уже было отмечено, возможным решением проблемы будет применение института административного расследования вне зависимости от категории административного правонарушения.

В заключение сформулируем следующие выводы:

— во-первых, основанием для проведения административного расследования должна являться необходимость осуществления процессуальных действий, требующих временных затрат, исключая получение объяснения;

— во-вторых, сведения о потерпевшем должны быть указаны в определении о возбуждении дела об административном правонарушении, если они известны на момент его вынесения;

— в-третьих, должен быть предусмотрен порядок обжалования в органы прокуратуры определения о возбуждении дела об административном правонарушении;

— в-четвертых, дело об административном правонарушении в отношении хозяйствующих субъектов может быть возбуждено только после проведения внеплановой проверки в случае, если уполномоченный орган одновременно обладает контрольно-надзорными и юрисдикционными полномочиями в соответствующей сфере.

Учитывая то, что реформировать КоАП РФ необходимо, возможным направлением дальнейшей работы является выработка механизма устранения недостатков законодательства об административных правонарушениях. В связи с этим предлагаем следующее. В настоящее время создана Национальная ассоциация административистов. Таким образом, заинтересованное научное сообщество может договориться о распределении частей Проекта между отдельными участниками ассоциации. Такое «разделение труда» поможет сократить время выработки оптимального

^{*} О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. N 2202-1: ред. от 28 нояб. 2015 г. // Рос. газ. 1995. 20 нояб.; 2016. 12 июля.

варианта закрепления соответствующих правовых норм. Кроме того, Ассоциацией может быть принято решение о порядке «защиты» выделенной части Проекта.

Список литературы

1. Арзуманян А.А. Административное расследование в механизме производства по делу об административном правонарушении // Пробелы в российском законодательстве. 2008. N 2. С. 427-428.
2. Гулягин А.И. Новое в деятельности прокуратуры: административное расследование // Вестник Владимирского юридического института. 2009. N 4. С. 55-59.
3. Хорьков В. Административное расследование // Законность. 2006. N 10. С. 14-16.
4. Долгих И.П., Черняев Г.М. Административное расследование: проблемы и перспективы // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. N 17. С. 13-17.
5. Улизко К.А., Кельбах В.Г. Некоторые вопросы реализации административно-юрисдикционных полномочий в сфере защиты прав хозяйствующих субъектов // Административное право и процесс. 2013. N 8. С. 61-63.

ЧУКЛОВА Е.В., кандидат юридических наук, доцент, elenachuklova@mail.ru Кафедра гражданского права и процесса; Тольяттинский государственный университет, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14	CHUKLOVA E.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, elenachuklova@mail.ru Chair of civil law and procedure; Tolyatti State University, Belorusskaya St. 14, Tolyatti, 445020, Russian Federation
---	--

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Обосновывается самостоятельная юридическая природа административного процесса и необходимость собственных мер его защиты. Рассмотрены основные меры процессуальной ответственности и их правовая регламентация согласно Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации. Сделан вывод о том, что мерами административно-процессуальной ответственности являются: ограничение выступления участника судебного разбирательства или лишение участника судебного разбирательства слова, предупреждение и удаление из зала судебного заседания, судебный штраф. Привод и обязательство о явке являются мерами административно-процессуального обеспечения (пресечения). При этом понятие мер административной ответственности выводится из более широкой категории – процессуального принуждения. Обязательство о явке, принудительный привод по своей юридической природе относятся к административно-процессуальным мерам обеспечения и являются разновидностями принуждения, но не мерами административно-процессуальной ответственности.

Ключевые слова: процессуальная ответственность; административный процесс; принуждение; предупреждение; меры административно-процессуальной ответственности.

PROCEDURAL RESPONSIBILITY AS A MEANS OF PROTECTION OF THE ADMINISTRATIVE PROCESS

Annotation. The independent legal nature of the administrative process and the necessity of its own means of protection are substantiated. The main measures of procedural responsibility and their legal regulation according to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation are considered. It is concluded that the measures of administrative and procedural responsibility are: limiting the speech or word deprivation of the participant of the trial, a warning and removal from the

courtroom, a judicial fine. Bringing to the court and the obligation to appear in court are the measures of administrative and procedural ensuring (restraint). At the same time the concept of administrative responsibility measures is derived from the broader category of procedural coercion. The obligation to appear in court and forced bringing to the court belong to the administrative and procedural measures of ensuring by their legal nature. They are varieties of coercion but not the measures of administrative and procedural responsibility.

Keywords: procedural responsibility; administrative process; coercion; warning; measures of administrative and procedural responsibility.

Административный процесс нуждается в собственных средствах защиты от посягательств со стороны его участников. Одним из таких средств является процессуальная ответственность. Административно-процессуальная форма должна стать самостоятельной формой организации и оформления административного судопроизводства в системе административных судов, посредством которой решается основная задача в административном суде — разрешение административного спора и вынесение законного и обоснованного решения [1].

Административный процесс является одним из видов юридического процесса наряду с уголовным, гражданским, арбитражным, конституционным процессом. По мнению А.Н. Миронова, административный процесс обладает всеми признаками юридического процесса, а именно: имеет властный характер и регламентирован процессуальными нормами. Автор выделяет три вида административного процесса: административно-нормотворческий, административно-правоприменительный и административно-юрисдикционный [2, с. 117-118].

В рамках административного процесса выделяют два вида деятельности: административно-процедурную и административно-юрисдикционную, а также их отличительные черты [3, с. 257-258]. Во-первых, в сферу административно-юрисдикционной деятельности входят действия, предмет которых составляет конкретный административно-правовой спор. Во-вторых, правовая оценка поведения участников общественных отношений обязательно присутствует в рамках административно-юрисдикционной деятельности, а в рамках административно-процедурной деятельности она может и отсутствовать. В-третьих, только в рамках административно-юрисдикционной деятельности возможно применение мер административно-процессуального принуждения, поскольку только процессуаль-

ный порядок этой деятельности закреплен в законодательных актах, и этот порядок, естественно, может быть нарушен или не соблюден. Административно-юрисдикционная деятельность занимает центральное место в системе административного судопроизводства [4, с. 169-171].

Принудительное воздействие в рамках административного судопроизводства осуществляется посредством процессуального принуждения. Под процессуальным принуждением в административном процессе понимается деятельность, представляющая собой способы психического или физического воздействия на сознание и поведение субъекта. Процессуальное принуждение имеет фактическое (поведение, неугодное государству) и формальное (диспозиция и санкция правовой нормы) основания применения. Его использование возможно как в целях охраны, так и в целях регулирования процессуальных правоотношений, но только в рамках процедуры, четко определенной в законе. Мерами процессуального принуждения являются закрепленные законом действия, которые применяются к лицам, нарушающим установленные в суде правила и препятствующим осуществлению административного судопроизводства.

К мерам процессуального принуждения в соответствии со ст. 116 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) относятся:

- 1) ограничение выступления участника судебного разбирательства или лишение участника судебного разбирательства слова;
- 2) предупреждение;
- 3) удаление из зала судебного заседания;
- 4) привод;
- 5) обязательство о явке;
- 6) судебный штраф.

Применение к лицу мер процессуального принуждения не освобождает

это лицо от исполнения соответствующих обязанностей. Меры процессуального принуждения применяются немедленно после совершения лицом соответствующего нарушения. За одно нарушение может быть применена одна мера процессуального принуждения.

На применение мер процессуального принуждения суд указывает в протоколе судебного заседания. Возражения лица, в отношении которого приняты такие меры, также заносятся в протокол судебного заседания. Применение этих мер может быть обжаловано при обжаловании решения суда.

О применении мер процессуального принуждения суд выносит определение. В определении указывается следующая информация: лицо, в отношении которого оно вынесено, место жительства или место пребывания этого лица, основания применения меры процессуального принуждения, иные необходимые сведения. Определение суда о применении меры процессуального принуждения может быть обжаловано отдельно от решения суда.

Административно-процессуальное принуждение может быть реализовано в следующих правовых формах: административно-процессуальная защита, административно-процессуальное обеспечение и административно-процессуальная ответственность. Процессуальная ответственность занимает самостоятельное место в системе правовых форм процессуального принуждения. От мер процессуальной защиты и обеспечения ее отличают: во-первых, функционально-целевая направленность, поскольку ее целью является наказание правонарушителя, тогда как у мер защиты подобная цель отсутствует, они направлены на восстановление прав, интересов и правопорядка, меры же обеспечения применяются с целью не допустить нарушения прав и создать условия для надлежащего разрешения дела; во-вторых, основание применения, поскольку основанием применения мер ответственности является процессуальное правонарушение, в то время как меры защиты и обеспечения применяются как в связи с правонарушением, так и вне зависимости от него; в-третьих, в актах применения мер защиты и обеспечения отсутствует осуждение; в-четвертых, меры процессуальной

ответственности закрепляются только в санкциях процессуальных норм, а меры защиты и обеспечения — как в диспозициях, так и в санкциях [4, с. 176]. Рассмотрим, какие из перечисленных выше мер процессуального принуждения являются мерами административно-процессуальной ответственности.

1. Ограничение выступления участника судебного разбирательства или лишение участника судебного разбирательства слова. В соответствии со ст. 118 КАС РФ в случае нарушения участником судебного разбирательства правил выступления в судебном заседании председательствующий в судебном заседании вправе: во-первых, ограничить от имени суда его выступление, если участник судебного разбирательства касается вопроса, не имеющего отношения к судебному разбирательству; во-вторых, лишить его от имени суда слова, если участник судебного разбирательства самовольно нарушает последовательность выступлений, дважды не исполняет требования председательствующего, допускает грубые выражения или оскорбительные высказывания либо призывает к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом.

На наш взгляд, данные меры являются мерами административно-процессуальной ответственности по следующим причинам. К процессуальным обязанностям каждого участника процесса с момента вступления в него относится обязанность придерживаться в своем выступлении обстоятельств разбираемого дела. Данная обязанность заключается в необходимости соотносить свое поведение с правилом поведения, закрепленным в законе. Неисполнение этой обязанности влечет новую обязанность, которая состоит в претерпевании неблагоприятных для субъекта последствий, причем эти последствия — всегда дополнительные обременения. Дополнительные обременения, которые вынуждены претерпевать субъекты ответственности, являются последствием применения к ним мер административно-процессуальной ответственности.

2. Предупреждение и удаление из зала судебного заседания. В случае нарушения участником судебного разбирательства порядка в судебном заседании председательствующий в судебном засе-

дании вправе объявить ему от имени суда предупреждение. В пользу того, что предупреждение является мерой процессуальной ответственности, говорят следующие обстоятельства. Судебное предупреждение выносится от имени суда, который наделен государственными полномочиями по привлечению к ответственности от своего имени, нарушающий порядок обязан подвергнуться осуждению со стороны государства в лице уполномоченного должностного лица, обязан выслушать оценку своего поведения. В рамках осуждения со стороны суда дается отрицательная оценка действий правонарушителя. Далее, при наложении судебного предупреждения административно-процессуальная ответственность существует в рамках правоотношения, а это еще один признак ответственности. Судебное предупреждение может быть наложено только в рамках судебного производства и только в отношении лиц, нарушивших нормальный ход этого производства, то есть круг лиц персонафицирован. Все это свидетельствует о том, что судебное предупреждение можно отнести к мерам административно-процессуальной ответственности. Отнести предупреждение к мерам обеспечения или пресечения не представляется возможным в силу того, что рассматриваемые меры налагаются при непосредственном совершении правонарушения или угрозе его совершения.

3. Удалению из зала суда как мере процессуальной ответственности свойственны следующие признаки:

— во-первых, посредством этой меры выражается отрицательная оценка поведения участников процесса;

— во-вторых, эта мера устанавливает для лица определенные ограничения, выражающиеся в лишении права участвовать в судебном заседании и представлять интересы лично, и налагает на него дополнительные неблагоприятные обременения в виде обязанности покинуть судебное заседание;

— в-третьих, круг лиц, к которым может быть применена данная мера, определен в гипотезе процессуальной нормы;

— в-четвертых, данная мера налагается за процессуальные правонарушения в виде нарушения порядка в судебном заседании повторно.

Кроме того, особенностью данной меры является то, что ее применение не только лишает определенных прав и возлагает дополнительные обязанности на сторону, ей подвергнувшуюся, но и лишает права на состязательный процесс другую сторону, и нарушает принцип равноправия и состязательности судопроизводства.

4. Если надлежащим образом извещенное лицо, участие которого в судебном разбирательстве в соответствии с законом является обязательным или признано судом обязательным, или надлежащим образом извещенный свидетель повторно не явился в суд без уважительных причин либо не сообщили о причинах неявки, в отношении их судом может быть вынесено определение о применении привода. Л.А. Терехова определяет привод в качестве меры предварительной защиты [5]. По нашему мнению, привод является мерой административно-процессуального обеспечения в связи с тем, что по своему содержанию, целям, функциям и основанию применения относится к мерам обеспечения, поскольку его применение способствует выполнению уже существующей обязанности. Никакой дополнительной обязанности и осуждения не возникает.

5. К лицу, участие которого в судебном разбирательстве в соответствии с законом является обязательным или признано судом обязательным, при необходимости может быть применена мера процессуального принуждения в виде обязательства о явке. По своим целям и задачам обязательство о явке является мерой обеспечения проведения судебного разбирательства и не связано с осуждением со стороны государства, не представляет собой дополнительную обязанность к уже существующей обязанности нарушителя. Оно представляет собой обязательство своевременно являться по вызову суда в судебное заседание, а в случае перемены места жительства или места пребывания (нахождения) незамедлительно сообщать об этом суду.

6. Судебный штраф (ст. 122 КАС РФ). Судебный штраф является мерой имущественной административно-процессуальной ответственности, налагается судом в связи с совершением участником процесса правонарушения. Как мера процессуальной ответственности имеет следующие признаки:

– во-первых, судебный штраф в соответствии со ст. 122 КАС РФ представляет собой разновидность мер процессуального принуждения и является одним из способов реализации процессуальных обязанностей;

– во-вторых, судебные штрафы налагаются судом в случаях, предусмотренных законом;

– в-третьих, суд вправе наложить судебный штраф на лиц, участвующих в деле, и иных присутствующих в зале судебного заседания лиц за проявленное ими неуважение к суду;

– в-четвертых, основания наложения и предельные размеры судебных штрафов указаны в процессуальном законодательстве. Размер судебного штрафа, налагаемого на орган государственной власти, иной государственный орган, не может превышать ста тысяч рублей, на орган местного самоуправления, иные органы и организации, которые наделены отдельными государственными или иными публичными полномочиями, – восьмидесяти тысяч рублей, на организацию – пятидесяти тысяч рублей, на должностное лицо – тридцати тысяч рублей, на государственного или муниципального служащего – десяти тысяч рублей, на гражданина – пяти тысяч рублей;

– в-пятых, судебные штрафы, наложенные судом на должностных лиц государственных органов, органов мест-

ного самоуправления и других органов, организаций, на государственных и муниципальных служащих, взыскиваются из личных средств этих лиц;

– в-шестых, уплата судебного штрафа не освобождает виновное лицо от исполнения соответствующей процессуальной обязанности, поэтому повторное неисполнение может повлечь повторное наложение штрафа;

– в-седьмых, наложение судебного штрафа производится в определенном порядке и отражается в акте применения ответственности. Вопрос о наложении на лицо судебного штрафа разрешается в судебном заседании. По результатам рассмотрения вопроса о наложении судебного штрафа суд выносит мотивированное определение. На определение о наложении судебного штрафа может быть подана частная жалоба лицом, на которое наложен судебный штраф, в течение месяца со дня получения копии данного определения.

Таким образом, мерами административно-процессуальной ответственности являются: ограничение выступления участника судебного разбирательства или лишение участника судебного разбирательства слова, предупреждение и удаление из зала судебного заседания, судебный штраф. Привод и обязательство о явке являются мерами административно-процессуального обеспечения.

Список литературы

1. Галий И.М. К вопросу о концептуальных основах административного правосудия // Российский судья. 2007. N 1.
2. Миронов А.Н. Административное право: учебник. М.: ИНФРА-М, 2007.
3. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учебник. М., 2002.
4. Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.
5. Терехова Л.А. Рассмотрение дел об оспаривании решений, действий (бездействия) лиц, наделенных публичными полномочиями, в соответствии с КАС РФ // Судья. 2015. N 6. С. 21-25.

<p>ЛЕЩИНА Э.Л., кандидат юридических наук, leshina74@yandex.ru Кафедра государственно-правовых дисциплин; Уральский филиал Российского государственного университета правосудия, 454084, г. Челябинск, просп. Победы, 160</p>	<p>LESHCHINA E.L., Candidate of Legal Sciences, leshina74@yandex.ru Chair of state and law disciplines; Ural Branch of the Russian State University of Justice, Pobedy Avenue 160, Chelyabinsk, 454084, Russian Federation</p>
---	--

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ТРУДОПРАВОВОЙ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Исследуется проблема соотношения норм административного и трудового права в регулировании дисциплинарной ответственности лиц, проходящих государственную службу. Сделан вывод о публично-правовом характере дисциплинарной ответственности лиц, проходящих государственную и муниципальную службу, что предполагает установление ее специальных оснований, правил применения, определения видов и специфики дисциплинарных взысканий, последствий их применения, отличных от правил применения мер дисциплинарной ответственности в трудовых отношениях. Аргументируется необходимость разграничения сфер действия норм трудового и административного законодательства в вопросах служебной дисциплинарной ответственности и возможности формирования в рамках административного права самостоятельного комплексного института служебно-деликтного права, предмет которого составляют общественные отношения, связанные с привлечением к дисциплинарной ответственности в связи с совершением дисциплинарного проступка (служебно-дисциплинарного деликта) государственных служащих.

Ключевые слова: юридическая ответственность; дисциплинарная ответственность; институт дисциплинарной ответственности; дисциплинарный проступок; дисциплинарное взыскание; меры дисциплинарного воздействия; государственная служба.

THE MAIN APPROACHES TO THE UNDERSTANDING OF THE DISCIPLINARY RESPONSIBILITY: LABOR LAW AND ADMINISTRATIVE LAW ASPECTS

Annotation. The problem of correlation of the norms of administrative and labor law in the regulation of the disciplinary responsibility of persons performing public service is analyzed. The conclusion about the public and legal nature of the disciplinary responsibility of persons performing state and municipal service is made. This involves establishing its special grounds, rules of application, determining the types and specific features of the disciplinary actions, consequences of their use that are different from the rules of application of disciplinary measures in the labor relations. The necessity of differentiating the spheres of application of the norms of labor and administrative legislation concerning the issues of disciplinary responsibility is argued, as well as the possibility of forming the independent complex institute of service and tort law within the framework of administrative law, the subject of which are the social relations connected with bringing the civil servants to disciplinary liability due to the commission of a disciplinary offence (service and disciplinary tort).

Keywords: legal liability; disciplinary responsibility; institute of disciplinary responsibility; disciplinary offence; disciplinary action; disciplinary measures; public service.

Дисциплинарная ответственность в теории права традиционно выделяется в качестве самостоятельного вида юридической ответственности. Правовые проблемы дисциплинарной ответственности многоаспектны, имеют межотраслевой характер и находятся на стыке ряда юридических наук, в частности административного и трудового права [1, с. 47].

Нормы административного и трудового права нередко регулируют смежные

общественные отношения. Их предмет и метод правового регулирования имеют определенное сходство, что часто затрудняет выявление истинной правовой природы тех или иных фактических отношений. Следует признать, что до сих пор остаются неразрешенными вопросы «о формировании применительно к государственным и муниципальным служащим специального служебного законодательства при отказе (полном или частичном) регулирования

их деятельности нормами Трудового кодекса РФ» [2, с. 90]. При сочетании трудового и административно-правового подхода к регулированию организации государственной службы говорить о наличии самостоятельной административно-правовой модели дисциплинарной ответственности в системе государственной (публичной службы) преждевременно.

Соответственно, представляется необходимым охарактеризовать основные отраслевые подходы к пониманию дисциплинарной ответственности на основе существующих концепций и действующего законодательства и разграничить сферы действия (применения) трудового и административного законодательства в механизме дисциплинарной ответственности в системе государственной и муниципальной службы.

В рамках проводимого исследования заслуживает внимания то обстоятельство, что институт дисциплинарной ответственности исторически сложился как институт административного права. Трудовое право заимствовало из него и само понятие дисциплины, и санкции, и принципы дисциплинарной ответственности, которые были смоделированы с учетом правил наложения дисциплинарных взысканий за упущения по службе [3, с. 15].

В дореволюционной России институт государственной службы чиновников носил публично-правовой характер, а их дисциплинарная ответственность рассматривалась и как публичный институт, и как институт административного права. В советский период правовое регулирование дисциплинарной ответственности советских служащих, так же, как и рабочих, осуществлялось нормами трудового права.

В настоящее время в правовом регулировании труда на государственной службе не только заимствован понятийный аппарат и правовые конструкции трудового права (понятия контракта, служебной дисциплины, служебного времени, индивидуального служебного спора, сроки действия контракта, общая классификация оснований и порядок его расторжения, общие условия аттестации, защиты персональных данных и т.д.), но и продолжают непосредственно использоваться многие нормы трудового законодательства, регулирующие охрану труда, материальную от-

ветственность, ведение трудовых книжек, режим труда и отдыха, рабочего времени, исчисления продолжительности и порядка предоставления отпусков, особенности труда служащих-женщин и лиц с семейными обязанностями, гарантии служащим, избранным на выборную должность в профсоюзной организации. На государственную службу полностью распространяются принципы свободы труда, обеспечения социально-трудовых прав работников, запрещения принудительного труда, дискриминации в сфере труда. Исходя из этого, многие специалисты, в том числе ученые-административисты, например А.Б. Агапов, А.П. Корнев, В.М. Манохин, относят ряд отношений государственной службы к сфере действия трудового права.

В правовой системе России в отдельных федеральных законах, регулирующих федеральную государственную службу, используются, например, термины «прокурорский работник», «работники уголовно-исполнительной системы». Создается ложное впечатление, что указанные должностные лица, имеющие специальные звания или классные чины, являются работниками, что ослабляет позиции административно-правового подхода к пониманию вопросов их дисциплинарной ответственности.

В настоящее время в литературе выделяется несколько основных подходов к пониманию дисциплинарной ответственности.

Сторонники трудового подхода — специалисты в области теории права и трудового права — полагают, что дисциплинарная ответственность — это сложный многофункциональный институт, имманентный именно трудовому праву. Так, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский указывают: «Дисциплинарная и материальная ответственность — это не самостоятельные виды ответственности, а разновидности трудовой. Дисциплинарная ответственность установлена Трудовым кодексом и иными нормативными правовыми актами, регулирующими трудовые отношения» [4, с. 645].

Однако если придерживаться правовой точности, то «дисциплинарная и материальная ответственность — это самостоятельные виды юридической ответственности в сфере труда, имеющие общий признак — субъектов трудового правоот-

ношения (работник и работодатель)» [1, с. 47], их «объединяет то, что они основаны на трудовом договоре» [5, с. 733].

Согласно положениям ч. 1 ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) за совершение дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, работодатель имеет право применить дисциплинарные взыскания. Отсюда следует, что меры дисциплинарной ответственности применяются работодателем к работнику за виновное неисполнение последним трудовых обязанностей. Необходимо отметить аналогию понятия «дисциплинарный проступок» в ч. 1 ст. 192 ТК РФ, в ч. 1 ст. 57 Федерального закона от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и в ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 2 марта 2007 г. N 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». Но для государственных и муниципальных служащих речь тем не менее идет о «служебных обязанностях».

Дисциплинарная ответственность может наступать и на основании нормативных правовых актов, напрямую не регулирующих трудовые отношения. Так, ответственность некоторых специальных субъектов (военнослужащих, судей, полицейских, таможенников, налоговиков, сотрудников спецслужб) предусматривается и назначается в порядке, установленном дисциплинарными уставами [6, с. 643].

С учетом характера установленных государством санкций, а также субъектов, которые несут ответственность, различают общую и специальную дисциплинарную ответственность. Общая ответственность регулируется ТК РФ и иными актами, содержащими нормы трудового права. Специальная ответственность предусмотрена федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине для некоторых категорий работников, работающих в отдельных отраслях экономики, где действуют уставы и положения о дисциплине, утвержденные постановлениями Правительства РФ.

Анализ специального законодательства о дисциплине труда позволил К.Н. Гусову и В.Н. Толкуновой прийти к выводу, что специальная дисциплинарная ответственность отличается от общей в основном:

- 1) по кругу лиц, подпадающих под действие соответствующих норм;
- 2) мерам дисциплинарного взыскания;
- 3) кругу лиц и органов, наделенных дисциплинарной властью;
- 4) установленному порядку обжалования взысканий [7, с. 328].

Базируясь на таком подходе, можно сделать вывод, что специальная дисциплинарная ответственность наступает в отношении определенных категорий работников в случаях, предусмотренных федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине. Дисциплинарную ответственность лиц, указанных в чч. 7 и 8 ст. 11 ТК РФ, также можно считать специальной. Специальная дисциплинарная ответственность предполагает более широкое понятие дисциплинарного проступка и предусматривает ряд дополнительных мер взыскания.

Самую современную дефиницию служебного дисциплинарного проступка содержит ст. 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так, нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком) признается виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником органов внутренних дел законодательства Российской Федерации, Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, должностного регламента (должностной инструкции), правил внутреннего служебного распорядка федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, либо в несоблюдении запретов и ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел, и требований к служебному поведению, либо в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом, служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) при выполнении основных обязанностей и реализации предоставленных прав.

К лицам, состоящим на государственной гражданской службе, военной службе, федеральной государственной службе

иных видов (имеющим специальное звание (классный чин) сотрудникам ОВД (полиции), таможенных органов, органов ФСИН России, МЧС России, Прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ) за совершение дисциплинарного проступка может быть применено предупреждение о неполном должностном (служебном) соответствии. Не предусмотрены ТК РФ и такие виды дисциплинарных взысканий, как строгий выговор, перевод на нижестоящую должность и некоторые другие. Однако для работников организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии, статьей 4 Федерального закона от 8 марта 2011 г. N 35-ФЗ «Устав о дисциплине работников организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии» дополнительно предусмотрены такие дисциплинарные взыскания, как строгий выговор и предупреждение о неполном соответствии занимаемой должности или выполняемой работе.

Отдельные авторы справедливо полагают, что публично-правовая ответственность наступает лишь при нарушении норм публичного права (административного, уголовно-процессуального и т.д.), а не частного (гражданского, семейного и т.д.), но далее делают ошибочный вывод об отнесении дисциплинарной ответственности государственных и муниципальных служащих к формам частноправовой ответственности [8, с. 27-28].

Однако частноправовая ответственность предполагает возмещение причиненного проступком вреда или убытков [8, с. 28]. Лица, состоящие на публичной службе, совершают нарушения служебной дисциплины, посягающие на установленный режим функционирования соответствующего органа, учреждения, организации, предприятия, их деяния могут нарушать законные права и интересы граждан и организаций, вызывать негативные последствия как для самого виновного лица, так и для государственного, муниципального органа в целом. Проступок такого лица одновременно может выступать и дисциплинарным, и административным правонарушением. Во всех этих случаях ответственность всегда

будет публичной. Подобная трактовка дисциплинарной ответственности «никак не согласуется с предусмотренными нормами права и существующими реально другими разновидностями дисциплинарной ответственности...» [9, с. 26].

По мнению Д.М. Овсянко, дисциплинарная ответственность – это применение мер дисциплинарного воздействия в порядке служебного подчинения за совершение дисциплинарного проступка или за другие неправомерные действия, не преследуемые в уголовном порядке [10, с. 204].

Как известно, правовая природа любого общественного отношения определяется регулирующим его законодательством. На государственной гражданской службе применяется и трудовое, и административное законодательство. Согласно ч. 7 ст. 11 ТК РФ на государственных и муниципальных служащих законодательство о труде распространяется с особенностями, установленными ТК РФ и иными федеральными законами. В соответствии со ст. 73 Федерального закона N 79-ФЗ «О гражданской государственной службе Российской Федерации» нормы трудового права применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной этим законом.

Трудовой кодекс имеет широкую, но в то же время не безграничную сферу действия [11, с. 32]. Трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права (ч. 8 ст. 11 ТК РФ) не распространяются на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы, а также других лиц, если это установлено федеральным законом (федеральными законами регулируется прохождение службы сотрудниками ОВД (полиции), таможенных органов, прокуратуры, Следственного комитета РФ).

Полагаем, что основой разграничения дисциплинарной ответственности государственных служащих по трудовому и административному праву должны быть законодательные предписания ч. 7 ст. 11 ТК РФ: «На государственных служащих действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами

и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации о государственной службе». Таким образом, ТК РФ все-таки признается приоритет законодательства о службе, которое устанавливает иной порядок привлечения к дисциплинарной ответственности госслужащих, чем работников. А вопросы дисциплинарной ответственности государственных служащих регулируются специальным (не трудовым) законодательством. Подтверждением такой точки зрения выступают положения ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»: правовое положение (статус) федерального государственного служащего и государственного гражданского служащего субъекта Российской Федерации, в том числе ограничения, обязательства, правила служебного поведения, ответственность, а также порядок разрешения конфликта интересов и служебных споров устанавливается соответствующим федеральным законом о виде государственной службы.

Из сказанного очевидно, что правовое регулирование государственной службы и вопросов дисциплинарной ответственности государственных служащих носит комплексный характер.

Комплексный, междисциплинарный подход к дисциплинарной ответственности базируется на следующем:

1. Институт дисциплинарной ответственности существует не только в трудовом, но также и в государственном, муниципальном и административном праве.

2. В отраслях публичного права юридическая ответственность всегда связана с мерами государственного принуждения, так как обязательной стороной правоотношения всегда выступает государство в лице уполномоченного органа (его представителя). Подобные отношения носят характер власти-подчинения и для трудового права они не характерны.

3. Дисциплинарная ответственность государственного служащего, муниципального служащего является также институтом соответствующих отраслей права (административного, муниципального). При этом данные отрасли, регулируя дисциплинарную ответственность своих субъектов, субсидиарно используют нормы трудового права.

4. Необходимость «полного отказа от трудового регулирования на государственной службе», возможность использования и переработки «наиболее удачных трудовых конструкций под нужды административно-правового регулирования» [12, с. 18].

В большинстве исследований преобладает правильный вывод о комплексной природе института дисциплинарной ответственности [9, с. 26]. Так, В.М. Баранов указывает, что дисциплинарная ответственность представляет собой достаточно сложную систему, которая включает:

1) ответственность работников по правилам внутреннего трудового распорядка, в порядке подчиненности, по специальным уставам и положениям, ответственность работников отдельных общественных организаций (артели старателей, коллегии адвокатов);

2) ответственность учащихся школ, профтехучилищ, средних специальных и высших учебных заведений;

3) ответственность военнослужащих, работников системы МВД, ФСБ и других органов, где дисциплина устанавливается применительно к воинской;

4) ответственность лиц, отбывающих уголовное наказание;

5) ответственность несовершеннолетних, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях [6, с. 643].

Аналогичную точку зрения разделяет и Д.Н. Бахрах. Авторитетный ученый справедливо указывает, что дисциплинарно-правовое принуждение применяется субъектами линейной власти (руководителями организаций) в отношении их подчиненных — членов легальных, организованных коллективов [13, с. 605]. В отличие от административного (уголовного) принуждения дисциплинарное принуждение является многоотраслевым [13, с. 605].

Меры дисциплинарного воздействия применяются на основе:

— норм трудового права — к членам трудовых коллективов;

— норм административного права — к членам административных коллективов (военнослужащим, сотрудникам полиции, учащимся, студентам и др.);

— норм уголовно-исполнительного права — к лицам, помещенным в следственные изоляторы, отбывающим наказа-

ние в учреждениях уголовно-исполнительной системы;

– норм судоустройственного права – к судьям [13, с. 606].

Дисциплинарная ответственность неоднородна. Ее особенности зависят от вида дисциплины, определяемого спецификой предмета регулирования общественных отношений, на защиту которых и направлено соблюдение требований дисциплины. Видовые особенности дисциплинарной ответственности проявляются в определении состава дисциплинарного проступка, в мерах дисциплинарных взысканий, в порядке их наложения и реализации [14, с. 200].

Дисциплинарная ответственность учащихся школ, училищ, средних специальных и высших учебных заведений применяется администрацией в соответствии с правилами, установленными Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», уставами учебных заведений. Этот вид ответственности рассматривается в рамках административного права (в государственных учебных заведениях, в том числе в специальных учебно-воспитательных учреждениях для несовершеннолетних) [14, с. 201].

Проведенный анализ института дисциплинарной ответственности позволил сделать следующие выводы:

1. Дисциплинарное принуждение за дисциплинарные проступки в системе публичных отношений применяется на основании трудового, административного и муниципального права.

2. Основанием дисциплинарной ответственности работника является совершение им дисциплинарного проступка, и «наказуемое поведение работника должно быть связано с выполнением им своих трудовых обязанностей или поведением на своем рабочем месте. Действия или поведение в частной жизни, т.е. вне рабочего времени, не могут быть предметом дисциплинарного взыскания» [15, с. 379].

3. Объектом дисциплинарных проступков по трудовому праву выступают нарушения положений ТК РФ, иных нормативных правовых актов о труде и трудовых договоров (соглашений). Объектом служебных дисциплинарных проступков выступают установленный режим функционирования государственного, муниципально-

пального органа, организации, нарушение служебных обязанностей, правил поведения в служебной и неслужебной деятельности, прав и законных интересов граждан и организаций и др.

4. Основанием дисциплинарной ответственности по административному праву выступают нарушения членами устойчивых коллективов служебной, учебной, воинской и иной дисциплины, а также нарушения норм морали и профессиональной этики, поведение во внеслужебное время, а в некоторых случаях – совершение административных правонарушений.

5. Дисциплинарный проступок работника причиняет вред работодателю, а дисциплинарный проступок в системе государственно-служебных отношений причиняет ущерб и государственному органу, и интересам государственной службы в целом.

6. Дисциплинарная ответственность государственных служащих имеет административно-правовую природу и применяется в рамках служебных отношений, регулируемых нормами служебного права [12, с. 25-26]. Это принципиально отличает ее от дисциплинарной ответственности в трудовых правоотношениях. Публично-правовой характер служебной дисциплинарной ответственности предполагает установление специальных оснований, правил ее применения, видов и специфики дисциплинарных взысканий и последствий их применения, отличных от правил применения мер дисциплинарной ответственности в трудовых отношениях. Однако в отдельных случаях, не урегулированных нормами законодательства о службе, с учетом имеющихся правовых установлений могут применяться нормы трудового права (за исключением военнослужащих). На муниципальных служащих, помимо норм муниципального права, распространяются и нормы об общей дисциплинарной ответственности работников.

7. Дисциплинарная ответственность по административному праву лиц, проходящих государственную гражданскую, военную службу и службу иных видов в соответствии с федеральными законами, регламентируется обширным массивом несогласованных разноуровневых нормативных актов. Наиболее не урегулированы процессуальные вопросы привлечения к ответственности.

Сведя воедино ряд подходов, следует констатировать, что трудовое право оказывает существенное влияние на содержание государственно-служебных правоотношений, и до сих пор нет четкого разграничения действия норм трудового и административного права в регулировании государственной службы и дисциплинарной ответственности государственных служащих.

Дисциплинарная ответственность в правовой системе России представляет собой сложную систему, комплексный институт. Комплексное рассмотрение вопросов дисциплинарной ответственности имело место и до начала государственно-правовой реформы в Российской Федерации такими авторами, как Ю.С. Адушкин, Д.А. Гавриленко, В.М. Манохин. А в настоящее время мы наблюдаем изменение отраслевой принадлежности трудовых отношений государственных служащих и формирование служебного права как подотрасли административного права (С.Е. Чаннов, А.Г. Чернявский) либо как самостоятельной отрасли права (Ю.Н. Ста-

рилов, И.А. Дякина). Проблемы служебно-дисциплинарной ответственности как части административного права и субинститута служебно-деликтного права рассматривала М.Б. Добробаба.

При внешнем сходстве трудоправовая ответственность и дисциплинарная ответственность по административному праву различаются между собой по основаниям применения, субъектам, порядку привлечения, мерам взыскания и последствиям их применения. При привлечении к дисциплинарной ответственности государственных служащих и учащихся нормы трудового права не применяются, за исключением случаев прямого указания закона либо неурегулированности отдельных отношений законодательно.

Комплексный подход к рассмотрению дисциплинарной ответственности в рамках продолжающегося реформирования системы государственной службы не исключает формирования в рамках административного права самостоятельного комплексного института служебно-деликтного права.

Список литературы

1. Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н. Ответственность по российскому трудовому праву: науч.-практ. пособие. М.: Велби, Проспект, 2007. 272 с.
2. Густова Л.В., Чаннов С.Е. Концептуальные подходы к формированию служебных отношений на современном этапе // Правовая культура. 2010. N 2 (9). С. 90-99.
3. Чиканова Л.А. Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе: монография. М.: Щит-М, 2005. 250 с.
4. Хачатуров Р.Д., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. 950 с.
5. Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: учебник: в 2 т. Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. М.: Статут, 2009. 1151 с.
6. Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 715 с.
7. Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России: учебник. М.: Велби; Проспект, 2004. 496 с.
8. Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в частном и публичном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010. 62 с.
9. Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР: монография / под ред. В.М. Манохина. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1986. 128 с.
10. Административное право: учебник / под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. М.: Норма, 2010. 992 с.
11. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., пересмотр. / под ред. А.М. Куренного, С.П. Маврина, В.А. Сафонова, Е.Б. Хохлова. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 848 с.
12. Добробаба М.Б. Институциональные особенности служебно-деликтного права // Актуальные вопросы публичного права. 2013. N 6. С. 23-35.
13. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2011. 624 с.
14. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. М.: Норма, 2009. 259 с.
15. Молодцов М.В., Головина С.Ю. Трудовое право: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. 640 с.

- МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук,
профессор,
1955715@rambler.ru
Кафедра административной деятельности
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75
- MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
1955715@rambler.ru
Chair of administrative activity
of the internal affairs bodies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation
- ДЫМБЕРОВ А.Д.,
dymberov@mail.ru
Отдел изучения проблем нормативного
правового и аналитического обеспечения;
Научно-исследовательский центр
проблем безопасности
дорожного движения
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
121170, г. Москва, Поклонная улица, 17
- DYMBEROV A.D.,
dymberov@mail.ru
Department for studying the problems
of normative legal and analytical support;
Scientific research center for the
problems of road traffic safety
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Poklonnaya St. 17, Moscow,
121170, Russian Federation
- МОЛЧАНОВ П.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
pavelmolchanov@mail.ru
Отдел изучения проблем нормативного
правового и аналитического обеспечения;
Научно-исследовательский центр
проблем безопасности
дорожного движения
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
121170, г. Москва, Поклонная улица, 17
- MOLCHANOV P.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
pavelmolchanov@mail.ru
Department for studying the problems
of normative legal and analytical support;
Scientific research center for the
problems of road traffic safety
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Poklonnaya St. 17, Moscow,
121170, Russian Federation

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФОТОВИДЕОФИКСАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В Российской Федерации, как и во многих других государствах, применяются специальные технические средства фотовидеофиксации, которые имеют большой потенциал для профилактики и предупреждения правонарушений в сфере дорожного движения. В статье анализируется ряд правовых проблем использования данных средств. В целях их устранения авторы предлагают принять конструктивные меры, повышающие эффективность системы автоматической фиксации, в частности: 1) принять нормативный правовой акт, определяющий общие условия применения, использования, размещения, установки специальных технических средств автоматической фиксации нарушений Правил дорожного движения; 2) завершить процесс разработки национального стандарта (ГОСТа), который установит технические требования к аппаратному и программному обеспечению специальных технических средств, имеющих функции фото-, киносъемки и видеозаписи; 3) нормативно регламентировать деятельность и координацию работы ведомств, связанных с использованием специальных технических средств фотовидеофиксации.

Ключевые слова: специальные технические средства; средства автоматической фотовидеофиксации; правила дорожного движения; обеспечение безопасности дорожного движения; предупреждение дорожно-транспортных происшествий.

THE LEGAL PROBLEMS OF USING THE SPECIAL TECHNICAL MEANS OF AUTOMATIC PHOTOGRAPHIC AND VIDEO RECORDING OF THE TRAFFIC RULES VIOLATIONS

Annotation. Like in many countries around the world, special technical means of photographic and video recording are used in Russia. They have a great potential for the prevention of offences in the field of road traffic. A number of legal problems concerning the use of these means are analyzed in the article. In order to solve them, the authors propose to take positive measures that increase the efficiency of the system of automatic recording, in particular: 1) to develop and implement a normative legal act that defines the general conditions for the application, use, placement, installation of special technical means of automatic recording of the traffic rules violations; 2) to complete the process of developing a national standard (state standard), which will establish the technical requirements for the hardware and software of special technical means having the functions of photo, filming and video recording; 3) to develop the normative regulation of the activities and coordination of work of the agencies and departments associated with the use of special technical means of photographic and video recording.

Keywords: special technical means; means of automatic photographic and video recording; traffic rules; ensuring road traffic safety; prevention of road traffic accidents.

С ростом количества дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) в России проблемы обеспечения безопасности дорожного движения становятся все более актуальными. Одним из эффективных способов профилактики и предупреждения ДТП является применение специальных технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений Правил дорожного движения (далее – ПДД).

В настоящее время во многих странах мира для обеспечения безопасности дорожного движения используются технические средства автоматической фотовидеофиксации правонарушений, выражающихся в превышении установленного ограничения скорости движения, проезде на запрещающий сигнал светофора, несоблюдении дистанции до движущегося впереди транспортного средства и т.д. [1, с. 100].

С 1 июля 2008 года в Российской Федерации началось активное внедрение специальных технических средств фотовидеофиксации нарушений ПДД, работающих в автоматическом режиме. В соответствии со ст. 26.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) под специальными техническими средствами понимаются измерительные приборы, утвержденные в установленном порядке в качестве средств измерения, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие метрологическую поверку [2].

Благодаря применению средств автоматической фотовидеофиксации нарушений ПДД в 2014 году было вынесе-

но 40,5 млн постановлений по делам об административных правонарушениях, в 2015 году – 50 млн, а за 6 месяцев 2016 года их количество составило 26,2 млн, что на 17 % больше, чем за аналогичный период 2015 года*. На начало текущего года в России насчитывалось 6,2 тыс. стационарных и 4,1 тыс. мобильных зон контроля. По итогам 2015 года доля постановлений по делам об административных правонарушениях, зафиксированных с помощью специальных технических средств, составила 67 % от общего количества постановлений [3].

Правовой базой для введения системы фиксации нарушений ПДД работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами стал Федеральный закон от 24 июля 2007 года N 210-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». В соответствии с данным нормативным документом были изменены основание и порядок привлечения к юридической ответственности виновных в совершении административных правонарушений в области дорожного движения на основании полученных фото- и видеоматериалов**.

* Средства фотовидеофиксации нарушений ПДД способствуют снижению числа ДТП на российских дорогах. URL: <http://www.gibdd.ru/news/federal/2571386/>

** О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 24 июля 2007 г. N 210-ФЗ // Рос. газ. 2007. 31 июля.

Таким образом, функционирование системы автоматической фиксации нарушений ПДД в настоящее время регулируется только одним законодательным актом — КоАП РФ, который устанавливает требования к процессуальным моментам применения комплексов. В ПДД, устанавливающих единый порядок дорожного движения в Российской Федерации, присутствует лишь знак дополнительной информации — 8.23 «Фотовидеофиксация». Вся остальная деятельность регламентируется различными актами МВД России (приказами, указаниями), совместными указаниями МВД России и Федеральной службы судебных приставов и в большей степени — указаниями Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России.

Отсутствие единого нормативного регулирования вызывает ряд правовых проблем, возникающих как в процессе применения средств автоматической фотовидеофиксации нарушений ПДД, так и при рассмотрении дел с использованием специальных технических средств фото- и киносъемки, видеозаписи и последующем использовании их показаний.

Важно отметить, что применение специальных технических средств (комплексов) автоматической фотовидеофиксации нарушений ПДД имеет свою специфику:

1. Данные, поступающие в программное обеспечение для анализа, имеют случайный характер по причине невозможности повторить измерения, наличия при каждом измерении своего уникального набора помех, ошибок измерений, выделения целей и т.д. Следовательно, каждое измерение уникально и неповторимо, поэтому по единичному результату невозможно установить, имела ли место ошибка, если нет дополнительных (исходных) материалов.

2. Поступающие данные являются не абсолютно точным отображением реальной ситуации, а некоторым приближением к ней, с возможными ошибками как в измерениях, так и в их интерпретации программным обеспечением.

3. Основное назначение комплексов автоматической фотовидеофиксации нарушений ПДД — выявление нарушений ПДД и средств совершения правонарушений — конкретных транспортных средств с целью установления их собственников и наложе-

ния на них наказания согласно КоАП РФ в каждом отдельно взятом случае.

В процессе использования результатов работы специальных технических средств для выявления и наказания нарушителей ПДД ключевым является следующий вопрос: «Что первично в результате — максимальное наказание нарушителей независимо от возможных ошибок и, как следствие, действительной виновности или максимальная защита граждан от ошибок автоматических специальных технических средств?». Сложившаяся в России практика работы систем автоматической фиксации нарушений ПДД свидетельствует о том, что у эксплуатирующих их государственных органов на первом месте стоит явно выраженная фискальная направленность. Нередко главными в отчетах о работе систем фотовидеофиксации становятся не данные о снижении числа ДТП, а суммы, заработанные на штрафах. В некоторых программных документах субъектов Российской Федерации в качестве цели применения систем фотовидеофиксации правонарушений обозначено пополнение регионального бюджета. Так, например, в марте 2013 года Министерство финансов Омской области сообщило о том, что планируется поступление в региональный бюджет 492,9 млн рублей штрафов за нарушения ПДД, зафиксированные средствами фотовидеофиксации, тогда как на установку и обслуживание комплексов направят лишь 380,2 млн рублей*.

Технические аспекты эксплуатации средств автоматической фотовидеофиксации правонарушений непосредственно связаны с правовыми. Любые измерительные приборы несовершенны, и это сказывается на результатах измерений. Какой бы незначительной ни была погрешность, она всегда существует, и знание этой погрешности обязательно для правильной оценки полученных результатов. Это особенно актуально для измерений, осуществляемых в процессе выявления административных правонарушений, фиксации и исследования имеющихся доказательств, поскольку результаты этих измерений используются в

* Общественный доклад «О состоянии дел в сфере организации и безопасности дорожного движения в регионах России». URL: https://oc.mvd.pf/upload/site107/folder_page/002/098/786/__.pdf

процессе доказывания и во многом ложатся в основу постановления по делу. Рассмотрим основные технические ошибки, возникающие при анализе материалов средств автоматической фиксации:

1) ошибки распознавания государственных регистрационных знаков (ГРЗ), когда вместо транспортного средства нарушителя система, ошибочно распознав государственный номер, «назначает» виновником транспортное средство с похожим номером (который может отличаться лишь отдельными символами в ГРЗ);

2) ошибки определения места для комплексов фиксации нарушения стоянки, когда, например, для определения местонахождения транспортного средства используются приемники глобальной навигационной спутниковой системы (ГНСС). В условиях плотной городской застройки имеется множество жалоб на ошибки определения места фиксации: система может срабатывать так, будто она находится на участке улично-дорожной сети, где стоянка запрещена, а на самом деле стоянка разрешена;

3) ошибки определения конкретного транспортного средства (далее — ТС), нарушающего скоростной режим, радаром, когда в зоне контроля комплекса находится более одного ТС. В этом случае фиксация нарушения (радиолокационная цель превысила скорость) производится в одном канале данных (радиолокатор), а фиксация изображения ТС производится в другом канале (видеокамера). Если в видеоканале имеется более одной цели, то возникает вопрос: «Какой из видеоцелей принадлежит измеренная радаром скорость?».

Безусловно, существуют комплексы, для которых декларируется одновременное измерение скоростей всех радиолокационных целей с их привязкой ко всем видеоцелям в кадре на основании математического моделирования и последующего сравнения радиолокационных трасс и видеоцелей. Но их алгоритмы также не гарантируют безошибочности. Например, у комплекса «Стрелка» в технической документации указано: допустимая вероятность ложной идентификации ТС нарушителя — не более 0,001*. Таким образом, ни один изготовитель средств из-

мерений не гарантирует отсутствие ошибок измерений или их интерпретации. И это фиксируется в документации на комплексы доверительными интервалами, вероятностями ошибок, указаниями о материалах фиксации, которые необходимо изучать и учитывать при анализе и использовании материалов средств автоматической фиксации.

При рассмотрении дел с использованием специальных технических средств фото- и видеозаписи Госавтоинспекция МВД России видит свою задачу в том, чтобы предоставить в судебные органы любой материал от устройства автоматической фиксации с функцией фотовидеозаписи, а суд, не будучи компетентным в измерениях и их интерпретации, как правило, доверяет заключению Госавтоинспекции. Как показывает правоприменительная практика, чаще всего суды, вместо того чтобы руководствоваться положениями частей 1, 2, 4 ст. 1.5 КоАП РФ, ориентируются на примечание к ст. 1.5 КоАП РФ, согласно которому обязанность доказывания лежит на лице, привлекаемом к административной ответственности. Иначе говоря, доказывать ошибки измерения либо результата их интерпретации программным обеспечением комплекса — это обязанность гражданина.

В итоге водители результативно опротестовывают только тот брак Госавтоинспекции, который можно проверить и доказать доступными им средствами (например, ошибку распознавания ГРЗ доказывают сравнением фотографии своего ТС и фотографии ТС нарушителя в постановлении; ошибку места запрета стоянки доказывают, демонстрируя съемку той части улицы, где стояло ТС и где стоянка разрешена). Однако есть измерения скорости ТС, которые нельзя реконструировать доступными обычно водителю методами. Кроме того, существует проблема фальсификации материалов технических средств автоматической фиксации. Это следствие того, что недобросовестные эксплуатанты имеют доступ к незащищенным материалам и могут внести в них любые данные по своему желанию. В этом случае изображение ТС реальное, а информация о правонарушении якобы от автоматического комплекса — фальшивая.

Очевидно, что невиновные не должны нести наказания за ошибки автоматических измерений или их интерпретации

* Проблемы применения средств автоматической фотовидеозаписи нарушений ПДД в России. URL: <https://www.rd-forum.ru/>

программным обеспечением комплексов фотовидеофиксации, а также за фальсифицированные нарушения. Для исправления данной ситуации законодатель должен внести определенные коррективы в действующее законодательство, включающие в себя:

1) устранение многозначности в законодательстве в примечании к ст. 1.5 КоАП РФ, например, указанием на то, что водитель обязан доказывать исключительно свою непричастность к управлению ТС, а доказать факт наличия события правонарушения и его средства (какое именно ТС нарушило) – это обязанность Госавтоинспекции;

2) указание о том, что в постановлении об административном правонарушении, зафиксированном автоматическими средствами фотовидео съемки, должны быть материалы, фиксирующие процесс правонарушения, в объеме, необходимом для выявления и исключения ошибок измерений или их интерпретации.

Еще одной правовой проблемой является отсутствие четких стандартов в работе дорожных камер, что приводит к нарушениям при назначении административного наказания в виде штрафа за превышение скорости, зафиксированное переносными дорожными камерами. Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 января 2013 года N 20 в ПДД были внесены изменения, согласно которым перед работающей камерой фотовидеофиксации может устанавливаться знак дополнительной информации 8.23 «Фотовидеофиксация»*. Знак указывает, что в зоне действия дорожного знака либо на данном участке дороги может осуществляться фиксация административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото-, кино съемки и видеозаписи, или средствами фото-, кино съемки и видеозаписи.

В связи с установкой данного знака возникла правовая коллизия. С одной стороны, согласно новым нормам, любая съемка дорожными камерами, работающими в автоматическом режиме, возмож-

на только при наличии таких табличек и (или) разметки, предупреждающих водителя о фотовидео контроле. Интересно отметить, что табличка 8.23 может использоваться только в сочетании с ограниченным перечнем дорожных знаков, в том числе со знаком 3.24 «Ограничение максимальной скорости», запрещающим движение со скоростью (км/ч), превышающей указанную на знаке. Сама по себе она устанавливаться не может.

С другой стороны, Госавтоинспекция МВД России иногда размещает переносные комплексы на участках дорог, на которых нет табличек, предупреждающих водителей о возможной фотосъемке. При этом обжаловать штраф по материалам комплекса автоматической фиксации на основании отсутствия таблички 8.23 достаточно сложно. В судебной практике, исходя из положений ч. 3 ст. 26.2, ст. 26.8 КоАП РФ, обычно выносится решение о том, что «установка знака дополнительной информации при использовании технических средств не является обязательной, и отсутствие такового не предоставляет лицу права нарушать ПДД РФ»**.

В связи с вышесказанным можно выделить проблему отсутствия законодательных норм, устанавливающих требования к специальным техническим средствам, имеющим функции фото-, кино съемки и видеозаписи. Эксперты, изучавшие практику внедрения систем автоматической фиксации в различных регионах России, отметили, что отсутствие единых требований и стандартов к применяемым техническим средствам приводит к путанице в понятиях и появлению оборудования и программного обеспечения сомнительного качества и функциональности.

Отсутствие нормативно закрепленного порядка принятия решения о местах установки стационарных технических средств приводит к их размещению в местах более интенсивного движения, на прямых и ровных участках дорог (где водители могут превысить скорость с большей вероятностью), зачастую без учета аварийно-опасных участков дорог и систематического нарушения ПДД. Подобная

* О внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 21 янв. 2013 г. N 20 // Рос. газ. 2013. 30 янв.

** Решение Калининского районного суда г. Уфы РБ N 12-42/2014 от 11 марта 2014 г. // СудАкт.ру URL: <http://sudact.ru/regular/doc/іoQKzhRkQbP/>

практика, ориентированная на максимизацию количества штрафов, дискредитирует саму цель установки комплексов автоматической фотовидеофиксации. По мнению президента Коллегии правовой защиты автовладельцев В. Травина, «использование дорожных комплексов превратилось, по сути, в коммерческий проект» [3].

Вопрос о количестве приборов и порядке их установки федеральным законодательством также не урегулирован. Определение местоположения специальных технических средств фиксации нарушений ПДД сводится к принятию решения руководителем органа управления Госавтоинспекции МВД России. Как отмечает генеральный директор НПО «Призма» (производство и установка дорожных камер) С. Ласкин, существуют технические возможности для произвола сотрудников Госавтоинспекции при работе с мобильными комплексами «КРИС-П»: «Во-первых, данные с камеры, записывающиеся на флеш-накопитель, могут быть удалены, если производитель открывает доступ к такой функции. Во-вторых, такую камеру можно поставить в одном месте, а задать адрес другого места, ограничения скорости в которых будут разными» [4].

В этих условиях весьма актуальной становится проблема повышения уровня эффективности административно-юрисдикционной деятельности Госавтоинспекции МВД России в области обеспечения безопасности дорожного движения [5, с. 115]. Кроме того, назрела острая необходимость принятия ГОСТа (национального стандарта), регламентирующего технические требования к средствам автоматической фиксации правонарушений в области дорожного движения, правилам их применения. Представляется, что в данном нормативном акте должно быть исчерпывающе регламентировано понятие «автоматическая фиксация правонарушения», отсутствие которого в настоящее время порождает различные толкования действующего законодательства правоприменительными органами и органами, осуществляющими надзор.

Росстандарт с августа 2013 года ведет работу в этом направлении – создание национальных стандартов, устанавливающих порядок размещения и эксплуатации систем автоматической

фиксации. По мнению разработчиков, национальный ГОСТ должен регламентировать соответствие определенным требованиям как самих камер (комплексов) фотовидеофиксации, так и их установки и применения. В 2014 году состоялось общественное обсуждение новых ГОСТов на автоматические камеры, и после рассмотрения экспертами документы вновь подверглись изменениям. Их принятие до сих пор не осуществлено.

В результате на сегодняшний день в стране нет единых требований к устройствам автоматической фиксации нарушений ПДД, законодательством определены только требования по сертификации и метрологической проверке специальных технических средств измерения, а также инструкции и методические указания о порядке применения этих средств. Однако они не относятся к нормативным правовым актам. Кроме того, остается совершенно не урегулированным применение не относящихся к средствам измерения специальных технических средств, фиксирующих проезд на запрещающий сигнал светофора, выезд за стоп-линию, выезд на сторону дороги, предназначенную для встречного движения.

В связи с появлением новых комплексов видеофиксации, определяющих среднюю скорость движения, среди автомобилистов активно обсуждаются вопросы законности штрафов за превышение такой скорости. В КоАП РФ отсутствует определение «средней скорости» движения, что делает затруднительным процесс оспаривания подобных нарушений в суде. В статье 12.9 КоАП РФ определено только «превышение установленной скорости движения на... километров в час» и не оговаривается, какая скорость и как должна измеряться.

Кроме того, существует серьезный правовой пробел, касающийся привлечения к административной ответственности юридических и физических лиц за нарушения ПДД, зафиксированные с помощью специальных технических средств. Из-за формулировки, содержащейся в ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ, возникает проблема, связанная с привлечением к административной ответственности юридического лица, являющегося собственником (владельцем) транспортного средства.

Согласно ст. 2.6.1 КоАП РФ в случае выявления события административного правонарушения к административной ответственности привлекается собственник транспортного средства. Однако нормы главы 12 КоАП РФ, устанавливающие ответственность за правонарушения, выявленные специальными техническими средствами, предполагают ответственность водителя, то есть физического лица.

В целом, среди правоведов нет единого мнения о содержании вины собственника транспортного средства за административные правонарушения, выявленные с помощью специальных технических средств. С точки зрения Б.В. Россинского, «при автоматической фиксации нарушения, совершенного лицом, управляющим транспортным средством, в случае если это лицо не установлено, действие собственника (владельца) данного транспортного средства следует рассматривать как доверие транспортного средства по неосторожности лицу, совершившему нарушение Правил дорожного движения» [6]. Считаем очевидным, что владелец, на имя которого транспортное средство зарегистрировано, не может, основываясь на объективных обстоятельствах, с достаточной степенью вероятности предвидеть совершение противоправного деяния другим лицом.

Для случаев, связанных с автоматической фиксацией нарушений ПДД, совершенных с использованием транспортных средств, принадлежащих юридическим лицам, вполне применима опровержимая презумпция управления ими лицами, состоящими с юридическим лицом в договорных отношениях, не предполагающих передачи правомочий владения, пользования, распоряжения. В законодательстве отсутствует норма, на основании которой «другое лицо» (не являющееся собственником транспортного средства) могло бы быть на основании показаний специальных технических средств привлечено к административной ответственности [7, с. 21]. По мнению Д.В. Бадуря, в данной ситуации говорить о виновности владельца транспортного средства в совершении административного правонарушения нет смысла, однако привлечение к ответственности при отсутствии вины не противоречит действующему законодательству и принципам справедливости и законности [8, с. 628].

Полагаем, что правовая проблема определения вины собственника либо водителя ТС ставит под сомнение выполнение требований ст.ст. 1.2 и 3.1 КоАП РФ в части, касающейся предупреждения административных правонарушений, ввиду невозможности предупреждения деликта в области дорожного движения, совершаемого одним лицом (водителем), если ответственность за него будет нести другое лицо (собственник транспортного средства). Это фактически сводит на нет выполнение одной из ключевых общеполлицейских мер профилактики правонарушений, закрепленной в ст. 2 и подп. 4 п. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*.

Многие исследователи обращают внимание на законодательное игнорирование принципа презумпции невиновности и привлечения к административной ответственности участников дорожного движения, которые в случае несогласия с предъявленным обвинением должны будут отстаивать свою невиновность. Примечание к ст. 1.5 КоАП РФ закрепляет норму, согласно которой обязанность доказывания лежит на лице, привлекаемом к административной ответственности. Исходя из вышесказанного и согласно ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ, владелец транспортного средства освобождается от административной ответственности в случае, если в его заявлении или сообщении подтверждаются сведения о том, что на момент совершения административного правонарушения он не мог управлять автомобилем. В данной ситуации, по мнению А.П. Шергина, логический процесс доказывания в юрисдикционной деятельности идет от нормы к факту, при этом компетентный орган как бы «просматривает» фактические обстоятельства совершенного деяния через призму нормы, предусматривающей административную ответственность за правонарушение [9, с. 35].

Таким образом, характеризуя проблемы и коллизии, имеющиеся в современном российском законодательстве, регламентирующем применение специальных технических средств автоматической фиксации нарушений ПДД, можно

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

согласиться с мнением большинства исследователей «об отсутствии системности при конструировании и введении в действие норм и правил» и о необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования [10, с. 49]. Существующая на сегодняшний день правоприменительная практика рассмотрения дел с использованием специальных технических средств фотовидеофиксации административных правонарушений зачастую связана с ограничением гарантированного законом принципа презумпции невиновности и права физического лица на неприкосновенность частной жизни.

В подобных условиях становится невозможным обеспечение на должном уровне реализации основной цели внедрения систем фотовидеофиксации — снижения аварийности и сохранения жизни и здоровья участников дорожного движения. Применение данных систем на практике зачастую характеризуется низким уровнем неотвратимости наказания из-за отсутствия стандартизированных требований к параметрам и использованию приборов, что может дать нарушителям шанс оспорить санкции в суде, и нарушением процессуальных норм, дискредитирующим саму идею фотовидеофиксации нарушений*.

Для устранения имеющихся правовых проблем необходимо разработать и ввести в действие нормативный правовой акт, определяющий общие условия применения, использования, размещения, установки специальных технических средств автоматической фиксации нарушений ПДД. Как верно отмечают многие исследователи, необходимо нормативное закрепление понятия и содержания пределов использования специальных технических средств, работающих в автоматическом

* Общественный доклад «О состоянии дел в сфере организации и безопасности дорожного движения в регионах России».

режиме, а именно их пространственных и временных границ [11].

Кроме того, следует завершить длящийся уже несколько лет процесс разработки национального стандарта (ГОСТа), который должен установить технические требования к аппаратному и программному обеспечению специальных технических средств, имеющих функции фото-, киносъемки и видеозаписи.

Безопасность участников дорожного движения зависит и от качества «деятельности в сфере функционирования уполномоченных государственных органов и органов местного самоуправления» [12, с. 23]. В связи с этим в условиях, когда эффективная работа системы автоматической фиксации может быть обеспечена только при скоординированной работе многих ведомств, необходима нормативная регламентация как деятельности этих ведомств, так и процесса их взаимодействия. В частности, необходимо нормативное закрепление источников и объемов финансирования, мер обеспечения неотвратимости наказания (в том числе путем дифференциации штрафных санкций в зависимости от времени уплаты, блокирования счетов и других мер, принятых в странах с развитым уровнем автомобилизации), требует законодательной регламентации такое перспективное направление, как фиксация средней скорости движения.

Средства автоматической фотовидеофиксации нарушений ПДД имеют большой потенциал для профилактики и предупреждения правонарушений в сфере дорожного движения, они дисциплинируют водителей, напоминая о необходимости соблюдать ПДД. Однако рассмотренные нами правовые проблемы использования данных средств не позволяют им стать действительно эффективным инструментом, который мог бы улучшить современную ситуацию на дорогах России.

Список литературы

1. Каплунов А.И. Особенности привлечения к административной ответственности за правонарушения, предусмотренные ст. 12.9 КоАП РФ, выявленные работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи // Актуальные проблемы административной ответственности: материалы всероссийской научно-практической конференции (Омск, 19 мая 2011 г.). Омск: Омский юрид. ин-т, 2011. С. 100-110.

2. Дорожно-патрульная служба Госавтоинспекции: сб. метод. материалов. М.: НИЦ БДД МВД России, 2011. 292 с.

3. Ломакин Д. Год штрафных рекордов. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2016/01/21_a_8033705.shtml (дата обращения: 1 авг. 2016 г.).
4. Оспаривание ошибок и фальсификаций при автоматической фотовидеофиксации. URL: <http://www.rd-forum.ru/threads/osparivanie-oshibok-i-falsifikacij-pri-avtomaticheskoy-foto-videofiksacii.2972/page-133> (дата обращения: 1 авг. 2016 г.).
5. Майоров В.И. Оценка эффективности административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел в области дорожного движения // Полицейское право. 2007. N 2.
6. Россинский Б.В. Новеллы в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. N 11. С. 4-13.
7. Молчанов П.В. Собственник (владелец) транспортного средства как субъект административной ответственности // Административное право и процесс. 2010. N 3.
8. Бадура Д.В. Организационные и правовые проблемы использования показаний средств автоматического выявления и фиксации нарушений в области безопасности дорожного движения // Молодой ученый. 2014. N 3.
9. Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 1979.
10. Климович Е.В., Кузнецов А.В. О некоторых проблемах правового регулирования применения специальных технических средств фиксации нарушений правил дорожного движения // Правопорядок: теория, история, практика. 2015. N 1 (4).
11. Шевченко О.А. Возбуждение и административное расследование дел об административных правонарушениях в области дорожного движения: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2015.
12. Майоров В.И. Социальное управление системой обеспечения безопасности в дорожном движении // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. N 1 (30).

Раздел 4. Уголовный закон

ХОРОШИЛОВ С.А.,
кандидат юридических наук,
horoschi@mail.ru
Кафедра правоохранительной деятельности
и национальной безопасности;
Южно-Уральский государственный
университет (Национальный
исследовательский университет),
454080, г. Челябинск,
просп. им. Ленина, 76	KHOROSHILOV S.A.,
Candidate of Legal Sciences,
horoschi@mail.ru
Chair of law enforcement activities
and national security;
South Ural State University
(National Research University),
Lenin Avenue 76, Chelyabinsk, 454080,
Russian Federation
МАЙОРОВ А.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
AB_Majorov@mail.ru
Кафедра правоохранительной деятельности
и национальной безопасности;
Южно-Уральский государственный
университет (Национальный
исследовательский университет),
454080, г. Челябинск,
просп. им. Ленина, 76	MAYOROV A.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
AB_Majorov@mail.ru
Chair of law enforcement activities
and national security;
South Ural State University
(National Research University),
Lenin Avenue 76, Chelyabinsk, 454080,
Russian Federation

**НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ТОВАРОВ И ПРОДУКЦИИ БЕЗ МАРКИРОВКИ
И (ИЛИ) НАНЕСЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Аннотация. Уголовно-правовой механизм защиты интересов потребителей от угроз незаконного оборота контрафактной продукции, эффективность которого на протяжении длительного времени не соответствовала потребностям государства и общества, в последние годы подвергся существенной модернизации. Одним из направлений такой модернизации стало изменение статьи 171.1 УК РФ, касающееся не только формальных признаков состава преступления, но и фактического содержания и сферы распространения уголовно-правового запрета. Если изначально криминализация действий, описанных в статье 171.1 УК РФ, была вызвана исключительно экономическими обстоятельствами, то в настоящее время норма направлена в первую очередь на упорядочение деятельности производителей и продавцов, а также обеспечение безопасности потребителей товарной продукции. Несмотря на то, что трансформация законодательства повлекла резкий всплеск применения данной уголовно-правовой нормы, далеко не все изменения получили положительную оценку в науке уголовного права, а отдельные нововведения могут повлечь возникновение серьезных проблем в правоохранительной практике.

Ключевые слова: уголовная ответственность; товары и продукция без маркировки; немаркированная алкогольная продукция; крупный размер; продажа; освобождение от уголовной ответственности.

**ILLICIT TRAFFICKING OF GOODS AND PRODUCTS WITHOUT
MARKING AND (OR) APPLYING INFORMATION PROVIDED
BY THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS
OF CRIMINALIZATION AND DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY**

Annotation. The criminal law mechanism of protection of consumers' interests against threats of illicit trafficking of counterfeit goods was subject to essential modernization in recent years. Its efficiency did not correspond to the needs of the state and society for a long time. One of the directions of such modernization is amendment to article 171.1 of the Criminal Code of the Russian Federation,

concerning not only the formal elements of *corpus delicti*, but also the actual content and the scope of criminal law prohibition. Initially, the criminalization of the actions described in article 171.1 of the Criminal Code of the Russian Federation was caused solely by economic circumstances. Currently, the norm primarily focuses on streamlining the activities of manufacturers and sellers, as well as ensuring the safety of consumers of commercial products. Despite the fact that the transformation of the legislation resulted in a sharp increase in the application of this criminal law rule, not all changes received a positive assessment in the criminal law, and some innovations can lead to serious problems in law enforcement practice.

Keywords: criminal liability; unmarked goods and products; unmarked alcoholic beverages; large amount; sale; exemption from criminal liability.

Системообразующей в уголовно-правовом механизме противодействия незаконному обороту контрафактной продукции в России начиная с 1999 г. была ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК), первоначально предусматривавшая ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт товаров и продукции без соответствующей маркировки акцизными марками, специальными марками и знаками соответствия, защищенными от подделок.

Эффективность ее применения в различные периоды времени была нестабильной и зависела от текущего нормативного регулирования рынка в сфере производства и реализации товаров, а также состояния самого уголовного законодательства.

Так, за первые пять лет действия нормы, с 1999 по 2003 г. включительно, в России было выявлено 3 412 преступлений, предусмотренных указанной статьей*. В этот период, кроме алкогольной и табачной продукции, подлежащей обязательной маркировке специальными и акцизными марками, предметом рассматриваемого преступления являлись аудиовидеотовары и компьютерная техника, которые должны были маркироваться знаком соответствия согласно Закону РФ от 10 июня 1993 г. N 5151-1 «О сертификации продукции и услуг»** и Постановлению Правительства РФ от 17 мая 1997 г. N 601 «О маркировании товаров и продукции на территории Российской Федерации знаками соответствия, защищенными от подделок»***. Крупный размер как признак рассматриваемого преступления – стоимость товаров, превышающая 200 МРОТ (90 тыс. руб. на май 2002 – июнь 2003 гг.).

* Здесь и далее приведены статистические данные ГИАЦ МВД России.

** Рос. газ. 1993. 25 июня.

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 21. Ст. 2487.

В 2003 г. в связи с вступлением в силу Федерального закона от 27 декабря 2002 г. N 184-ФЗ «О техническом регулировании»**** маркировка товаров знаком соответствия становится добровольной, действие ст. 171.1 УК в данной части фактически аннулируется.

Уже в 2014 г. в России было зарегистрировано лишь 136 преступлений по ст. 171.1 УК при величине крупного размера свыше 1,5 млн руб.

До конца 2013 года вид немаркированных товаров и продукции как предмета преступления, предусмотренного ст. 171.1 УК, в диспозиции определен не был. Вместе с тем норма распространяла свое действие исключительно на алкогольную продукцию и табачные изделия в связи с законодательно установленным требованием маркировки специальными (акцизными) марками только указанных типов товаров [1, с. 184-185].

Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. N 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий»***** (далее – Федеральный закон N 530-ФЗ) ст. 171.1 УК была существенно модернизирована. Изменения коснулись как формальных признаков состава преступления, так и фактического содержания, направленности действия и объема уголовно-правового запрета, на что указывает новый перечень предметов преступления и их криминообразующий размер.

Дальнейшая либерализация законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, продолженная Федеральным законом от

**** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 52 (ч. I). Ст. 5140.

***** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. N 1 (ч. I). Ст. 83.

3 июля 2016 г. N 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* (далее — Федеральный закон N 325-ФЗ), коснулась дифференциации уголовной ответственности по ст. 171.1 УК посредством градации форм соучастия в преступлении, а также увеличения крупного и особо крупного размеров деяния, связанного с незаконным оборотом немаркированных товаров и продукции, за исключением алкоголя и табака.

Несмотря на то, что трансформация законодательства повлекла резкий всплеск применения данной уголовно-правовой нормы (в России в 2015 г. зарегистрировано в три раза больше преступлений, предусмотренных ст. 171.1 УК, по сравнению с 2014 г.), далеко не все изменения в науке уголовного права получили положительную оценку, а отдельные нововведения могут повлечь возникновение серьезных проблем в правоохранительной практике. Эти проблемы можно разделить на два вида — связанные с криминализацией деяния и связанные с дифференциацией уголовной ответственности.

Проблемы, связанные с криминализацией деяния

1. Криминализация отношений в сфере изготовления и реализации товаров на потребительском рынке.

Федеральным законом N 530-ФЗ перечень предметов рассматриваемого преступления расширен. Теперь ст. 171.1 УК уже не только запрещает оборот фальсифицированной алкогольной и табачной продукции, но и расширяет свое действие на весь потребительский рынок товаров, подлежащих маркировке.

Различны и цели уголовно-правового запрета. Если изначально криминализация действий, описанных в ст. 171.1 УК, была вызвана обстоятельствами, имевшими экономическую основу (реализация фискальной функции государства, расширение легального сектора экономики), то в настоящее время нормы, закрепленные в чч. 1-4, направлены в первую очередь на упорядочение деятельности производителей и продавцов, а также обеспечение безопасности потребителей товарной продукции.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 27 (ч. II). Ст. 4258.

К предметам рассматриваемого преступления теперь относятся:

— товары и продукция без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, в случае, если такая маркировка и (или) нанесение такой информации обязательны (чч. 1, 1.1 и 2 ст. 171.1 УК);

— продовольственные товары без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, в случае, если такая маркировка и (или) нанесение такой информации обязательны (чч. 3 и 4 ст. 171.1 УК);

— немаркированная алкогольная продукция, подлежащая обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками, а также немаркированные табачные изделия, подлежащие маркировке специальными (акцизными) марками (чч. 5 и 6 ст. 171.1 УК).

При этом предыдущие предметы, указанные в частях 1 и 3 ст. 171.1 УК, исключают последующие.

К товарам и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, как предмету преступления, предусмотренного чч. 1, 1.1 и 2 ст. 171.1 УК, причисляются различные виды товаров (предметы личной гигиены, парфюмерно-косметические, текстильные, швейные и трикотажные изделия, строительные и отделочные материалы, посуда, товары бытовой химии, мебель, бытовая техника и многое другое), за исключением продовольственных, а также алкогольной продукции и табачных изделий.

Требования к маркировке и нанесению информации на товары делятся на общие и специальные. Общие в соответствии со ст. 10 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей»** определяются обязанностью изготовителя и продавца предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах, обеспечивающую возможность их правильного выбора, а именно: наименование технического регламента или иное свидетельствующее об обязательном подтверждении соответствия товара обозначение; сведения об основных потребительских свойствах товаров; цену в рублях и условия приоб-

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 3. Ст. 140.

ретения товаров; гарантийный срок, если он установлен; правила и условия эффективного и безопасного использования товаров; информацию об энергетической эффективности отдельных товаров, срок службы или срок годности товаров; адрес (место нахождения), фирменное наименование (наименование) изготовителя (исполнителя, продавца), уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера и др.

Специальные требования распространяются на отдельные виды товаров соответствующими федеральными законами*, постановлениями Правительства РФ** либо техническими регламентами.

Несмотря на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. N 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»*** лекарственные препараты, за исключением изготовленных аптечными организациями и иными субъектами, имеющими лицензию на фармацевтическую деятельность, должны маркироваться соответствующей информацией, они не могут быть предметом рассматриваемого преступления в связи с особым порядком их производства и оборота на территории Российской Федерации, требованиями регистрации, документационного оформления и упаковки. Любые действия, связанные с обращением фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборотом фальсифицированных биологически активных добавок, квалифицируются по специальной норме, предусмотренной ст. 238.1

* См., например: О техническом регулировании: федер. закон от 27 дек. 2002 г. N 184-ФЗ, Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 23 нояб. 2009 г. N 261-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 48. Ст. 5711.

** См., например: Об особенностях маркировки впервые выпускаемой в обращение продукции, в том числе знаком обращения на рынке или знаком соответствия, и о порядке информирования приобретателя, в том числе потребителя, о возможном вреде такой продукции и факторах, от которых он зависит: постановление Правительства РФ от 18 сент. 2012 г. N 943 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 39. Ст. 5282.

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 16. Ст. 1815.

УК. Подделка документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий, а также их использование оцениваются исключительно в соответствии со ст. 327.2 УК.

Под продовольственными товарами без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, в случае, если такая маркировка и (или) нанесение такой информации обязательны, понимаются продукты в натуральном или переработанном виде, находящиеся в обороте и употребляемые человеком в пищу (в том числе продукты детского и диетического питания), бутилированная питьевая вода, алкогольная продукция, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, безалкогольные напитки, жевательная резинка, пищевые добавки и биологически активные добавки****.

Перечни информации, которой должны маркироваться продовольственные товары, установлены несколькими нормативными актами***** и включают данные о пищевой ценности (калорийности, содержании белков, жиров, углеводов, витаминов, макро- и микроэлементов);

**** Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2009 г. N 381-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 1. Ст. 2 (п. 9 ст. 2); О качестве и безопасности пищевых продуктов: федер. закон от 2 янв. 2000 г. N 29-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. N 2. Ст. 150; ГОСТ Р 51074-2003. Национальный стандарт Российской Федерации. Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования // Постановление Госстандарта России от 29.12.2003 N 401-ст. М.: Изд-во стандартов, 2004.

***** О качестве и безопасности пищевых продуктов: федер. закон от 2 янв. 2000 г. N 29-ФЗ; О защите прав потребителей: закон РФ от 0 февр. 1992 г. N 2300-1; Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации: постановление Правительства РФ от 19 янв. 1998 г. N 55 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 4. Ст. 482.

о назначении и об условиях применения (в отношении продуктов детского питания, продуктов диетического питания и биологически активных добавок); о способах и об условиях изготовления готовых блюд (в отношении концентратов и полуфабрикатов пищевых продуктов); об условиях хранения; о дате изготовления и дате упаковки пищевых продуктов и многое другое.

В связи со вступлением России в Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС на территории Российской Федерации действуют нормативные акты (технические регламенты) Таможенного союза, в том числе связанные с производством и оборотом товаров и продукции. В соответствии с чч. 1 и 3 ст. 171.1 УК обязанность маркировки товаров и (или) нанесения информации должна быть предусмотрена исключительно законодательством Российской Федерации. Поэтому к предметам анализируемого преступления не применяются правила маркировки, предусмотренные международными правовыми актами.

К предметам преступлений, предусмотренных чч. 1 и 3 ст. 171.1 УК, не относятся алкогольная продукция и табачные изделия, указанные в ч. 5 ст. 171.1 УК. В отношении алкогольной продукции и табачных изделий также предусмотрены достаточно обширные перечни информации, которая должна быть нанесена изготовителями на потребительскую упаковку*. Вместе с тем отсутствие данной информации на указанных видах товаров ответственности не влечет, так как уголовно-правовой запрет установлен лишь за оборот алкогольной продукции и табачных изделий, немар-

кированных акцизными и специальными (в том числе федеральными) марками.

Количество продукции и товаров как непродовольственного, так и продовольственного назначения велико. Для каждого из них установлены общие и специальные требования к маркировке и нанесению информации. Данные требования распространяются не только на изготовителей, но и на продавцов и хозяйствующих субъектов, производящих упаковку товаров. Число законодательных актов и объем нормативного материала, регламентирующего перечни информации и весь процесс маркировки товарной продукции, требует высокой юридической квалификации и относительно узкой технической специализации для установления нарушений нормативных предписаний, а также создает предпосылки для существенных сложностей при становлении субъективных признаков состава преступления. Кроме того, сама степень общественной опасности деяний в сфере потребительского рынка, закрепленных в чч. 1-4 ст. 171.1 УК, особенно в сравнении со ст. 238 УК, представляется недостаточной для установления уголовно-правового запрета. В силу указанных причин вызывает сомнение обоснованность криминализации оборота всего спектра товаров и продукции без маркировки или нанесения соответствующей информации [2, с. 78].

Чрезмерную криминализацию потребительского рынка подтверждает и правоприменительная практика. Основной причиной роста статистических показателей правоохранительной деятельности в данной сфере является отнюдь не расширение перечня предметов преступления, а изменение пределов крупного и особо крупного размеров в отношении алкогольной продукции и табачных изделий. Так, например, все 22 зарегистрированных в Челябинской области в 2015 г. и 1 квартале 2016 г. преступления в сфере оборота немаркированных товаров и продукции квалифицированы по чч. 5-6 ст. 171.1 УК. Примеры возбуждения уголовных дел и осуждения лиц по чч. 1-4 ст. 171.1 УК (в редакции Федерального закона N 530-ФЗ) в России на текущий момент отсутствуют.

Установление уголовного запрета на совершение определенного рода действия должно являться крайней мерой государственного реагирования на факты

* О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федер. закон от 22 нояб. 1995 г. N 171-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 48. Ст. 4553 (ст.ст. 10.1 и 11); Технический регламент на табачную продукцию: федер. закон от 22 дек. 2008 г. N 268-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 52 (ч. I). Ст. 6223 (ст.ст. 8-10); О техническом регламенте Таможенного союза «Технический регламент на табачную продукцию»: решение Совета Евразийской экономической комиссии от 12 нояб. 2014 г. N 107 // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/>

противоправного поведения, когда охрана общественных отношений не может быть эффективно обеспечена с помощью норм иных отраслей законодательства*. В современных условиях явная потребность уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с производством и оборотом всего спектра товаров и продукции, подлежащих обязательной маркировке и (или) нанесению информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, отсутствует.

Довод о том, что контрафактная продукция не только наносит ущерб экономическим интересам, но и связана с реальной угрозой безопасности жизни и здоровья граждан [3], не может быть принят во внимание в связи с имеющейся ст. 238 УК, предусматривающей уголовную ответственность за деяния, содержащие данную угрозу. Мотив установления адекватной ответственности за введение потребителя в заблуждение относительно свойств и качества товара [3] не соответствует признакам и конструкции составов преступлений, предусмотренных чч. 1 и 3 ст. 171.1 УК, которые распространяют свое действие на более широкую сферу отношений.

Решение первой проблемы видится в сужении видов товаров и продукции, подлежащих маркировке и (или) нанесению иной обязательной информации (например, древесины), либо конкретизации маркировки и (или) информации, которая должна быть нанесена на продукт. При этом установление уголовной ответственности должно сопровождаться серьезными криминологическими исследованиями, подтверждающими достаточную степень и характер общественной опасности подобного деяния. Пока же за подобного рода деяния представляется достаточным наличие административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст.ст. 8.28, 9.16, 14.46, 14.46.1, 15.12 КоАП РФ, привлечением к которой занимаются компетентные органы контроля потребительского рынка.

2. Снижение суммы крупного размера для алкогольной продукции и табачных

изделий как обязательного признака состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 171.1 УК.

Как уже было отмечено, такой признак предмета преступления, как стоимостный размер товаров и продукции, напрямую влияет на результативность применения рассматриваемой нормы. Чем он ниже, тем шире сфера уголовно-правового запрета. Размер предмета преступления, предусмотренного ст. 171.1 УК, с 1999 г. неоднократно менялся в сторону увеличения и составлял от 200 МРОТ до 1,5 млн руб. Федеральным законом N 530-ФЗ вопреки тенденции либерализации уголовной ответственности в экономической сфере [4, с. 95-98] размер предмета преступления был снижен в 15 раз, с 1,5 млн руб. до 100 тыс. руб.

Анализируя законопроект на стадии согласительных процедур, Верховный Суд РФ отметил нецелесообразность такого решения в силу противоречия единой уголовно-правовой концепции относительно определения общественной опасности деяний в сфере экономической деятельности, а также отсутствия криминологических и экономических исследований в обоснование предложения о снижении до 100 тыс. руб. суммы крупного размера [5]. Практически аналогичное замечание сохранилось и в официальном отзыве Правительства Российской Федерации [6].

Несмотря на критические оценки Верховного Суда РФ и Правительства РФ, данное предложение в Государственной Думе Федерального Собрания РФ устояло и положительным образом отразилось на официальной статистике.

Так, в 2015 г. в России зарегистрировано 399 преступлений по ст. 171.1 УК, что превышает результат 2014 г. практически в три раза (136). Количество предварительно расследованных преступлений увеличено более чем в два раза, с 73 в 2014 г. до 154 в 2015 г. Аналогичны результаты по направлению уголовных дел с обвинительным заключением в суд (63 и 138 соответственно). Число выявленных лиц, совершивших указанные преступления, возросло на 90 %, с 88 в 2014 г. до 168 в 2015 г.

Не соглашаясь с мнением Верховного Суда РФ и поддерживая рассматриваемое законодательное решение, приведем данные, свидетельствующие о распростра-

* Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 г. N 270-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. N 5; Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. N 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. N 4.

ненности подобного рода деяний и количестве фальсифицированной алкогольной и табачной продукции на потребительском рынке. Так, в 2013 г. в России было зарегистрировано 1 777 преступлений, предусмотренных ст. 327.1 УК. В 2014 г. этот показатель увеличился более чем на 25 % и составил 2 235 преступлений, а в 2015 г. число выявленных преступлений по данной статье УК превысило результат 2014 г. на 80,3 % (4 029). Разница между количеством выявленных преступлений по статьям 171.1 и 327.1 УК определяется отсутствием в последней в качестве обязательного признака состава преступления крупного размера предмета.

Несоответствие возможностей применения ст. 171.1 УК в прежней редакции, определяемых установленным размером предмета преступления и фактического состояния криминализации рынка алкогольной продукции и табачных изделий указывает на обоснованность снижения данного размера.

3. Установление уголовной ответственности за продажу немаркированных алкогольной продукции и табачных изделий.

Формы общественно опасного деяния как признака объективной стороны преступлений, предусмотренных чч. 1, 3 и 5 ст. 171.1 УК, схожи за некоторым исключением. Во всех частях указанной статьи уголовной ответственности подлежат производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения иной обязательной информации. Но в отношении товаров и продукции, указанных в чч. 1 и 3, уголовно наказуемым является сбыт таковых, а в отношении алкогольной продукции и табачных изделий — продажа.

Введение Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. N 365-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с усилением уголовной и административной ответственности за нарушения в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»* в ст. 171.1 УК термина «продажа» взамен устоявшегося во многих нормах Особенной части УК признака «сбыт» было вызвано унификацией норм

уголовного права и Федерального закона от 22 ноября 1995 г. N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Вместе с тем данный закон регламентирует прежде всего законную предпринимательскую деятельность хозяйствующих субъектов, зарегистрированных в установленном порядке, связанную с производством и оборотом алкоголя, направленную на извлечение прибыли путем продажи указанного товара, и не может отражать специфику нелегального оборота данного товара. Кроме того, в нормах последнего закона используется и термин «сбыт» (ч. 3 ст. 1).

Выделение в качестве признака состава преступления такой формы сбыта, как продажа, во-первых, исключает уголовную ответственность за иные формы сбыта (обмен, дарение, уплата долга, передача на реализацию), во-вторых, не согласуется с одновременным указанием на цель сбыта для других способов незаконного оборота. Следовательно, перевозка немаркированной алкогольной продукции или табачных изделий в крупном размере в целях обмена подлежит уголовной ответственности, а сам обмен — нет. Можно возразить, что для уголовной ответственности достаточно и перевозки. Однако в большинстве случаев подобные преступления имеют групповой характер, где роли участников группы распределены. Одни могут заниматься исключительно изготовлением, другие — перевозкой, третьи — обменом продукции. Если правоохранительным органам не удастся доказать признаки организованной группы, то лиц, осуществляющих обмен фальсификата, уголовная ответственность минует.

Решение проблемы видится в замене термина «продажа» в ч. 5 ст. 171.1 УК признаком «сбыт».

Проблемы дифференциации уголовной ответственности

1. Система квалифицирующих признаков.

Названным выше Федеральным законом N 325-ФЗ во многих статьях главы 22 УК осуществлена градация уголовной ответственности в зависимости от формы соучастия в преступлении — группа лиц

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 51. Ст. 6685.

по предварительному сговору и организованная группа «разведены» по разным уровням квалифицированных составов. Указанное нововведение не обошло и ст. 171.1 УК, но реализовано неоднозначно.

В пунктах «а» чч. 2, 4 и 6 ст. 171.1 УК в редакции Федерального закона N 530-ФЗ была закреплена более строгая ответственность за незаконный оборот немаркированных товаров и продукции, совершенный группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Действующая редакция ст. 171.1 УК предусматривает выделение из п. «а» ч. 2 и самостоятельное закрепление в ч. 1.1 квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору» и соответствующее снижение объема уголовной ответственности по сравнению с организованной формой соучастия. Такое решение может быть оправдано меньшей степенью общественной опасности деяния.

Вместе с тем ч. 1.1 распространяет свое действие только на деяния, перечисленные в ч. 1 ст. 171.1 УК. Подобная дифференциация ответственности в отношении незаконного оборота немаркированных продовольственных товаров (ч. 3), алкогольной продукции и табачных изделий (ч. 5) не предусмотрена. В частях 4 и 6 ст. 171.1 УК ответственность за совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору и организованной группы по-прежнему унифицирована.

Вопрос о целесообразности такого решения ставился Верховным Судом РФ при рассмотрении законопроекта, но ответа на последующих этапах законотворчества не нашел [7].

Логическое объяснение различных подходов к дифференциации уголовной ответственности за однородные деяния в рамках одной статьи найти не просто. Скорее всего, законодатель допустил техническую ошибку, не разделив ответственность по формам соучастия за совершение деяний, предусмотренных чч. 3 и 5 ст. 171.1 УК. В противном случае, если данное решение принималось осознанно, налицо нарушение принципов справедливости и равенства перед законом.

Для решения данной проблемы необходимо либо аналогичное выделение признака «группа лиц по предварительному сговору» из чч. 4 и 6 ст. 171.1 УК в

самостоятельные части 3.1 и 5.1, либо исключение такого обстоятельства из системы квалифицирующих признаков рассматриваемой нормы. Последний вариант представляется более логичным с позиции законодательной техники, правовой целесообразности, политики либерализации уголовной ответственности за экономические преступления.

2. Установление пределов наказуемости преступления.

Одной из целей разработчиков Федерального закона N 530-ФЗ являлось установление сбалансированности санкций в ст. 171.1 УК и устранение несоответствия между характером и объемом мер государственного принуждения и общественной опасностью деяния [3]. Вместе с тем на стадии согласительных мероприятий законопроект получил отрицательный отзыв Верховного Суда РФ в части нарушения правил сопоставления размера штрафа в денежном выражении с заработной платой или иным доходом осужденного за определенный период времени. Окончательный вариант нормы, кроме указанного недостатка, содержит и иные спорные моменты.

При конструировании санкций чч. 1-6 ст. 171.1 УК законодатель использовал одинаковые виды наказаний и равные пределы срочных видов (способов определения размера) наказаний (как для основных, так и для квалифицированных составов). Отличия состоят лишь в незначительной бессистемной градации абсолютного размера штрафа.

Так, размер штрафа в качестве дополнительного наказания в санкциях чч. 1 и 3 не имеет различий. Аналогичное решение применено в санкциях к квалифицированным составам (чч. 2, 4 и 6), за исключением ч. 1.1 ст. 171.1 УК. Вместе с тем как основное наказание штраф в чч. 3 и 5 увеличивается с шагом в 100 тыс. рублей по сравнению с ч. 1 и ч. 3 соответственно, а в чч. 4 и 6 интервал увеличения штрафа в 100 тыс. рублей по сравнению с ч. 2 и ч. 4 соответственно характерен только для его минимального предела, тогда как максимальный его размер увеличивается неравномерно – разница составляет 200 тыс. рублей между чч. 2 и 4 и 100 тыс. рублей между чч. 4 и 6. Кроме того, при изменении величины штрафа в рублях период

времени, за который может быть взыскана заработная плата или иной доход осужденного, о чем говорилось ранее, остается одинаковым (таблица 1).

Таблица 1

Анализ санкций ст. 171.1 УК

Преступления / виды наказаний	Штраф, руб. / заработная плата или иной доход за период	Принудительные работы	Лишение свободы	Штраф как доп. наказание, руб. / заработная плата или иной доход за период
часть 1	до 300 тыс. / до 2 лет	до 3 лет	до 3 лет	до 80 тыс. / до 6 месяцев
часть 1.1	от 100 до 300 тыс. / от 1 года до 3 лет	до 4 лет	до 4 лет	до 100 тыс. / до 1 года либо без такового
часть 2	от 200 до 500 тыс. / от 1 года до 3 лет	до 5 лет	до 6 лет	до 1 млн / до 5 лет либо без такового
часть 3	до 400 тыс. / до 2 лет	до 3 лет	до 3 лет	до 80 тыс. / до 6 месяцев
часть 4	от 300 до 700 тыс. / от 1 года до 3 лет	до 5 лет	до 6 лет	до 1 млн / до 5 лет либо без такового
часть 5	до 500 тыс. / до 2 лет	до 3 лет	до 3 лет	до 120 тыс. / до 6 месяцев
часть 6	от 400 до 800 тыс. / от 1 года до 3 лет	до 5 лет	до 6 лет	до 1 млн / до 5 лет либо без такового

Логичное объяснение неравномерности увеличения размера штрафа в качестве основного наказания и одновременно его постоянства в качестве дополнительного, а также соразмерности срочных видов наказаний для различных видов деяний вряд ли можно найти. Скорее всего, налицо присущая российскому законодателю на протяжении уже нескольких лет стратегия компромисса между политической конъюнктурой и законами нормотворчества, когда уголовно-правовой запрет того или иного деяния происходит без достаточной научной разработки проблемы и технико-юридической проработки нормы.

С целью совершенствования дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемый вид преступления следует градировать срочные виды наказаний и размер штрафа в качестве дополнительного вида наказания в зависимости от предмета преступления и квалифици-

рующих признаков. Наиболее актуальным такое изменение выглядит в отношении оборота немаркированных алкогольной продукции и табачных изделий в сравнении с иными предметами преступления, особенно в квалифицированной форме. В связи с этим в санкции ч. 5 ст. 171.1 УК следует увеличить срок лишения свободы до 4 лет, в санкции ч. 6 – увеличить срок принудительных работ до 6 лет, срок лишения свободы – до 8 лет. Размер штрафа в качестве дополнительного вида наказания в чч. 2 и 4 ст. 171.1 УК снизить до 300 тыс. рублей и 500 тыс. рублей соответственно.

Справедливости ради следует отметить, что дифференциация ответственности в рассматриваемой статье все же осуществлена посредством градации размера предмета преступления – чем он больше, тем степень общественной опасности деяния, по мнению законодателя, ниже (таблица 2).

Таблица 2

Криминообразующий размер предметов преступления, предусмотренного ст. 171.1 УК

Размер / преступление	товары и продукция без маркировки и (или) нанесения информации (чч. 1 и 2)	продовольственные товары без маркировки и (или) нанесения информации (чч. 3 и 4)	немаркированная алкогольная продукция и табачные изделия (чч. 5 и 6)
	стоимость, превышающая (в руб.)		
Крупный	2,5 млн	400 тыс.	100 тыс.
Особо крупный	9 млн	1,5 млн	1 млн

Федеральным законом N 325-ФЗ был устранен недостаток дифференциации уголовной ответственности, допущенный законодателем при конструировании предыдущей редакции нормы, заключающийся в отсутствии различий между определением особо крупного размера для преступлений, предусмотренных чч. 3 и 5 (1 млн рублей), что не соответствовало концепции уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 171.1 УК.

3. Основание освобождения от уголовной ответственности.

Дополнив в 2011 году уголовный закон общим основанием освобождения от ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК), законодатель включил в перечень преступлений, на которые распространяется данная норма, и ч. 1 ст. 171.1 УК*, которая в тот период предусматривала уголовную ответственность за незаконный оборот любых немаркированных марками акцизного сбора, специальными марками или знаками соответствия, защищенными от подделок, товаров в крупном размере. При этом крупный размер согласно примечанию к ст. 169 УК составлял сумму, превышающую 1,5 млн руб.

Неоднократно, в 2013 и 2014 гг., трансформировав структуру ст. 171.1 УК, законодатель не учел изменения действия в отношении деяний, запрещенных данной нормой, основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 76.1 УК, и не внес в указанную норму соответствующие дополнения. В настоящее время освобождению от уголовной ответственности подлежит лицо, совершившее впервые совсем иное преступление, чем было предусмотрено ранее. Лишь Федеральным законом N 325-ФЗ в 2016 г. перечень преступлений по ч. 2 ст. 76.1 УК был расширен ч. 1.1 ст. 171.1 УК. Вместе с тем данное дополнение не устраняет проблему, а, скорее, усугубляет ее.

С учетом одинаковой категории тяжести преступлений, перечисленных в чч. 1, 3 и 5 ст. 171.1 УК, сопоставимых

пределов наказуемости деяний, дифференциации уголовной ответственности посредством градации криминообразующего размера предмета преступления, нет причин для привилегированного положения лиц, совершивших преступление по ч. 1 ст. 171.1 УК, в отличие от тех, кто совершил деяния, описанные в чч. 3 и 5 данной статьи. Более того, установление Федеральным законом N 325-ФЗ возможности освобождения от уголовной ответственности по ст. 76.1 УК за совершение преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 171.1 УК, которое по сроку лишения свободы является более тяжким по отношению к деяниям, предусмотренным чч. 3 и 5 анализируемой статьи (см. таблицу 1), только подчеркивает несправедливость действующего законодательства.

По сути, если соглашаться с самим фактом закрепления в перечне ч. 2 ст. 76.1 УК преступления, предусмотренного ст. 171.1 УК, выглядит вполне обоснованным и целесообразным дополнение данного перечня чч. 3 и 5 ст. 171.1 УК.

Вместе с тем правоприменительная практика освобождения от уголовной ответственности по рассматриваемому основанию лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 171.1 УК, ничтожна. Причина этого видится в несоответствии признаков состава преступления и пределов наказуемости с условиями освобождения от ответственности, перечисленными в прежней редакции ч. 2 ст. 76.1 УК.

В настоящее время с учетом изменений, внесенных Федеральным законом N 325-ФЗ, связанных с уменьшением в 2,5 раза суммы возмещения за совершенное деяние, а также введения нового термина «денежная сумма, эквивалентная размеру совершенного деяния» в дополнение к «доходу» и «ущербу», возможность применения рассматриваемого основания освобождения от уголовной ответственности возрастет.

В заключение следует отметить, что предложенные способы модернизации правовой нормы, закрепленной в ст. 171.1 УК, сами во многом являющиеся дискуссионными, не будут панацеей в деле противодействия незаконному обороту фальсифицированной продукции, в том числе алкогольной и табачной. Проблема борьбы с этим негативным явлением

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. N 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 50. Ст. 7362.

лежит не столько в уголовно-правовой, сколько в уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной, криминалистической и организационной плоскостях. В то же время решение обозначенных проблем на

основе подробного научного обсуждения приблизит к созданию оптимального варианта правового механизма охраны потребительского рынка в России, который все же требует совершенствования.

Список литературы

1. Уголовное право России: Особенная часть: учебник / П.В. Агапов [и др.]; отв. ред. Р.А. Сабитов. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013.
2. Тюнин В.И. Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171.1 УК РФ) // Уголовное право. 2015. N 3. С. 74-79.
3. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Хорошилов С.А. О влиянии изменений вектора уголовно-правовой политики на эффективность противодействия преступности в сфере экономической деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. N 4. С. 93-98.
5. Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2014 г. N 2-ВС-1203/14 на проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. N 3-ВС-3461/16 на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: http://www.mfs-center.ru/?act=zp_info&n=1083199-6 (дата обращения: 25 мая 2016 г.).

Раздел 5. Криминологическая наука

- БРАЖНИКОВ Д.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
dbrazh@mail.ru
Всероссийский научно-
исследовательский институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
123995, г. Москва, ул. Поварская, 25
- BRAZHNIKOV D.A.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
dbrazh@mail.ru
All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Povarskaya St. 25, Moscow, 123995,
Russian Federation
- ШИЯН В.И.,
кандидат юридических наук, доцент,
valentina-shiyan@yandex.ru
Научно-исследовательский центр N 1;
Всероссийский научно-
исследовательский институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
123995, г. Москва, ул. Поварская, 25
- SHIYAN V.I.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
valentina-shiyan@yandex.ru
Scientific research center number 1;
All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Povarskaya St. 25, Moscow, 123995,
Russian Federation

ВЫЯВЛЕНИЕ МОТИВОВ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Значение выявления подлинных мотивов преступного поведения трудно переоценить. Оно способствует установлению характера и степени общественной опасности личности виновного и совершенного им деяния, правильной квалификации и эффективному расследованию преступления, выявлению причин и условий совершения преступного деяния, организации эффективной индивидуальной профилактики. В статье рассмотрены мотивы преступного поведения, содержатся правила их выявления, которые необходимо соблюдать правоприменителю. Акцентируется внимание на том, что мотивы могут носить бессознательный характер; мотив и цель являются самостоятельными признаками преступления и не могут совпадать. Обосновывается необходимость разграничения мотива и мотивации поведения, мотива и мотивировки. По мнению авторов, отождествление этих понятий усложняет процесс выявления истинных мотивов преступного поведения.

Ключевые слова: мотивы преступного поведения; мотивация; мотивировка; эмоциональный фон; предупреждение преступности; криминологическая характеристика.

IDENTIFICATION OF THE MOTIVES OF CRIMINAL BEHAVIOR

Annotation. The importance of identifying the real motives of the criminal behavior can hardly be overestimated. It contributes to establishing the nature and degree of social danger of the guilty person and the act committed by him (her), the correct classification and effective investigation of the crime, identifying the causes and conditions of committing the criminal act, the organization of effective individual prevention. The article examines the motives of criminal behavior and contains the rules for their identification that must be observed by law enforcer. The attention is focused on the fact that the motives can be of unconscious nature; the motive and purpose are independent elements of the crime and can not be the same. The necessity of differentiation of the motive and motivation of behavior is substantiated. According to the authors' opinion, the identification of these concepts complicates the process of identifying the true motives of criminal behavior.

Keywords: motives of criminal behavior; motivation; inducement; emotional background; crime prevention; criminological characteristics.

Наиболее подробной и точной характеристикой личности преступника являются мотивы его противоправного поведения. Это обусловлено тем, что мотивы — важнейший структурный элемент

личности, который отражает специфику ее свойств, интересов и намерений. Кроме того, мотив выступает в роли механизма, направляющего волевой процесс и придающего ему конкретное содержание.

Изучение мотивов преступного поведения позволяет ответить прежде всего на следующие вопросы: «Почему человек совершает преступление?»; «В чем смысл определенного преступного деяния для данного субъекта?»; «Какие потребности удовлетворяются при совершении правонарушения?».

Заметим, что не всегда в процессе приготовления к преступлению и покушения на преступление или совершения преступного деяния, а также после того, как соответствующие действия (бездействие) уже совершены, истинные мотивы осознаются субъектом. Например, результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что в большинстве случаев (75 %) женщины, совершившие детоубийство, не могут определенно назвать мотивы своего преступления*.

Таким образом, мотивы преступлений могут функционировать и на бессознательном уровне, что не является основанием для освобождения от уголовной ответственности.

Выявление действительных мотивов преступного поведения представляет собой достаточно сложный и трудоемкий процесс, особенно если им свойственен бессознательный характер.

Правоприменители неоднократно сталкивались с тем, что выявленный на первых этапах предварительного расследования ведущий мотив по окончании всех следственных действий мог оказаться лишь одним из незначительных стимулов или не имел никакого значения [1, с. 29-40].

* Изучено 300 уголовных дел в отношении лиц, совершивших убийство детей (деяния квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ); материалы о 22 лицах, обвиняемых органами предварительного расследования в совершении убийства ребенка; 112 уголовных дел в отношении женщин, осужденных по ст. 106 УК РФ, а также данные о 27 лицах, обвиняемых органами предварительного расследования в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ и прошедших судебно-психиатрическую экспертизу в Московском областном Центре социальной и судебной психиатрии при ГБУЗ «Центральная Московская областная клиническая психиатрическая больница» (ГБУЗ МО «ЦКПБ») и в ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

В целях недопущения подобного прецедента надлежит соблюдать ряд правил.

Главным образом, недопустимо отождествлять мотив и цель преступного поведения или заменять одно понятие другим. В науке уголовного права общепризнано, что мотив и цель – самостоятельные признаки субъективной стороны состава преступления, которые не могут совпадать. В научных трудах, посвященных обозначенной проблематике, под целью, как правило, понимают представленный в сознании человека результат его деяния, а под мотивом – побуждения, ставшие причиной его совершения. Вместе с тем результаты анализа материалов следственно-судебной практики свидетельствуют, что в обвинительных заключениях и приговорах судов по делам о хищениях встречается формулировка «преступление совершено из корыстных побуждений с корыстной целью».

Бесспорно, мотив и цель – взаимобусловленные понятия, позволяющие представить характеристику многообразных сторон волевого процесса. Однако неверное представление о цели, которую преследовал виновный, способствует ошибочному определению мотивов его преступного поведения.

Заметим, что не может быть мотивом преступления желание помочь своему близкому человеку или, наоборот, отомстить кому-либо, а также стремление улучшить материальное обеспечение своей семьи.

Несмотря на то, что эмоции, интересы, убеждения, идеалы и привычки личности проявляются в отдельных мотивах, они не могут являться мотивами. Эмоции лишь отражают противоречия между личностью и социальной средой, однако не дают ответа на вопрос о субъективном смысле совершенного противоправного деяния.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что, пытаясь понять мотив преступления, нельзя ограничиваться лишь указанием на то, что в момент совершения насильственного преступления виновный испытывал сильнейший приступ ярости. Безусловно, эта эмоция оказывает существенное воздействие на принятие решения и общественно опасные последствия, однако она не подменяет мотивы преступного поведения [1, с. 35; 2, с. 50-54].

Несмотря на то, что мотивы относятся к числу психологических явлений, их формирование может осуществляться только при условии вступления человека в многообразные общественные отношения. В связи с этим мотив — одна из психологических форм, отражающая действительность; передатчик внешних условий, которые существовали в разнообразные периоды жизни человека. Более того, мотив — это симбиоз объективного (социальной среды) и субъективного (личностных особенностей, обусловленных социальной средой). В итоге мотив выступает в качестве внутренней непосредственной причины преступления, выражает личностное отношение к тому, на что направлены преступные действия; является и зависимым, и автономным.

Субъектам правоохранительной деятельности при выявлении истинных мотивов преступного поведения следует отграничивать мотив от мотивировки, то есть сознательного приписывания своим действиям (бездействию) тех или иных не соответствующих действительности мотивов. Особенно это свойственно утверждающемуся, семейному, демонстративному, мстительному и игровому типам личности, которые ввиду своих нравственно-психологических свойств пытаются скрыть или облагородить подлинные побуждения. Приведенное обстоятельство негативно отражается на квалификации преступления и выборе мер предупреждения индивидуального преступного поведения.

Недостаточная разработанность понятия «мотивировка» в уголовном праве, криминологии и психологии затрудняет процесс выявления подлинных мотивов преступного поведения.

Недопустимо смешивать понятия «мотив преступления» и «эмоциональный фон». Последнее, по нашему мнению, выступает в качестве обстоятельства, способствующего совершению преступления. Следовательно, «драка», «ссора», «опьянение», «стечение тяжелых личных или семейных обстоятельств», «угроза или принуждение», «материальная, служебная или иная зависимость», «сильное душевное волнение» не могут являться мотивами преступления.

Определенную сложность представляет отождествление мотива и мотивации преступного поведения. Думается, что разница между мотивацией и мотивом

не в том, что первая не ограничивается рамками собственно психологического анализа, а включает в себя социально-психологический, нравственно-этический, социально-экономический и другие аспекты поведения, в то время как мотив имеет чисто психологическое содержание. Мотив также включает в себя социальное и нравственное содержание. Различие между указанными категориями заключается главным образом в том, что мотивация — это процесс определения личностью характера и направленности поведения, процесс формирования его мотива. Мотив же является результатом этого процесса.

Мотивация является сложным и зачастую длительным процессом психической деятельности, в котором участвуют ранее сформировавшиеся мотивы. Они отличаются по своему содержанию, устойчивости в системе личностных свойств, энергетической силе и способности к быстрой актуализации.

Еще в 80-х годах XX столетия В.Д. Филимонов весьма верно заметил, что в процессе мотивации формируется не один мотив общественно опасного поведения, а несколько. В их числе доминирующий мотив (определяет основной смысл деятельности виновного); дополнительный мотив (подкрепляет смысл деятельности правонарушителя), защитный мотив (оправдывает действия виновного в собственных глазах), а также мотив, нейтрализующий влияние противостоящих мотивов [3, с. 115-116]. Таким образом, мотивация — более широкое понятие, чем мотив.

Учитывая, что Россия — полиэтничное государство, на территории которого, по результатам Всероссийской переписи населения, проведенной в 2010 году, проживает 195 народностей, существенное значение на преступное поведение оказывают такие динамические компоненты психического склада этноса, как этнические чувства — «эмоционально окрашенное отношение к своей этнической общности, другим народам и ценностям». Они могут иметь как позитивный характер (национальная гордость, патриотизм и т.д.), так и негативный (шовинизм, национальные предрассудки, нетерпимость к другим народам, стремление добиться превосходства любыми путями, в том числе противоправными действиями). Эт-

нические чувства более динамичны, чем психический склад этноса или этническое сознание, и передаются от поколения к поколению, то есть имеют наследственный характер, глубоко устоявшуюся мотивацию.

В структуре психологии этноса существенную роль играет стереотип поведения, который оказывает влияние как на правомерное, так и на противоправное поведение индивидов. Последнее возникает лишь в случаях появления обстоятельств, затрагивающих этническое самосознание личности, этническое чувство, традиции, обычаи, привычки, то есть то, что относится к этнопсихологическим особенностям, определяющим межэтнические отношения. Дисбаланс этих отношений приводит к межнациональным и межрелигиозным конфликтам.

Этнический характер мотивации преступных деяний в чистом виде встречается достаточно редко. К этническому мотиву преступлений, как правило, примешивается мотив корыстной или иной личностной заинтересованности. В отдельных случаях этническая мотивация объединяет и этноидеологические, и религиозные, и корыстные установки. Это единство бывает органичным — в каждом деле и во всяком побуждении человека присутствует личный интерес. Нередко этнические и религиозные мотивы оказываются лишь прикрытием корысти или иной личной заинтересованности (карьеризма, мести и т.п.).

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что в практической деятельности при полимотивации достаточно сложно выделить доминирующий (ведущий) мотив, определивший принятие решения о совершении преступления, что оказывает негативное влияние не только на квалификацию, эффективность расследования, но и на выбор мер индивидуальной профилактики.

В целях выявления доминирующего мотива необходимо собрать и проанализировать следующую информацию:

— о личности виновного (особое внимание обратить на семейное положение, образ жизни, интересы, состояние здоровья, профессиональный статус, род деятельности, сексуальную ориентацию, принадлежность к этнической группе и др.);

— поведении виновного до, во время и после совершения преступления;

— взаимоотношениях между виновным и потерпевшим;

— причинах и условиях преступного поведения;

— наличию или отсутствию обстоятельств, исключающих преступность деяния;

— наличию или отсутствию обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание.

Особое значение имеют сведения о наличии конфликтной ситуации, когда возникают серьезные разногласия, происходит столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений. Субъекты профилактики должны установить характер конфликта (разовый или длящийся, многократный, устойчивый, неустойчивый, примиримый и непримиримый, открытый или скрытый), состояние взаимных претензий.

Кроме того, целесообразно проведение судебно-психологической экспертизы, поскольку психолог владеет необходимыми специальными познаниями и научными методами исследования. Это позволит выявить специфику мотивации виновного, дать оценку роли каждого из мотивов в формировании преступного поведения, а также степени группового воздействия на личность при принятии решения о совершении преступления и его реализации. Заключение эксперта будет особенно действенным по тем категориям уголовных дел, по которым мотив преступления является квалифицирующим признаком.

В то же время отметим, что мотив как признак субъективной стороны преступления не входит в предмет судебно-психологической экспертизы. При назначении судебно-психологической экспертизы не следует ограничиваться только получением сведений о личностных свойствах подозреваемого (обвиняемого), необходимо ставить вопросы о мотивационно-смысловых особенностях, круге его ближних и дальних целей. Только в подобных случаях заключение судебно-психологической экспертизы в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу будет способствовать определению подлинного мотива.

По нашему глубокому убеждению, корреспондирующему с мнением многих

авторов, выявление и исследование мотивов преступного поведения всегда должно осуществляться в тесной связи с изучением личности преступника, ее сущности [4, с. 138; 5, с. 36]. Это позволит избежать следственных и судебных ошибок.

Вместе с тем результаты исследования судебной практики, проведенного Д.В. Васяевым, свидетельствуют, что суды практически не учитывают мотив убийства при назначении наказания. В частности, при обосновании назначения наказания мотив указан только в 2,7 % изученных приговоров, а при характеристике личности виновного – в 1,8 % [6, с. 19].

Результаты анализа материалов следственно-судебной практики позволяют говорить об ошибках, связанных с неполной квалификацией преступлений, совершенных по мотивам ненависти или вражды, предусмотренных в качестве квалифицирующего признака в ряде статей Особенной части УК РФ (ст.ст. 105, 111, 112, 115, 117 и др.), которые соединены союзом «или» [7, с. 59-65].

Представляется, что правоприменительные органы в каждом конкретном случае должны устанавливать, какой именно из перечисленных в уголовном законе мотивов имеет место:

- политическая ненависть или политическая вражда;
- идеологическая ненависть или идеологическая вражда;
- национальная ненависть или национальная вражда;
- расовая ненависть или расовая вражда;
- религиозная ненависть или религиозная вражда;
- ненависть в отношении какой-либо социальной группы или вражда в отношении какой-либо социальной группы.

Вместе с тем в процессе следственно-судебной деятельности не всегда устанавливают конкретный мотив ненависти или вражды (политической, идеологической, национальной, религиозной и т.д.) и пытаются разграничить ненависть и вражду, несмотря на то, что законодатель их дифференцировал союзом «или».

Думается, что эффективность выявления истинных мотивов преступного поведения зависит и от должной законодательной регламентации мотивов, уни-

фикации терминологии, устранения разночтений.

Как мы уже отмечали, по мнению большинства исследователей, мотив преступления – это побуждение. Между тем в отдельных нормах УК РФ законодатель использует одновременно понятие «побуждение» и понятие «мотив». Кроме того, в нормах уголовного законодательства употребляется термин «заинтересованность», что в научных трудах также рассматривается как мотив преступления. В связи с этим вполне обоснованным является замена во всех нормах УК РФ терминов «побуждение» и «заинтересованность» на термин «мотив».

Наряду с мотивами преступного поведения – негативными мотивами, такими как корысть, месть, хулиганские побуждения и др., в научной литературе выделяют позитивные мотивы – бескорыстие, уважение к людям, закону, интернационализм, непримиримость к преступности и т.п., определяющие непреступное поведение [8].

Подобные выводы дают основание утверждать, что мотивы – это нейтральная категория, поскольку сами по себе мотивы не могут являться преступными. Преступным способно быть только поведение, которое зависит от выбора средств для реализации мотивов, от нравственной направленности личности, ее правовой культуры, правового воспитания, образования, психического здоровья. Изучение мотивов преступного поведения всегда должно осуществляться в тесной связи с изучением личности преступника, их понимание всегда должно вытекать из понимания самой личности, ее сущности. Только подобный подход позволит выявить мотивы, свойственные конкретной личности. Таким путем может быть осуществлен переход от констатации неспецифичности мотива только преступления к признанию его специфичности, закономерности для конкретного индивида [9, с. 102-103, 105].

Обозначенные в статье теоретические сложности определения содержания понятия «мотив преступления» сопровождаются проблематикой практического установления (доказывания) мотивов конкретных преступлений. Следует отказаться от бытующего на практике

мнения о невозможности установления подлинных мотивов преступных деяний, поскольку уголовно-процессуальный закон обладает необходимым арсеналом следственных действий, позволяющим решать эту проблему, в том числе и с привлечением специалистов в области психологии, криминологии, психиатрии, медицины, педагогики, конфликтологии, этнологии и др.

Выявление подлинных мотивов преступного поведения способствует установлению характера и степени общественной опасности личности виновного и совершенного им преступления; является залогом правильной квалификации, позволяет эффективно осуществлять расследование, выявить причины и условия совершения преступного деяния, выбрать действенные меры индивидуальной профилактики.

Список литературы

1. Шиян В.И. Криминологическая характеристика личности женщин, совершающих насильственные преступления. М.: ВНИИ МВД России, 2007.
2. Афанасьева О.Р. Механизм социальных последствий насильственных преступлений: понятие, свойства, виды // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. N 4. С. 50-54.
3. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981.
4. Гончарова М.В. Нравственно-психологические черты корыстного рецидивиста // Общество и право. 2013. N 1 (43).
5. Шумов Р.В. Обман под видом услуг на рынке жилья // Законность. 2003. N 5.
6. Васяев Д.В. Уголовная ответственность за убийство с учетом его мотива и цели: проблемы творчества и правоприменения: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Самара, 2014.
7. Афанасьев П.Б. Криминологический анализ умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Преступность, уголовная политика, закон / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016.
8. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: НОРМА, 2007.
9. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004.

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
uzikhanovaeg@yandex.ru
Кафедра информационно-аналитического
и документационного обеспечения
деятельности органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
uzikhanovaeg@yandex.ru
Chair of information, analytical
and documentation support
of the internal affairs bodies activities;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

КАМЕНСКИХ О.В.,
elgrande@mail.ru
Кафедра информационно-аналитического
и документационного обеспечения
деятельности органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

KAMENSKIKH O.V.,
elgrande@mail.ru
Chair of information, analytical
and documentation support
of the internal affairs bodies activities;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье анализируется преступность в Свердловской области за период с 2006 по 2015 год. Определены тенденции и закономерности развития преступности в целом и ее отдельных структурных составляющих. Установлена зависимость динамики преступности от конкретных социально-экономических и общественно-политических факторов. Примечательно то, что, несмотря на снижение показателей отдельных видов преступности в их абсолютном выражении, растет их удельный вес в общей совокупности зарегистрированных преступлений. Например, показатели уличной преступности в Свердловской области за период с 2006 по 2015 год снизились в 1,7 раза (с 31 703 до 17 937 соответственно), при этом удельный вес в общей совокупности зарегистрированных преступлений вырос с 19,8 % в 2006 году до 24,8 % в 2015 году.

Ключевые слова: преступность; преступление; факторы; тренд; динамика; криминогенная обстановка.

CRIME TRENDS IN THE SVERDLOVSK REGION

Annotation. Crime in the Sverdlovsk region for the period from 2006 to 2015 is analyzed in the article. The tendencies and regularities of the development of criminality in whole and its separate structural components are defined. The dependence of the dynamics of crime from specific socio-economic and socio-political factors is determined. It is noteworthy that despite the decline in certain types of crime in their absolute numbers, their proportion in the sum total of the registered crimes is increasing. For example, indicators of the street crime in the Sverdlovsk region for the period from 2006 to 2015 decreased by 1.7 times (from 31,703 to 17,937, respectively), while the proportion in the sum total of the registered crimes increased from 19.8 % in 2006 to 24.8 % in 2015.

Keywords: criminality; crime; factors; trend; dynamics; crime situation.

Преступность как негативное социально-правовое явление обусловлена влиянием различных политических и экономических факторов. Их многообразное влияние как на преступность в целом, так и на ее отдельные структурные составляющие можно изучать с помощью качественного и количественного анализа. Качественный анализ, как более простой, обычно пред-

шествует количественному, позволяет сформулировать необходимые рабочие гипотезы, очертить круг первичных задач, создать почву для последующего количественного исследования, а также ответить на некоторые наиболее простые вопросы.

Основная цель исследования преступности заключается в глубокой, своевременной, всесторонней и качественной

оценке криминогенной обстановки, изучении характера и причин ее изменения, слежении за ней, выявлении актуальных проблем, нуждающихся в первоочередном решении, краткосрочном и среднесрочном прогнозировании для использования полученных результатов в управлении процессами борьбы с преступностью.

Исследуемый период преступности в Свердловской области совпал с ре-

формированием МВД России. Несмотря на трудности, сокращение численности сотрудников органов внутренних дел (за последние 5 лет она уменьшилась с 31 тысячи человек до 22 тысяч), на протяжении ряда лет, с 2006 по 2013 г., в Свердловской области отмечалось снижение числа зарегистрированных преступлений в среднем на 10 тысяч в год (см. рис. 1).

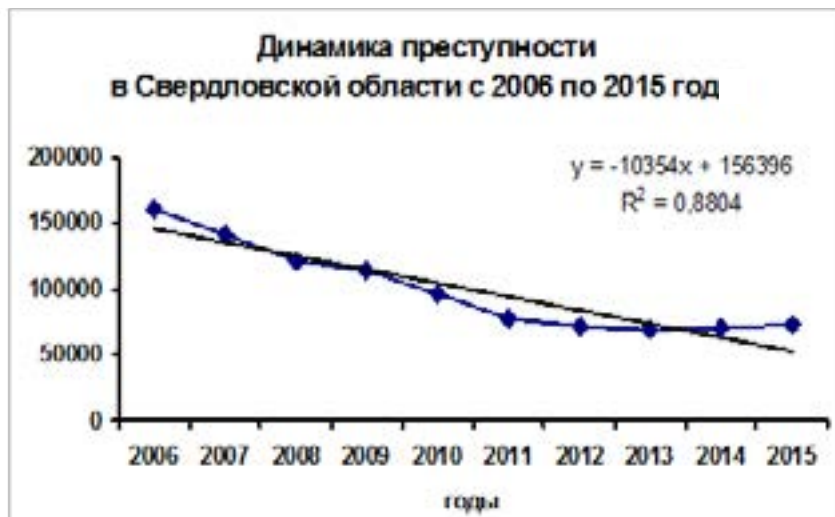

Рис. 1

В 2006 году было зарегистрировано 160 196 преступлений, в 2013 году — 69 231, снижение — в 2,3 раза. С 2014 года отмечается рост зарегистрированных преступлений (+0,6 %), по итогам 2015 года темп прироста составил 3,8 %*.

Следует отметить, что в периоде с 2000 по 2010 год показатель преступности в 2006 году был самым высоким как для России в целом, так и для отдельных регионов, в том числе Свердловской области. В данном случае, судя по графику, мы наблюдаем свойства долгопериодической циклической колеблемости [1, с. 87-89]. Характерной чертой этого типа колебаний является наличие нескольких (многих) подряд отклонений одного знака, затем сменяющихся примерно таким же количеством отклонений противоположного знака подряд. Затем весь цикл вновь повторяется, причем, как правило, длина всех циклов одинакова или примерно одинакова, в данном случае длина цикла равна 10-12 годам.

* Информация получена из статистических сборников «Состояние преступности в России» за период 2006-2009, 2015 гг., подготовленных ГИАЦ МВД России, а также статистического сборника «Преступность и правонарушения (2010-2014)». М., 2015. 180 с.».

Тенденция к снижению преступности в Свердловской области отмечена и по структурным составляющим.

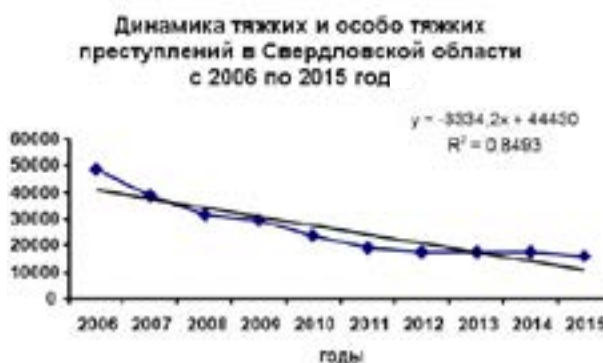

Рис. 2

За исследуемый период отмечается снижение тяжких и особо тяжких преступлений с 48 765 в 2006 году до 16 194 в 2015 году, за исключением 2014 года, когда было зарегистрировано 17 738 преступлений.

Произошло снижение и удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в общей совокупности зарегистрированных преступлений — с 30 % в 2006 году до 22,4 % в 2015 году.

Число зарегистрированных убийств и покушений на убийство сократилось

в 2,7 раза, с 1 198 в 2006 году до 434 в 2015 году, при этом сохранился примерно равный удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений: 0,7 % в 2006 году и 0,6 % в 2015 году. Судя по уравнению тренда, снижение происходило в среднем на 74 преступления в год (см. рис. 3).

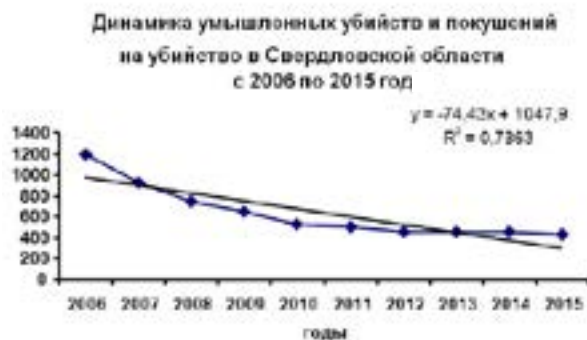

Рис. 3

Несмотря на снижение числа зарегистрированных случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в абсолютном выражении с 1 964 в 2006 году до 1 278 в 2015 году, или, в соответствии с уравнением тренда, в среднем на 66 преступлений в год (см. рис. 4), отмечается рост удельного веса в общей совокупности зарегистрированных преступлений с 1,2 % в 2006 году до 1,8 % в 2015 году.

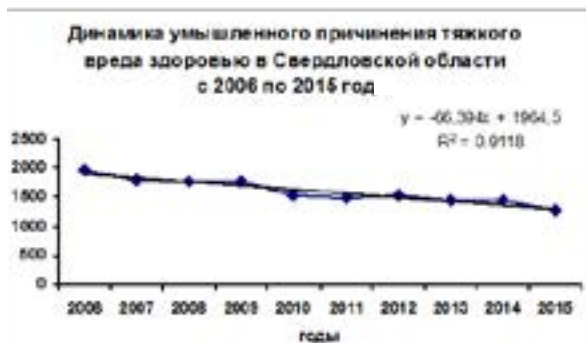

Рис. 4

Сократилось в 3,6 раза число зарегистрированных изнасилований и покушений на изнасилование, с 488 в 2006 году до 135 в 2015 году, сохраняя традиционно низкий удельный вес в структуре зарегистрированной преступности на протяжении исследуемого периода: 0,3 % в 2006 году, 0,2 % в 2015 году, при снижении в абсолютном выражении в среднем на 27 преступлений в год (см. рис. 5).

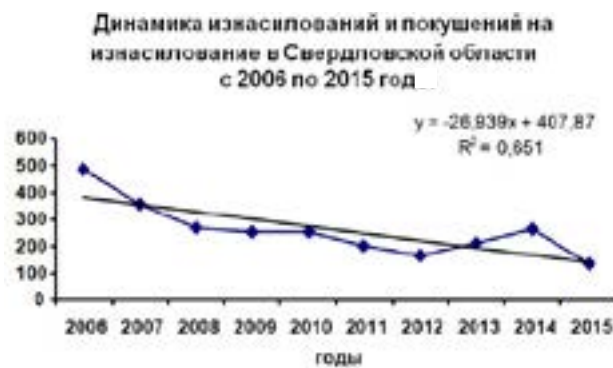

Рис. 5

В 6 раз сократилось в Свердловской области число зарегистрированных разбоев, с 2 771 в 2006 году до 459 в 2015 году. Удельный вес разбоев в структуре зарегистрированных преступлений сократился почти в 3 раза (2,8), с 1,7 % в 2006 году до 0,6 % в 2015 году. В среднем число зарегистрированных разбоев сокращалось на 209 преступлений в год (см. рис. 6). По итогам 2015 года отмечается прирост: в абсолютном выражении на 29 преступлений, в относительном выражении — на 6,7 %.

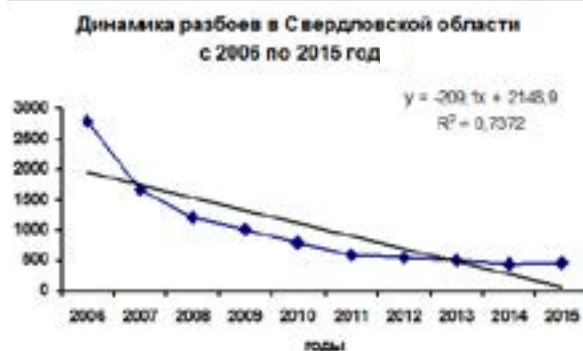

Рис. 6

Рис. 7

Количество зарегистрированных грабежей за исследуемый период снизилось в 9 раз, с 19 108 в 2006 году до 2 100 в 2015 году. В 4 раза снизился удельный вес грабежей в структуре зарегистрированных преступлений, с 11,9 % в 2006 году до

2,9 % в 2015 году. В среднем количество регистрируемых случаев грабежей снижалось на 1 841 преступление в год.

Число зарегистрированных краж сократилось почти в 2 раза, с 64 985 в 2006 году до 30 121 в 2015 году, при этом снижении отмечается рост удельного веса краж с 40,6 % в 2006 году до 41,7 % в 2015 году. Судя по уравнению тренда, количество зарегистрированных краж сокращалось в среднем на 4 296 преступлений в год (см. рис. 8). В 2015 году был отмечен рост краж, темп прироста составил 10,5 %.

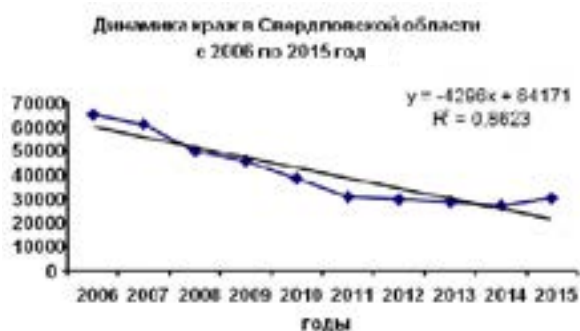

Рис. 8

Число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, снижалось в среднем на 348 преступлений в год (см. рис. 9), с 5 834 (удельный вес составил 3,6 %) в 2006 году до 2 181 (удельный вес составил 3 %) преступления в 2012 году. С 2013 года отмечается рост регистрации преступлений указанного вида до 3 053 в 2015 году (удельный вес составил 4,2 %).

Рис. 9

Более объективно состояние криминогенной обстановки в Свердловской области демонстрирует анализ рецидивной преступности. Количество зарегистрированных преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, выросло за исследуемый

период в 1,2 раза, с 18 320 (удельный вес составил 11,4 %) в 2006 году до 22 733 (удельный вес составил 31,5 %) в 2015 году.

Снижение отмечалось по 2011 год, по итогам которого было зарегистрировано 13 580 рецидивных преступлений, в последующие годы зарегистрирован поступательный рост. Уравнение, описывающее линию тренда рецидивной преступности, показывает годовой прирост на 520 преступлений в среднем (см. рис. 10).

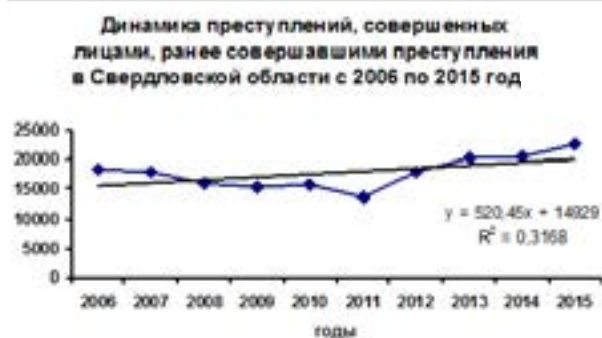

Рис. 10

Зарегистрированная групповая преступность имела тенденцию к снижению в среднем на 517 преступлений в год (см. рис. 11), с 8 489 (удельный вес составил 5,3 %) зарегистрированных преступлений, совершенных в группе в 2006 году, до 3 516 (удельный вес составил 5 %) в 2014 году. В 2015 году абсолютное число зарегистрированных преступлений, совершенных в группе, составило 4 351, удельный вес в общей совокупности зарегистрированных преступлений равен 6 %.

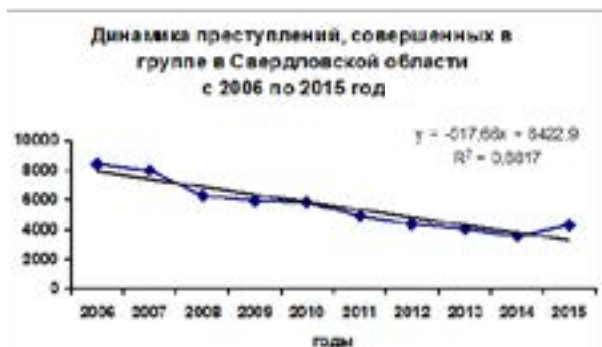

Рис. 11

Таким образом, при рассмотрении тенденций преступности в Свердловской области за период с 2006 по 2015 год отмечено:

- снижение общего числа зарегистрированных преступлений в среднем на 10 354 преступления в год;

– снижение регистрации тяжких и особо тяжких преступлений на 3 334 преступления в год;

– снижение числа зарегистрированных убийств и покушений на убийство в среднем на 74 преступления в год;

– снижение числа зарегистрированных случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в среднем на 66 случаев в год;

– снижение числа зарегистрированных изнасилований и покушений на изнасилование на 27 преступлений в год;

– снижение числа зарегистрированных разбоев в среднем на 209 преступлений в год;

– снижение количества регистрируемых случаев грабежа в среднем на 1 841 преступление в год;

– снижение количества зарегистрированных краж в среднем на 4 296 преступлений в год;

– снижение числа зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, в среднем на 348 преступлений в год;

– снижение числа зарегистрированных преступлений, совершенных в группе, в среднем на 517 преступлений в год;

– рост числа зарегистрированных преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, в среднем на 520 преступлений в год.

Анализ криминогенной обстановки не может происходить в отрыве от социальных, экономических, культурных, демографических и иных характеристик конкретного региона, т.к. уровень преступности, как правило, достаточно точно отражает, насколько благополучна социальная ситуация.

Тем не менее регистрируемая преступность лишь примерно, неполно отражает преступность реальную. Но государственный учет преступлений при всех его недочетах является единственной более или менее надежной статистической базой. По мнению В.В. Лунеева, «...криминологические оценки часто не совпадают по знаку с экономическими, социальными, политическими значениями, поскольку предметом изучения является преступность, то и основным критерием оценки изучаемых явлений должна быть степень их криминогенности или антикриминоген-

ности. В противном случае к криминологической объективности приблизиться будет трудно. Вопрос окончательно запутывается, если реальные криминогенные процессы в обществе и фактический контроль над преступностью никак, ни с чем и ни с кем не соотносятся и не согласовываются. В связи с чем на законодательном и управленческом уровнях они нередко формируются не только и не столько в интересах безопасности народа, общества и государства, сколько для демонстрации демократизма, а также по законам купли-продажи, теневого лоббизма, корпоративной выгоды, личностного должностного (депутатского) самоутверждения» [2, с. 213].

Согласно опубликованным Федеральной службой государственной статистики (Росстатом) данным, общий уровень преступности в России, снизившийся в первые годы перестройки, стал быстро и устойчиво повышаться с конца 1980-х гг.

Повышение уровня преступности явно совпадало с периодами обострения кризисных явлений в социально-экономической жизни общества 1990-1993 и 1998-1999 годов, а в периоды относительной стабилизации и, что особенно важно, либерализации законодательства отмечались отклонения от этого общего тренда. Например, гуманизация уголовной ответственности за экономические преступления как общественно-политический фактор нашла свое отражение в тенденции к снижению числа зарегистрированных преступлений экономической направленности в Свердловской области в 6,6 раза, с 19 321 в 2006 году до 2 909 в 2015 году. Удельный вес преступлений экономической направленности в общей совокупности зарегистрированных преступлений также снизился, с 12 до 4 %.

Кроме того, определенное влияние на изменение числа правонарушений могут оказывать значительные изменения численности возрастных групп, в большей степени склонных к совершению правонарушений (молодежи от 16 до 30 лет).

Снижение уровня зарегистрированной преступности в абсолютном выражении не всегда демонстрирует улучшение криминогенной обстановки.

Например, показатели уличной преступности в Свердловской области за период с 2006 по 2015 год снизились в

1,7 раза, с 31 703 до 17 937 соответственно, при этом удельный вес в общей совокупности зарегистрированных преступлений вырос с 19,8 % в 2006 году до 24,8 % в 2015 году.

В качестве негативного социально-экономического фактора при анализе криминогенной обстановки следует рассматривать алкоголизацию и наркотизацию населения Свердловской области. В состоянии алкогольного опьянения в 2006 году было совершено 13 808 преступлений, что составляло 8,6 % от общего числа зарегистрированных преступлений, в 2015 году было зарегистрировано 16 620 преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, и удельный вес составил уже 23 %. За исследуемый период выросло и число преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, с 442 в 2006 году до 939 в 2015 году, удельный вес составил 0,3 % и 1,3 % соответственно.

Снижение уровня жизни, рост безработицы, интенсификация миграционных процессов, рост беспризорности и т.д. — факторы криминогенные. И наоборот, повышение уровня жизни, совершенствование правового регулирования различных сторон деятельности человека, реализация социальных программ обучения и воспитания несовершеннолетних и другие аналогичные процессы способствуют снижению преступности в целом или ее отдельных видов.

Нельзя не учитывать и тот важный факт, что в отдельные регионы нашей страны обычно ссылали людей, неблагонадежных с политической точки зрения, и различный преступный сброд, что прямым и непосредственным образом влияло на криминогенную обстановку в этих регионах. Следовательно, имеется некоторый исторический лаг, который отражается на современном уровне, структуре и динамике преступности Свердловской области. Достаточно высокий уровень преступности в Свердловской области объясняется большим количеством пенитенциарных учреждений (более 30-ти), расположенных на территории региона.

Таким образом, ухудшение криминогенной обстановки в Свердловской области выразилось в интенсивном развитии негативных социальных процессов — криминогенных факторов:

- падение уровня производства;
- появление и рост безработицы;
- резкое снижение уровня жизни большинства населения, негативный эффект которого усиливает экспансия западной культуры и развитие идеологии потребительства;
- недостаток средств для финансирования органов государственного управления, в том числе правоохранительных;
- снижение эффективности работы полиции (до 1 марта 2011 года — милиции) и прокуратуры, отток из этих органов опытных, энергичных кадров;
- неэффективное функционирование пенитенциарной системы;
- развитие пьянства, наркомании, что приводит к деградации населения;
- неэффективное и несправедливое распределение национального богатства и совокупного общественного продукта;
- расслоение общества, рост социального неравенства;
- отрицательная оценка властных структур, установивших и поддерживающих несправедливый порядок, падение авторитета закона и иных нормативных актов государственной власти; усугубление коррупции во властных структурах;
- рост межнациональных, межэтнических и межрелигиозных противоречий и развитие конфликтов на этой почве;
- идеологический кризис;
- кризис системы обучения и воспитания подрастающего поколения (семьи, школы, системы спортивных секций и центров досуга);
- ухудшение здоровья нации (физического, психического, нравственного). Неэффективность функционирования профилактики различных заболеваний, в том числе психических отклонений, проявляющихся в росте числа проявлений агрессии и склонности к насильственным преступлениям;
- несовершенство законодательства, обусловленное сращиванием криминала с чиновничьим аппаратом, лоббированием формирования правовой среды, создающей благоприятные условия для криминальной деятельности;
- криминальная самодетерминация, выражающаяся во втягивании граждан в криминальную деятельность представителями криминального мира, формировании имиджа благородного преступника и т.д.

По мнению академика В.Н. Кудрявцева, причинное объяснение социально негативных явлений предполагает многоуровневый подход. Поскольку всякое причинное объяснение выделяет главное в цепи взаимодействующих процессов и явлений, следует учитывать, что это главное может быть сформулировано на разных уровнях научного обобщения. Применительно к социальным отклонениям такими уровнями выступают общество, социальная группа, индивид. Соответственно и научные объяснения делаются преимущественно на философском, социологическом или психологическом уровнях [3, с. 231]. «Причины преступности определяются теми реальными жизненными условиями, в которых действуют люди... Объективные противоречия в сферах экономики, быта, духовного развития, особенности образа жизни разных социальных групп, с одной стороны, порождают сложные жизненные ситуации, а с другой – противоречиво сказываются на формировании личности» [4, с. 253].

«Проблема объективности показателей состояния преступности и реального контроля над ней является сложной не только для России, но и для других стран мира. Всюду фактическая преступность многократно превышает преступность, о которой осведомлены органы правосудия. В свою очередь, учтенная преступность намного превышает ее раскрываемую часть, а число раскрытых деяний – число преступлений, за совершение которых виновные привлекаются к уголовной ответственности. Еще меньше деяний становится предметом судебного разбирательства. И еще меньше тех, за совершение которых суды выносят обвинительные приговоры с назначением наказания. Поль Лафарг, более 100 лет назад на статистическом уровне исследовавший преступность во Франции за 1840-1886 годы, писал, что судная кара постигает лишь незначительную часть тех преступлений и проступков, которые в действительности совершаются. Говоря о России последних лет, мы можем признать, что реальной мерой наказания (лишение свободы) виновных в государстве завершается лишь незначительная часть: 4-5 % от фактически совершенных и 10 % от зарегистрированных преступлений» [4, с. 280].

Трудно отрицать и тот факт, что показатели состояния преступности и контроля над ней определенным образом связаны. Неполнота и необъективность одних данных искажают все последующие. Между сведениями о регистрируемой преступности и контроле над ней при определенных условиях может возникнуть сильная обратная корреляционная зависимость. Например, порочной практикой регистрации преступлений можно «замедлить» или «снизить» темпы прироста преступности, а если выборочным учетом еще и управлять (прежде всего, уходить от регистрации заведомо «глухих» преступлений), то можно добиться заметного роста раскрываемости учтенных деяний. Такие манипуляции в учете преступлений еще больше подорвут доверие населения к правоохранительным органам, что снизит количество заявлений о преступлениях, а это приведет к «улучшению» показателей результативности борьбы с преступностью [4, с. 283].

Исследуя тенденции криминогенной обстановки в Свердловской области, следует сделать криминологический прогноз преступности в регионе.

Криминологическое прогнозирование может быть научным и обыденным. Обыденное, или эмпирическое, прогнозирование опирается на повседневный опыт сотрудников правоохранительных органов и других лиц, каким-то образом связанных с контролем над преступностью и укреплением правопорядка, на их житейские наблюдения, обыденное сознание, интуицию. Оно постоянно используется в повседневной жизни и деятельности органов системы уголовной юстиции. Научный прогноз разрабатывается на основе системных знаний тенденций преступности, причин преступности и отдельных преступлений, мотивации преступного поведения, закономерностей развития криминогенных и антикриминогенных факторов в прогнозируемом будущем, на основе общенаучных и частнонаучных методов прогнозирования. От криминологического прогнозирования не следует ожидать точных данных о количестве возможных преступлений. Цель криминологического прогнозирования состоит в выявлении тенденций и закономерностей возможного развития преступности, поведения конкретных лиц, протекания других криминологически значимых процессов.

Используя статистические закономерности и тенденции рассматриваемых явлений, мы можем существенно расширить эмпирическую базу прогноза преступности.

Точность прогноза преступности, рассчитанного методом экстраполяции динамических рядов преступных проявлений и их причин, является относительной. При выработке экстраполяционного прогноза обычно исходят из того, что социальные, экономические, демографические, а также иные сугубо криминологические явления и процессы в будущем в основе своей сохранятся более или менее неизменными.

На основе анализа статистических показателей преступности Свердловской области с 2006 по 2015 год и изучения закономерностей и тенденций, можно сделать вывод, что ожидаемые прогнозные значения в краткосрочной перспективе на 2016-2017 годы составят: в 2016 году – 42 502 преступления; в 2017 году – 32 148 преступлений*. В среднесрочной перспективе (прогноз на ближайшие 5 лет, до 2020 года) ожидаемые прогнозные значения составят: в 2018 году – 21 794; в 2019 году – 11 440; в 2020 году – 1 086 преступлений.

Данный прогноз не отражает влияния возможных криминогенных и антикриминогенных факторов и является лишь продолжением сложившихся тенденций преступности в Свердловской области. В данном случае необходимо учитывать особенности прогнозирования преступности и использовать наиболее подходящие для прогноза динамические ряды.

Для расчета более объективных прогнозных ожиданий обратимся к непрерывному ряду за последние 3 года, с 2013 года, когда был зарегистрирован наименьший показатель преступности, по 2015 год. Полученное уравнение тренда демонстрирует рост в среднем на 1 518 преступлений в год: $y=1518x+67\ 346$, что является более правдоподобным отражением складывающейся криминогенной обстановки в Свердловской области. На основе полученного уравнения можно прогнозировать в ближайшей перспективе рост уровня

регистраемой преступности. По нашим расчетам, пиковыми будут показатели по итогам 2016 года, с 2017 года уровень регистрируемой преступности будет снижен не только в Свердловской области, но и во всех регионах Российской Федерации. Снижение будет продолжаться примерно до 2020-2022 гг.

Очевидно, увеличение год от года отклонения прогнозируемого уровня от фактического уровня ряда преступлений в Свердловской области можно объяснить несколькими причинами, одной из них является наличие структурных сдвигов, обусловленных изменением политического курса, экономическими, демографическими и другими факторами, к которым чувствительна преступность в регионе. Например, одной из причин роста преступности в Свердловской области служит не столько отсутствие занятости населения, сколько предложение в основном низкоквалифицированного труда с соответственно низкой оплатой, разрыв между доходами населения.

Пессимистический прогноз основан на экстраполяции имеющихся тенденций. Наиболее интенсивно будет расти корыстная преступность – кражи, грабежи, мошенничество. Увеличится тяжесть насильственных преступлений. Увеличится или, по крайней мере, не уменьшится уровень латентной преступности. Есть основания предполагать, что увеличится список факторов, традиционно относящихся к фоновым явлениям преступности: пьянство, наркомания, алкоголизм, бродяжничество, проституция, попрошайничество, беспризорность, психические отклонения (по прогнозам специалистов, в ближайшие годы каждый 5-й житель России будет страдать психическими расстройствами). Среди лиц, совершающих преступления, увеличится доля женщин и несовершеннолетних. Увеличится доля лиц, повторно совершающих преступления. Возможен рост коэффициента преступности на 100 тысяч населения.

В прогнозе роста количества краж сомнений быть не может, поскольку на фоне стремительного обнищания населения, роста цен на услуги ЖКХ, повсеместного увольнения и сокращения работающего населения, снижения заработной платы под прикрытием необходимости выживания в «период экономического кризиса» кражи станут для многих единственным источни-

* Расчеты проведены по уравнению $y=10\ 354x+156\ 396$, описывающему линию тренда преступности в Свердловской области с 2006 по 2015 год.

ком существования. В 2015 году в Свердловской области отмечен рост краж из магазинов продуктов питания. В отдельные годы темпы роста регистрируемых краж могут оказаться значительно выше прогнозируемых.

Грабежи представляют серьезную опасность, поскольку данный вид преступлений сочетает в себе корыстную и насильственную направленность. Растущая агрессия и неустроенность трудоспособной части населения также приведет к росту грабежей. Оставшиеся без работы и без заработка мигранты, прибывшие из стран ближнего зарубежья, не желая и не имея возможности выехать обратно, пополнят ряды уличных преступников.

Остальные виды преступлений будут регистрироваться с учетом «политического заказа» и «общественной востребованности». Если судить по линии тренда, ряд преступлений должен исчезнуть вовсе, например, грабежи при темпе снижения в среднем на 1 841 преступление в год или кражи при темпе снижения в среднем на 4 296 преступлений в год.

Все наши знания и возможности прогнозирования опосредованы той информацией, которой мы обладаем на сегодняшний день. Из всех изучаемых общественных и природных явлений самым труднопрогнозируемым и легкоуправляемым оказывается преступность. Только при объективной оценке и достоверности регистрируемых сведений возможен эффективный, полноценный прогноз преступности.

Прогноз преступности становится важнейшим инструментом принятия взвешенных, оптимальных решений. Он позволяет установить будущие вероятностные состояния преступности, исходя из чего можно определить оптимальные стратегии деятельности органов внутренних дел.

При наличии риска, то есть в условиях частичной неопределенности для принятия решений, отыскивается и выбирается стратегия с самой высокой предполагаемой вероятностью. Прогноз позволяет провести измерение рисков и определить соответствующую функцию полезности для органов внутренних дел и общества. С его помощью планируется риск и измеряется степень неопределенности. Кроме того, важно отметить, что выработка управленческих решений в условиях полной не-

пределенности предполагает установление состояний – будущих уровней преступности. Эффективность деятельности органов внутренних дел в профилактике и борьбе с преступностью напрямую связана с пониманием руководством органов внутренних дел процессов, непосредственно влияющих на преступность, ее уровень, структуру, динамику. Многочисленные управленческие решения должны основываться на краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных прогнозах преступности и сопутствующих ей явлений. Имея перед глазами простой временной ряд преступности Свердловской области за 5-7 лет, мы можем сказать, что ломаная отражает действие достаточно большого числа сил, влияющих как на повышение, так и на понижение уровней преступности, равнодействующая которых и есть график уровней преступности.

Для качественного прогноза целесообразно учитывать весовые коэффициенты отдельных, наиболее влиятельных сил, определяющих динамику преступности. Понимание действия таких сил и чувствительности к ним графика преступности поможет руководителям органов внутренних дел принять такие решения, в том числе по распределению сил и средств, финансированию конкретных служб и подразделений, которые будут способствовать установлению оптимального уровня преступности, характерного для региона в конкретное время.

На основе анализа статистических показателей преступности Свердловской области и изучения закономерностей и тенденций преступности можно сделать следующий вывод: преступность в целом и ее структурные составляющие в ближайшие 5 лет не только снизятся, но и «уйдут в минус». Чего, конечно же, никогда не произойдет. Полученные результаты всего лишь подтверждают установленные нами тенденции развития преступности. Можно смело утверждать, что к 2019-2020 году произойдут очередные изменения в требованиях как к учетно-регистрационной, так и всей деятельности правоохранительных органов, и мы увидим «новый» всплеск преступности. Очевидно, увеличение год от года отклонения между прогнозируемым и фактическим уровнем ряда преступлений в Свердловской области объясняется многими причинами, одной

из которых является наличие структурных сдвигов, обусловленных изменением политического курса, экономическими, демографическими и другими факторами, к которым чувствительна преступность в исследуемом регионе.

В данной работе рассмотрены тенденции и закономерности отдельных видов преступлений, регистрируемых органами внутренних дел на территории Свердловской области. Выбор именно этих видов преступлений сделан не случайно. В большинстве своем состояние именно этих видов формирует у населения осознание индивидуальной и общественной безопасности. Жертвами именно этих преступлений чаще всего становятся граждане области.

Проведенное исследование преступности Свердловской области с 2006 по 2015 год позволило еще раз убедиться в

возможности управлять статистическими показателями и контролировать такое сложное явление. Несмотря на, казалось бы, наметившуюся положительную динамику преступности, все еще остается большое количество неразрешенных проблем. Растет агрессия в обществе, неудовлетворенность материальных потребностей разрешается насильственными конфликтами. Уровень преступности в Свердловской области снижается, но сохраняется удельный вес отдельных видов преступлений. Выявление и установление тенденций и закономерностей преступности на примере отдельно взятого региона должно быть направлено, во-первых, на понимание преступности как негативного массового явления, во-вторых, на оптимизацию и повышение эффективности профилактической деятельности органов внутренних дел.

Список литературы

1. Афанасьев В.Н., Юзбашев М.М. Анализ временных рядов и прогнозирование: учебник. М.: Финансы и статистика, 2001.
2. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
3. Кудрявцев В.Н., Нерсисянц В.С., Кудрявцев Ю.В. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юрид. лит., 1984.
4. Социальные отклонения / В.Н. Кудрявцев, С.В. Бородин, В.С. Нерсисянц, Ю.В. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1989.

Раздел 6. Пенитенциарная система

БОЧКАРЕВ В.В., BOCHKAREV V.V.,
bochkar22@rambler.ru bochkar22@rambler.ru
Кафедра организации режима и надзора Chair of regime organization
в уголовно-исполнительной системе; and supervision in the penal system;
Кузбасский институт Федеральной службы Kuzbass Institute of
исполнения наказаний the Federal Penitentiary Service of Russia,
Российской Федерации, Oktyabrsky Avenue 49,
654066, г. Новокузнецк, Novokuznetsk, 654066,
просп. Октябрьский, 49 Russian Federation

РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СРЕДСТВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВЕРШЕНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ НОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. С принятием в 1997 году Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации впервые было определено профилактическое направление в качестве цели уголовно-исполнительного законодательства. В то же время предупредительная цель не нашла своего продолжения в системе норм, определяющих задачи, принципы и соответствующие средства ее обеспечения. Отсутствие четких правовых механизмов обеспечения приоритетных направлений негативно сказывается на конечных результатах работы служб и подразделений ФСИН России, что в итоге отражается на системе безопасности государства, общества и личности. Автор предлагает наряду с другими принципами уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации закрепить принцип рационального применения средств предупреждения совершения осужденными новых преступлений.

Ключевые слова: осужденные; профилактика преступлений; принципы уголовно-исполнительного законодательства; исполнение уголовных наказаний.

RATIONAL USE OF MEANS OF PREVENTING NEW CRIMES COMMITTED BY THE CONVICTS AS A PRINCIPLE OF PENITENTIARY LEGISLATION

Annotation. The Criminal Executive Code of the Russian Federation was adopted in 1997 and for the first time the prevention was defined as a goal of penitentiary legislation. At the same time this purpose has not found its continuation in the system of the rules defining the objectives, principles and appropriate means of ensuring it. The lack of clear legal mechanisms for ensuring the priority areas has a negative impact on the final results of the work of the services and departments of the Federal Penitentiary Service of Russia, which ultimately affects the system of the security of the state, society and individual. The author proposes to fix the principle of the rational use of means of preventing new crimes committed by the convicts among the principles of penitentiary legislation of the Russian Federation.

Keywords: convicts; crime prevention; principles of penitentiary legislation; execution of criminal punishments.

Современное состояние Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН) характеризуется новыми идеями и подходами к исполнению уголовных наказаний. Так, для улучшения технологии реализации уголовно-правовых мер защиты общества предусмотрена Концепция развития Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года*,

предполагающая совершенствование деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития; гуманизацию условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы; повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с международными стандартами.

Обеспечение целей законодательства и перспективных направлений развития ФСИН возможно путем внедрения новых форм и методов работы с осуж-

* Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 14 окт. 2010 г. N 1772-р; ред. от 23 сент. 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 43. Ст. 5544; 2015. N 40. Ст. 58.

денными, которые должны найти соответствующее правовое закрепление. Однако прежде чем исследовать конкретные меры воздействия на осужденных, необходимо четко определиться с фундаментальными основами уголовно-исполнительного законодательства. Речь идет о принципах уголовно-исполнительного законодательства, обеспечивающих стабильное развитие общества и норм отрасли права.

В области отечественного пенитенциарного права под принципом уголовно-исполнительного законодательства понимаются руководящие положения, идеи, отражающие общую направленность и наиболее существенные черты политики государства в сфере исполнения наказаний [1, с. 183]. Так, по мнению А.С. Михлина, принципы уголовно-исполнительного права — это: «Руководящие правовые идеи, выражающие основные правовые взгляды государства на характер уголовно-исполнительного законодательства и регулирование общественных отношений при исполнении уголовных наказаний» [2, с. 70]. Таким образом, принципы отрасли права пронизывают все уголовно-исполнительное законодательство, в ином случае тот или другой правовой аспект не вписывается в призму уголовно-исполнительных правоотношений.

Следует отметить, что в теории права и законодательстве проблема принципов проходит сложный этап своего теоретического осмысления и законодательного выражения. В уголовно-исполнительном законодательстве и теории данной отрасли права эти проблемы пока достаточно полно не решены, поскольку принципы уголовно-исполнительного законодательства лишь декларированы в ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ), однако их правовая сущность и содержание не раскрыты. В связи с этим, на наш взгляд, отраслевая правовая материя остается недостаточно совершенной для выполнения функций исполнения наказания. В этом смысле, как справедливо отмечает профессор М.П. Мелентьев, «...заряд многих норм рассматриваемой отрасли права направлен на осуществление целого ряда управленческих операций, которые возложены на учреждения и органы, исполняющие наказания» [3, с. 27].

Таким образом, принципы уголовно-исполнительного законодательства представляют собой руководящие идеи и положения, выраженные в нормах уголовно-исполнительного права, отражающие наиболее существенные черты политики государства, обусловленные целями наказания и требованиями обеспечения прав человека, а также выражающие единые подходы к деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, определяющие содержание процесса исполнения наказания, требования, предъявляемые к персоналу, характеризующие качественные особенности правового положения осужденных в системе социальных связей. Они являются формой правовой идеологии и призваны обеспечивать важную функцию — задавать правовой материи и механизму ее реализации определенные качественные параметры, оказывать воздействие на правосознание и поведение людей [4, с. 5-11].

Анализ уголовно-исполнительного законодательства позволяет нам утверждать, что далеко не все фундаментальные основы борьбы государства с преступлениями нашли свое отражение в ст. 8 УИК РФ. Например, в ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности»* предусматривается принцип «приоритета предупредительных мер в целях обеспечения безопасности». В целях реализации указанного принципа п. 45 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации** предусматривает, что обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступлений и иных правонарушений, разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений.

Таким образом, законодательство, определяющее безопасность общества и

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 2.

** О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. N 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

государства, значительное место отводит профилактическому направлению, которое должно реализовываться, в том числе при исполнении различных видов уголовных наказаний.

Для реализации профилактического направления при исполнении наказаний законодатель в 1997 году закрепил в УИК РФ цель уголовно-исполнительного законодательства: «предупреждение совершения осужденными новых преступлений» (ч. 2 ст. 1 УИК РФ). Наличие цели предполагает соответствующую систему, однако законодатель до сих пор не представил юридическую конструкцию средств профилактики. В то же время в рамках отдельных правовых элементов можно идентифицировать некоторые из них, такие как надзор, охрана, использование инженерно-технических средств, постановка осужденных на профилактический учет, и другие предупредительные средства. Очевидно, что в дальнейшем для законодателя было бы правильно и логично предусмотреть на уровне уголовно-исполнительного закона такую профилактическую систему всех типов уголовных наказаний.

Если говорить более детально, то, исходя из криминологических основ, средства профилактики разделяются на общие меры, т.е. применяемые ко всем осужденным без исключения, и индивидуальные, т.е. направленные на отдельные категории осужденных, требующих такого внимания [5, с. 354]. Применение индивидуальных средств зависит от многих обстоятельств: объекта профилактики (т.е. самого осужденного), субъекта профилактики (т.е. должностного лица), наличия соответствующей законодательной базы, организации и др. Если применение общих средств очень жестко связано приговором суда, четко устанавливается и мало подвержено изменениям, то индивидуальные средства основаны больше на поведении осужденных, что свидетельствует о необходимости нестандартного подхода к их реализации. В такой ситуации от субъектов организации индивидуальной профилактики зависит многое, и прежде всего соблюдение требований оптимального сочетания «достаточности и необходимости». Именно такой подход предполагает принцип «рационального применения средств предупреждения совершения осужденными но-

вых преступлений», где «необходимость» — это минимально допустимый объем и интенсивность мер, а «достаточность» — это максимально допустимый порог их применения. Примерно так же понимается «рациональность» в ряде иных литературных источников, согласно которым указанное понятие подразумевает «разумность или рассудочность» [6, с. 569].

Если мы выходим за пределы указанного диапазона, то, с одной стороны, позволяем определенным категориям осужденных вести противоправную деятельность, с другой — индивидуальные предупредительные меры превращаются в карательные, требующие более серьезных ресурсов и средств, что в условиях оптимизации штатной численности ФСИН не представляется возможным.

В поддержку указанной мысли следует упомянуть о принципе «рационального применения средств исправления», цель которого закреплена также в ч. 1 ст. 1 УИК РФ. Складывается такая ситуация, что по отношению к цели исправления указанный принцип предусмотрен в законе, а по отношению к цели предупреждения он отсутствует.

Наиболее наглядным предупредительным средством, используемым в местах лишения свободы, является применение сотрудниками к осужденным физической силы специальных средств и огнестрельного оружия (ст. 86 УИК РФ, ст.ст. 29-31 Закона РФ от 21 июля 1993 г. N 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»^{*}). В целях обеспечения рационального применения указанных средств профилактики законодатель установил, что интенсивность применения мер безопасности определяется с учетом складывающейся обстановки, характера правонарушения и личности правонарушителя. Таким образом, указанные средства применяются в минимальном объеме и только для пресечения противоправного действия. Такую же позицию можно привести по отношению к иным средствам индивидуальной профилактики, к которым относится реализация мер дисциплинарной ответственности, изменение вида исправительного учреждения и условий,

^{*} Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. N 33. Ст. 1316.

постановка осужденных на профилактический учет.

Исходя из проведенного анализа мы считаем необходимым внести изменения в ст. 8 УИК РФ и сформулировать ее следующим образом:

«Статья 8. Принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, соединения наказания с исправительным воздействием, стимулирования правопослушного по-

ведения, рационального применения мер принуждения, средств исправления и предупреждения новых преступлений».

Выработанный нами подход позволяет сделать новый шаг, направленный на формирование единой и согласованной юридической конструкции принципов уголовно-исполнительного законодательства, определяющих основные тенденции и развитие норм законодательства, не только связанных с изоляцией лиц в учреждениях УИС, но и без такого воздействия. Более того, настало время на законодательном уровне предусмотреть конкретное содержание принципов уголовно-исполнительного законодательства, позволяющее раскрыть их сущность и правовую природу.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительное право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. Ю.А. Калинина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Логос; Рязань: Акад. права и управления ФСИН России, 2006. 444 с.
2. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов / отв. ред. А.С. Михлин. М.: Высшее образование, 2007. 430 с.
3. Мелентьев М.П. Функции исправительно-трудового права и механизм их осуществления. М., 1980. 132 с.
4. Маликов Б.З., Фазлыева Л.Н. О значении и единстве принципов института исполнения лишения свободы и принципов уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительное право. 2015. N 1. С. 5-11.
5. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г.А. Аванесова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 575 с.
6. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 840 с.

Раздел 7. Правоохранительная политика

КАЧАЛОВА О.В., KACHALOVA O.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
oksana_kachalova@mail.ru, associate professor,
Отдел проблем уголовного oksana_kachalova@mail.ru
судопроизводства; The department of problems
Российский государственный of criminal proceedings;
университет правосудия, Russian State University of Justice,
117418, г. Москва, Novocheremushkinskaya St. 69 A,
ул. Новочеремушкинская, 69 а Moscow, 117418, Russian Federation

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы соответствия назначения уголовного судопроизводства историческому типу российского уголовного процесса, некоторые проблемы соотношения процессуального и материального права (уголовного права и уголовного процесса) в англосаксонской и континентальной правовой традиции. Выявляется несоответствие задач уголовного права и уголовного судопроизводства. Сделан вывод о необходимости изменения подхода к целеполаганию уголовного судопроизводства, обозначения в нем публичного интереса, присутствующего в уголовном процессе, ориентира на социально-правовые ценности и традиции, присущие отечественному уголовному процессу на протяжении длительного времени. Реализация этой задачи повлечет за собой необходимость приведения в соответствие с назначением уголовного судопроизводства всех его ключевых норм и институтов.

Ключевые слова: уголовный процесс; назначение уголовного судопроизводства; состязательность; уголовное право; задачи уголовного права.

THE PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE LIGHT OF THE SUBSTANTIVE LAW

Annotation. The issues of compliance of the purpose of criminal proceedings with the historical type of the Russian criminal procedure and some problems of correlation of procedural and substantive law (criminal law and criminal procedure) in the Anglo-Saxon and continental legal tradition are analyzed in the article. The mismatch between the objectives of criminal law and criminal proceedings is revealed. It is concluded that it is necessary to change the approach to goal-setting in criminal proceedings, to designate a public interest present in the criminal procedure and the focus on social and legal values and traditions inherent in the domestic criminal procedure for a long time. The implementation of this task will entail the need to bring all the key norms and institutions of criminal proceedings in line with its purpose.

Keywords: criminal procedure; purpose of criminal proceedings; adversariality; criminal law; objectives of criminal law.

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что любая крупная кодификация законодательства не только отменяет предыдущие законы в данной сфере правового регулирования, но и, как правило, отрицает их ценность «в плане символическом... подвергая их остракизму и восхваляя новую кодификацию» [1, с. 13].

Как писал Р. Иеринг, «право — это Сатурн, пожирающий своих собственных детей, право может обновляться, только порывая со своим прошлым... В своем историческом движении право представляет... картину искания, усилий, борьбы... но должно непрестанно идти ощупью и искать правильного пути и, найдя его,

должно ниспровергнуть препятствие, заграждающее ему этот путь» [2, с. 9-10].

История права знает как удачные примеры кодификации (применительно к отечественному уголовному судопроизводству к числу таковых можно отнести Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г.), так и не вполне удавшиеся.

К числу последних, к сожалению, следует отнести ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ). И в этом все юридическое сообщество, его теоретики и практики (за редким исключением), как никогда, единодушны. Как верно писал А.С. Барабаш, «в существующую в России

уголовно-процессуальную форму следовало влить новое содержание, подобное тому, что реализуется в процессах Франции и Германии, и оно заработало бы в направлении создания единства общества... Если бы принятием нового Уголовно-процессуального кодекса не была разорвана преемственность развития, процесс стал бы публичным при осознании членами общества своего единства...» [3, с. 77].

Отрицание позитивного опыта советского уголовно-процессуального регулирования, ориентация на ряд чуждых для нас ценностей привели к тому, что надежды, связанные с либерализацией и гуманизацией уголовного процесса, не достигли искомого результата. Большинство из тех ученых, которые с оптимизмом разделяли идеи максимализации состязательности в уголовно-процессуальном законодательстве, ратовали за изменение системного подхода к уголовному процессу и стремились к радикальной смене курса и ориентации его на англосаксонский тип и присущие ему ценности, оказались в итоге разочарованными и в дальнейшем стали подвергать свои взгляды критическому переосмыслению.

Обратимся к истокам данной проблемы. Основные «болевые» точки современного уголовного процесса обусловлены далеко не несовершенством отдельных норм и институтов уголовно-процессуального права и практикой их применения. Все гораздо серьезнее. Целый ряд проблем современного уголовного процесса уже давно вышел за рамки, определяемые исключительно правовым регулированием, и попал в разряд уголовно-политических проблем (проблема применения заключения под стражу в качестве меры пресечения; проблема широчайшего распространения (до 70 %) особого порядка судебного разбирательства, при котором осуществляется отказ от полноценного доказывания (вопреки положениям ст. 49 Конституции РФ о том, что вина лица в совершении преступления должна быть доказана); проблема пересмотра судебных решений и другие проблемы). На наш взгляд, истоки всех этих проблем следует искать в системной ошибке, допущенной идеологами УПК РФ при формировании его концепции.

Законодатель, очевидно, был ориентирован на состязательный тип процесса, который принципиальным образом отли-

чался от российской модели уголовного судопроизводства. В связи с этим следует обратить внимание на некоторые особенности англосаксонской правовой системы. Сделаем это на примере США.

Приоритетное значение в правовой системе США играют процессуальные нормы (по отношению к нормам материальным). Как отмечал У. Бернам, в США правовой процесс вообще считают большой ценностью. Подавляющее большинство прав человека, которые отцы американской Конституции сочли необходимым включить в Билль о правах, были процессуальными. А по мнению судьи Верховного Суда США Ф. Франкфуртера, история свободы в Америке – это во многом история процесса [4, с. 164]. Системообразующим для уголовного процесса США выступает принцип состязательности. Суть состязательности американского процесса составляет структурирование состязательного столкновения сторон, обеспечение непосредственности состязательного столкновения доказательств и доводов сторон, равенство «судебного инструментария сторон», детализированные процессуальные правила, применяемые вне контекста конкретных обстоятельств дела, процессуально пассивный суд как субъект принятия решений [4, с. 164-172]. Состязательная система уголовного судопроизводства предполагает, что стороны сами контролируют ход процесса, в том числе они могут отказаться от своего права вести дело в суде. Такая система традиционно определяется как исковая форма уголовного процесса [5; 4; 6; 7; 8; 9; 10].

В контексте реализации принципа диспозитивности, непосредственно вытекающего из состязательного характера процесса, представляющий государственное обвинение прокурор имеет широкие дискреционные полномочия по распоряжению обвинением, а обвиняемый – корреспондирующее ему диспозитивное право признать вину по предъявленному обвинению либо не признать. Традиции же континентального права не ориентированы на приоритет его процессуальных отраслей. В основе все-таки лежит материальное право. Применительно к уголовному судопроизводству это принципиальное различие в наибольшей степени ярко проявляется в существовании некоторых ускоренных производств. В США это сделки о признании вины, в России – особый порядок судеб-

ного разбирательства при согласии лица с предъявленным обвинением.

Институциональными их различиями являются сфера действия соглашения и пределы возможного компромисса. Сфера действия американского варианта ускоренной процедуры распространяется на материальное право — уголовно-правовую квалификацию содеянного, которая не является константой, не обусловлена непосредственно фактическими обстоятельствами дела и может быть установлена в результате соглашения сторон вне зависимости от происшедшего. При этом возможны варианты, при которых пределы возможного компромисса фактически отсутствуют и не обусловлены тяжестью содеянного. Классическая континентальная модель ускоренного производства, к разновидностям которой относится и российский «особый порядок», предусматривает незыблемость и безусловный приоритет норм материального права над процессуальными, неизменность уголовно-правовой квалификации совершенного деяния, основанную на фактических обстоятельствах дела в соответствии с принципом объективной истины. Сфера действия «особого порядка» ограничивается процессуальными рамками, не касается вопросов квалификации содеянного, условий ответственности обвиняемого и не предусматривает ведение сторонами переговоров.

Рецепция ряда элементов англосаксонского состязательного процесса в УПК РФ не изменила тип уголовного судопроизводства с континентального на состязательный, но основательно «сбила прицелы» и дезориентировала правоприменителей. Исчезновение из УПК РФ всесторонности, полноты и объективности расследования, необходимости установления фактических обстоятельств дела в соответствии с тем, как они имели место в действительности, выбило из уголовного процесса очень важную его основу. При всем при этом состязательным наш уголовный процесс так и не стал. Об исторической обусловленности публичности российского уголовного процесса неоднократно отмечалось в юридической литературе [3, с. 78-94; 11].

Нахватав «вершков» из англосаксонского типа процесса, законодатель заменил ими привычные и характерные для российского уголовного судопроизводства институты, ментально близкие обществу и

соответствующие его социальным запросам. Тем самым оказалась существенным образом подорвана та важнейшая основа, на которой осуществлялось взаимодействие материального и процессуального права — уголовного права и уголовного процесса.

Приоритет материального права в континентальной правовой традиции применительно к отечественному производству по уголовным делам означает, что уголовный процесс по сути своей является специфической «формой жизни» материального права, выступает в качестве системы правовых средств, обеспечивающих применение норм уголовного права путем установления события и картины преступления, лица, его совершившего, наличия в его действиях всех признаков состава преступления и т.д. (хотя роль уголовно-процессуального права вовсе не сводится лишь к его функциям по реализации уголовно-правовых норм). В нынешнем его виде уголовный процесс оказался не в полной мере пригодным для реализации уголовно-правовых норм. В первую очередь это выражается в вопиющем несоответствии задач уголовного права и уголовного процесса. Эффективность любого вида деятельности зависит в первую очередь от того, куда направлены усилия государства, общества и отдельных социальных групп.

Обозначив в ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту лиц от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, законодатель обозначил приоритет защиты прав и интересов частных лиц в уголовном судопроизводстве, допустив, на наш взгляд, при этом системную ошибку.

Во-первых, задачи установления фактических обстоятельств дела присутствуют в уголовно-процессуальном законе имплицитно. Освобождение правоприменителя на уровне целеполагания от необходимости установления истины по делу обозначило подмену традиционного приоритета материального права категориями, лежащими в процессуальной плоскости. При этом было совершенно не принято во внимание то обстоятельство, что нельзя обеспечить вынесение справедливого решения по уголовному делу, нельзя должным образом защитить права и законные интересы ни потерпев-

шего, ни обвиняемого без полноценного установления всех обстоятельств дела, без ответа на вопрос о том, что же произошло на самом деле. А справедливое разрешение дела нельзя отождествлять со справедливостью процессуальных процедур. Последние не имеют самостоятельного значения, оторванного по смыслу от вынесения по делу справедливого решения, а являются лишь средством обеспечения иного.

Во-вторых, определяя назначение уголовного судопроизводства, необходимо помнить, что его цели и задачи не являются совершенно обособленными, абсолютно независимыми от иных, смежных сфер правового регулирования. Уголовное судопроизводство является одним из элементов правовой системы и одной из составляющих уголовной политики государства. Уголовное право, составляющее основное содержание уголовной политики государства, не имеет собственных механизмов реализации уголовно-правовых норм, соответственно уголовно-правовые нормы могут быть применены и реализованы только посредством уголовного судопроизводства. Определяя задачами уголовного права охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (ст. 2 УК РФ), законодатель четко определяет иерархию приоритетов в смысле их уголовно-правовой защиты: личность, общество, государство. Простое сравнение с тем назначением уголовного судопроиз-

водства, которое нам предлагается в ст. 6 УПК РФ, приводит нас к выводу об узаконенном игнорировании интересов общества и государства в ходе производства по уголовным делам. Удовлетворенность сторон процессом и его результатами еще не означает соответствие этого интересам общества и государства.

Очень часто и законодатель, и представители юридической общественности просто забывают, что уголовно-процессуальное право, являясь, несомненно, самостоятельной отраслью права, имеющей свое назначение и обособленную сферу правового регулирования, тем не менее остается составной частью правовой системы, что его развитие должно осуществляться в контексте единой уголовной политики государства, а его функции — соответствовать общим функциям права в целом. Отсутствие понимания таких важных и одновременно таких простых вещей порождает плачевные результаты. В связи с этим задачей номер один, на наш взгляд, выступает необходимость изменения подхода к целеполаганию уголовного судопроизводства, обозначение в нем публичного интереса, присутствующего в уголовном процессе, ориентир на социально-правовые ценности и традиции, присущие отечественному уголовному процессу на протяжении длительного времени. Реализация этой цели повлечет за собой необходимость комплексного разрешения другой системной задачи — задачи приведения в соответствие с назначением уголовного судопроизводства всех его ключевых норм и институтов, что в конечном итоге должно привести к упорядочению внутренней структуры и логики уголовного процесса.

Список литературы

1. Великая судебная реформа: к 150-летию судебных уставов / под ред. Л.В. Головки: в 2 т. Т. 2. М., 2014. 337 с.
2. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991 71 с.
3. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. 255 с.
4. Бернам У. Правовая система США. М., 2006. 1216 с.
5. Николайчик В.М. Уголовный процесс США. М., 1981. 224 с.
6. Иванов А.А. Правовое регулирование сделок о признании вины в США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. Вып. N 2-1.
7. Уайнреб Л.Л. Отказ в правосудии: уголовный процесс США. М., 1985.
8. Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США. М., 1998. 208 с.
9. Фридман Л. Введение в американское право. М., 1993. 283 с.
10. Stephen C. Thaman. World Plea Bargaining: Consensual Procedures and the Avoidance of the Full Criminal Trial. CAROLINA Academic Press, 2010. URL: http://www.amazon.com/World-Plea-Bargaining-ConsensualProcedures/dp/1594605734/ref=pd_sim_b_3?ie=UTF8&refRID=00N2TXNN89XJZ4VDREA6 (дата обращения: 23 апр. 2015 г.).
11. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. СПб., 2003. 560 с.

Раздел 8. Уголовно-процессуальное обозрение

СИДОРЕНКО М.В., кандидат юридических наук, prorectormvs@yandex.ru консультант; Московский институт государственного управления и права, 115487, г. Москва, ул. Садовники, 2	SIDORENKO M.V., Candidate of Legal Sciences, prorectormvs@yandex.ru advisor; Moscow Institute of Public Administration and Law, Sadovniki St. 2, Moscow, 115487, Russian Federation
--	--

КОЛЛИЗИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы применения норм российского уголовно-процессуального права. Проанализировав ряд постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации, автор пришел к выводу о том, что общепризнанный приоритет кодифицированного нормативного правового акта уже не является императивом для уголовного судопроизводства. Правоприменители должны определять: а) с каким («общим» или «специальным») предметом правового регулирования связана реализация того или иного уголовно-процессуального отношения или акта властно-распорядительного характера; б) нет ли применительно к реализуемым правовым отношениям «последующего» федерального закона, вступающего в противоречие с нормами УПК РФ; в) не содержат ли нормы иного федерального закона систему дополнительных процессуальных гарантий, которые гарантируют более высокий стандарт нормативной защиты и, соответственно, подлежат обеспечению в ходе реализуемых решений и действий.

Ключевые слова: система права; иерархия норм; общепризнанные принципы и нормы международного права; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; федеральные законы; подзаконные нормативные акты.

COLLISION OF CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND OTHER FEDERAL LAWS

Annotation. The problematic issues of the application of the norms of Russian criminal procedure law are examined in the article. Having analyzed a number of decisions and definitions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author came to the conclusion that the generally recognized priority of the codified normative legal act is no longer imperative for the criminal proceedings. Law enforcers should determine: a) with which subject of legal regulation ("general" or "special") the implementation of a particular criminal procedural relation or an act of administrative nature is connected; b) whether there is a federal law conflicting with the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the implemented legal relationships; c) whether the norms of other federal law contain the system of additional procedural guarantees that ensure a higher standard of regulatory protection, and, accordingly, are to be realized in the course of ongoing decisions and actions.

Keywords: legal system; hierarchy of norms; universally recognized principles and norms of international law; Criminal Procedure Code of the Russian Federation; federal laws; subordinate normative acts.

В настоящее время вопросы конкуренции норм УПК РФ и иных федеральных законов следует разрешать не только и даже не столько на основе ч. 2 ст. 7 УПК РФ, сколько на основе актов конституционного правосудия. Причем благодаря последним незыблемый и общепризнанный приоритет норм кодифицированного нормативного акта перед нормами иного федерального закона (ч. 2 ст. 7 УПК РФ) уже не является императивом для уголовного судопроизводства Рос-

сии. Правовые позиции высшего органа конституционного правосудия принципиально иначе расставили акценты в этом вопросе: в случае конкуренции УПК РФ и норм иного федерального закона по одному и тому же вопросу (предмету нормативного регулирования) приоритет УПК РФ не является безусловным. С точки зрения Конституционного Суда РФ при разрешении возникшей коллизии во внимание должна быть принята следующая система условий:

1) прежде всего, определению подлежит общий или специальный предмет правового регулирования применительно к реализуемым правовым отношениям. При этом под «общим» предметом понимаются нормы, регулирующие собственно процессуальный порядок осуществления уголовного судопроизводства России и сугубо процессуальные его отношения. «Специальный» предмет может быть связан с обеспечением банковской тайны или тайны почтовой связи, медицинской тайны или тайны адвокатской деятельности, тайны усыновления. При констатации того, что реализуемые следственные и процессуальные действия или властные решения органов и лиц, действующих в силу занимаемой должности, вторгаются в сферу регулирования специальных отношений и норм, именно последние служат императивом, доминируя над «общими» предписаниями кодифицированного нормативного акта (УПК РФ);

2) должны быть приняты во внимание и темпоральные характеристики указанной конкуренции, ибо «последующий» (по временным характеристикам) закон, содержащий конкурирующие нормы, либо имеет приоритет над нормами «предшествующего» закона, либо конвенционально отменяет предписания последних. И то, что конкурирующие новации не нашли своего отражения непосредственно в кодифицированном уголовно-процессуальном законе, — уже не проблема законодателя, как в свое время писали Ю.К. Якимович [1, с. 14] и П.А. Лупинская [2, с. 35], а серьезная проблема практического правоприменения.

В отличие от позиций ряда исследователей [3, с. 22-27; 4, с. 51-55], подчеркнем и то обстоятельство, что приоритетом в практической конкуренции обладают не только федеральные законы, содержащие, как утверждается, сугубо «процессуальные» нормы, но и нормы «специальные», регулирующие специфические стороны иных общественных отношений, которые оказались в сфере «взаимодействия» с отношениями сугубо уголовно-процессуальными;

3) наконец, при разрешении негативной коллизии должно быть принято во внимание то, что иным федеральным законом может быть обеспечена система более эффективных процессуальных га-

рантий для обеспечения прав и интересов участников правовых отношений, чем аналогичными нормами УПК РФ. Именно этот, более высокий, уровень (стандарт) правовой защищенности и обуславливает в итоге доминирование норм иного федерального закона в конкуренции с кодифицированным уголовно-процессуальным законом, требуя учета и обеспечения данной системы гарантий*.

Как следствие, по сути указанных «разъяснений» высшего (национального) органа конституционного правосудия, согласно российской уголовно-процессуальной доктрине [5; 6], фактически разрушенной оказалась система российского уголовно-процессуального права «по вертикали». Судебные и следственные органы, ведущие уголовный процесс, отныне обязаны практически «ежечасно» определяться:

— с каким («общим» или «специальным») предметом правового регулирования связана реализация того или иного уголовно-процессуального отношения или акта властно-распорядительного характера;

— нет ли применительно к реализуемым правовым отношениям «последующего» федерального закона, вступающего в противоречие с нормами собственно УПК РФ;

— не содержат ли нормы иного федерального закона системы дополнительных процессуальных гарантий, которые делают возможным более высокий стандарт нормативной защиты, и, соответственно, императивно подлежат обеспечению в ходе реализуемых решений и действий.

Достаточно серьезные коллизии указанного «сравнения» и субъективного выбора «правильной» для применения нормы неизбежно и достаточно скоро объективировали себя в сфере уголовного судопроизводства России, порождая конфликты между судебными и следственными органами, ведущими уголовный процесс, и частными заинтересованными лицами или их юридически квалифицированными представителями. Например, достаточно серьезная коллизия налицо между нормами ст. 26 Федерального зако-

* См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. N 13-П; определения Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. N 439-О; от 2 марта 2006 г. N 54-О; от 15 мая 2007 г. N 371-О-П и др.

на от 2 декабря 1990 г. N 391-1 «О банках и банковской деятельности» и ч. 7 ст. 115 УПК РФ. В соответствии с ч. 4 ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» сведения о наличии у гражданина (фигуранта уголовного дела) счета и вклада в кредитном учреждении могут быть предоставлены следственным органам лишь по их письменному запросу по делам, которые находятся у них в производстве, и с согласия руководителя следственного органа. Принципиально иначе изложена ч. 7 ст. 115 УПК РФ: руководители банков и иных кредитных организаций обязаны предоставить информацию о вкладах, счетах и денежных средствах или иных ценностях, находящихся на хранении, «...по запросу суда, а также следователя или дознавателя на основании судебного решения». Как следствие названной конкуренции, на практике возникает ряд проблем: 1) тайна вклада – это сфера действия общего (УПК РФ) или специального закона; 2) какой закон (по времени) для данной ситуации принят позднее; 3) какие нормы обеспечивают более высокий стандарт процессуальных гарантий для заинтересованных лиц или кредитных организаций. И напротив, какой алгоритм решений и действий менее «трудозатратен» для органов и лиц, ведущих процесс? При субъективной заинтересованности субъектов правовых отношений варианты выбора «правильной» нормы, как видим, могут быть кардинально различны, порождая не только конфликт интересов, но и поводы к обсуждению легитимности полученных данных.

В том же коллизийном контексте должны быть оценены нормы ч. 6 ст. 114 УПК РФ и ч. 1 ст. 42 Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Согласно первой норме временно отстраненный от должности подозреваемый или обвиняемый имеет право на ежемесячное пособие, которое выплачивается ему в соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ. Согласно второй – «...на период расследования возбужденного в отношении прокурора уголовного дела он отстраняется от должности. За время отстранения от должности прокурору выплачивается денежное содержание (денежное довольствие) в размере должностного оклада, доплаты за классный чин

(оклада по воинскому званию) и доплаты (надбавки) за выслугу лет». Разница, как видим, принципиальная, в том числе в материальном ее выражении. Примечательно и то, что на практике эта коллизия однозначно решается в контексте обеспечения дополнительных правовых, материальных и социальных гарантий для названных выше сотрудников, а не конституционных деклараций о равенстве всех граждан перед законом и судом [7].

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 20 августа 2004 г. N 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» рассмотрение уголовного дела по первой инстанции с участием присяжных заседателей проводится, в том числе в Верховном Суде РФ. Однако согласно п. 2 ч. 2 ст. 30 и ч. 3 ст. 31 УПК РФ эта форма отправления правосудия функционирует исключительно в судах областного (краевого и т.д.) звена. При этом, несмотря на то, что названный федеральный закон устанавливает комплекс более весомых процессуальных гарантий, приоритет на практике, как известно, отдан нормам УПК РФ [6].

Нормы ч. 2 ст. 199 УПК РФ не обязывают руководителя государственного судебно-экспертного учреждения предупредить экспертов об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и получать подписку об этом. Нормы ст. 14 Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», напротив, устанавливают такую обязанность. Однозначна и судебная практика, ибо отсутствие подобной подписки влечет нелегитимность итогового заключения эксперта (экспертов). Здесь, как видим, в коллизии однозначно «выиграл» федеральный закон.

Можно и далее приводить примеры из практики, когда следственные и судебные органы, с одной стороны, и адвокаты (защитники/представители) либо заинтересованные организации и лица – с другой, принципиально различно толкуют системы процессуальных гарантий применительно к адвокатской [8] или банковской тайне [9], тайне переговоров [10] или изъятию электронных носителей информации [11] и т.д. Когда, не согласовав позиции и

«интересы» в понимании той или иной конкурирующей нормы, они вынужденно обращаются, как к последней инстанции, к высшему органу конституционного правосудия [12], итоговые акты которого также нередко противоречат друг другу, не обеспечивая в итоге искомой определенности права, правовых отношений и состояний. В связи с этим не столько теории и практике, сколько законодателю и отчасти высшему органу конституционного правосудия необходимо определиться в реальном соотношении (приоритете) норм кодифицированного нормативного акта и норм иных законов федерального уровня.

Весомым «средством» установления указанной определенности мог бы стать закон «О нормативных правовых актах Российской Федерации» [13], проект которого, как известно, в настоящее время достаточно широко обсуждается юридическим сообществом России [14; 15].

Не имея возможности обсуждения всех моментов данной дискуссии, остановимся лишь на исследуемой конкуренции норм УПК РФ и норм иных федеральных законов. Доктриной, в частности, высказаны серьезные сомнения в оптимальности предписаний проекта, согласно которым: «Запрещается предусматривать в нормативном правовом акте положения о верховенстве в отношении иных нормативных правовых актов, принятых (изданных) тем же правотворческим органом в той же форме. Такие правовые нормы не имеют юридической силы» [15, с. 20].

При известном толковании указанной нормы можно, конечно, констатировать, что приоритет кодифицированного нормативного акта этой редакцией проекта закона закреплен априори. Речь, как видим, идет лишь о недопустимости конкуренции однородных нормативных актов (в нашем случае – федеральных законов), принятых одним и тем же правотворческим органом и в одинаковой форме. Именно к этим формам выражения права однозначно адресован («будущий») запрет на «самопровозглашение» своего доминирования. Следовало бы согласиться с последним, во-первых, апеллируя к доводам Конституционного Суда РФ: «...ни один федеральный закон в силу ст. 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридиче-

ской силой»*. Во-вторых, отстаивая «основополагающие» тезисы о том, что кодифицированный нормативный правовой акт и иной федеральный закон – изначально не есть тождество по форме и по сути. И, соответственно, эти акты конкурировать могут.

Однако столь же известны озвученные правовые позиции и итоговые выводы высшего органа конституционного правосудия «о правилах конкуренции» общего и специального предмета правового регулирования, о приоритете темпоральной конкуренции «предыдущего» и «последующего» законов, о доминировании норм, закрепляющих систему дополнительных процессуальных гарантий**. В итоге мы имеем исходную ситуацию, при которой приоритет УПК РФ перед иным федеральным законом уже не является безусловным.

Как следствие, при официальной констатации предписаний исследуемой нормы вполне реальны новые апелляции к конституционному правосудию со стороны заинтересованных лиц, настаивающих на приоритете именно «специальных» отношений и норм. При этом, во-первых, возможно, что при оценке указанных предписаний Конституционный Суд РФ не изменит кардинально свою позицию. Во-вторых, обладает юридической силой императивное правило, согласно которому высказанные правовые позиции и итоговые выводы Суда не могут быть преодолены принятием нового закона. Соответственно, особой потребности в новом конституционном толковании может и «не обнаружиться»; вместо разрешения спора, по сути, мы вполне можем получить «отказанное» определение Суда. В-третьих, совсем не очевидно, что в ходе (потенциально возможной) проверки Конституционный Суд РФ усмотрит принципиальную разницу в форме принятия федеральных

* См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 N 19-П по делу о толковании отдельных положений ст.ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/decisions/12011948/12011948.htm>

** См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. N 13-П; определения Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. N 439-О; от 2 марта 2006 г. N 54-О; от 15 мая 2007 г. N 371-О-П и др.

законов и кодифицированных актов федерального уровня. Прецеденты последнего – в целом известны. При буквальном толковании: и по правотворческому органу, и по форме принятия кодифицированные нормативные правовые акты и иные федеральные законы равны.

Таким образом, налицо неразрешимая коллизия в вопросе об определенности права, правовых отношений и состояний.

С одной стороны, мы готовы разделить суждение С.В. Бошно о том, что в окончательной редакции указанного закона

следует закрепить безусловное верховенство кодекса в соответствующем предмете правового регулирования. В противном случае кодекс не сможет выполнить роли системообразующего документа определенной отрасли права [15, с. 20]. С другой стороны, остается надеяться на то, что указанные нормативные предписания не будут субъективно «откорректированы» правовыми позициями и итоговыми выводами высшего органа конституционного правосудия, «возвращая» в нормативное бытие коллизии текущей правоприменительной практики.

Список литературы

1. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2015.
2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2003.
3. Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 334 с.
4. Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: ЭКСМО, 2009. 735 с.
5. Головкин Л.В. Место кодекса в системе источников уголовно-процессуального права // Государство и право. 2007. N 1. С. 38-45.
6. Ковтун Н.Н. Акты конституционного правосудия как фактор декодификации УПК РФ // Уголовный процесс. 2008. N 11. С. 3-10.
7. Шнитенков А.В. Временное отстранение от должности как мера уголовно-процессуального принуждения // Уголовный процесс. 2008. N 1 (37). С. 49-57.
8. Иванов А.В. Проблемы производства по уголовным делам в отношении адвокатов // Уголовный процесс. 2014. N 11. С. 20-26.
9. Олейник О. Правовые проблемы банковской тайны // Хозяйство и право. 1997. N 6-7.
10. Вазюлин С.А., Васюков В.Ф. Получение информации о соединениях между абонентами: специфика процедуры // Уголовный процесс. 2014. N 1. С. 10-21.
11. Васюков В.Ф. Изъятие электронных носителей информации: нерешенные проблемы практики // Уголовный процесс. 2016. N 2. С. 54-57.
12. КС РФ рассмотрит новый вопрос об адвокатской тайне // Уголовный процесс. 2016. N 2. С. 7.
13. Лукьянова Е.А. Закон о законах // Законодательство. 1999. N 11. С. 79-87.
14. Малько А.В., Гайворонская Я.В. О роли федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» в правотворческой политике // Государство и право. 2015. N 11. С. 24-32.
15. Бошно С.В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики // Государство и право. 2015. N 11. С. 14-23.

ОГОРОДОВ А.Н.,
anton-ogorodov@mail.ru
Кафедра прокурорского надзора
и участия прокурора в рассмотрении
гражданских и арбитражных дел;
Иркутский юридический
институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1

OGORODOV A.N.,
anton-ogorodov@mail.ru
Chair of prosecutor's supervision
and prosecutor's participation in civil
and arbitration cases hearing;
Irkutsk Law Institute (branch)
of the Academy of the General Prosecutor's
Office of the Russian Federation,
Shevtsova St. 1, Irkutsk,
664035, Russian Federation

РЕАЛИЗАЦИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Исследуются проблемные вопросы, возникающие в ходе реализации следователем процессуальной самостоятельности. Приводится исторический анализ концепции предварительного следствия в России. На основе опыта устоявшихся правовых систем мира подвергается критическому анализу идея создания единого следственного органа. Предлагается усилить персональную ответственность следователя, включая введение уголовной ответственности за ненадлежащее производство по уголовному делу, нарушающее общепринятые методики расследования отдельных видов преступлений. Констатируя необходимость пересмотра существующей системы оценки следственной работы ввиду того, что она не способствует эффективному выполнению следователем своих профессиональных обязанностей, автор рассматривает возможность оценки работы следователя исходя из качества предварительного следствия, а не статистических показателей. Кроме того, на законодательном уровне должны быть пересмотрены требования к кандидатам на должность следователя и процедура назначения на должность, а также корреспондирующие права и обязанности взаимодействующих со следователем участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; процессуальная самостоятельность следователя; судебный контроль; прокурорский надзор.

THE IMPLEMENTATION OF THE PROCEDURAL INDEPENDENCE BY INVESTIGATOR: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECT

Annotation. The problems arising during the implementation of the investigator's procedural independence are studied. The historical analysis of the concept of preliminary investigation in Russia is given. Basing on the experience of the established legal systems of the world, the idea of creating a single investigative body is subjected to a critical analysis. It is proposed to increase the personal responsibility of the investigator, including the introduction of criminal liability for improper criminal case proceedings violating the generally accepted methods of investigation of certain types of crimes. The author states the necessity of revising the existing system of the evaluation of the investigative work due to the fact that it does not contribute to the effective performance of professional duties by the investigator. The author examines the possibility of evaluation of the investigator's work basing on the quality of the preliminary investigation, not statistical indicators. Besides, the requirements for the candidates for the position of the investigator and the appointment procedure, as well as corresponding rights and obligations of the participants in criminal proceedings interacting with the investigator should be reviewed at the legislative level.

Keywords: criminal proceedings; procedural independence of the investigator; judicial review; prosecutor's supervision.

Одной из важнейших задач продолжающейся в настоящее время реформы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации нам представляется построение правильной концептуальной модели процессуальной самостоятельности следователя и, как следствие этого, концепции самого предварительного следствия. Вопросы процессуальной самостоятельности следователя носят комплексный ха-

актер и не могут быть разрешены только путем пересмотра объема полномочий следователя и корреспондирующих им полномочий суда, прокурора и руководителя следственного органа.

Поиск оптимальной модели построения предварительного следствия продолжается уже почти 100 лет. Начало указанному процессу положил Декрет Совнаркома от 22 ноября 1917 г. N 1 «О суде», которым

был ликвидирован институт судебных следователей, но не стадия предварительного следствия. В истории отечественного судопроизводства нашлось место даже для коллегиальной формы предварительного следствия — так называемых следственных комиссий. Однако, по нашему мнению, к данной форме предварительного следствия неприменимо понятие процессуальной самостоятельности. Коллегиальность практически исключает личную инициативу и ответственность отдельного следователя при производстве по делу. В связи с этим возвращение к единоличной форме предварительного следствия было закономерным. Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г., упразднив коллегиальные начала при производстве предварительного следствия, ввело институт народного следователя, наделенного широкой процессуальной самостоятельностью. 28 мая 1922 г. было принято Положение о прокурорском надзоре, согласно которому процессуальная самостоятельность следователя ограничилась прокурором. Все возникающие между следователем и прокурором разногласия (например, при избрании меры пресечения) разрешались судом, к подсудности которого было отнесено уголовное дело.

В дальнейшем, в целях недопущения возникающих между прокуратурой и судами разногласий по вопросам предварительного следствия на объединенном заседании наркоматов рабоче-крестьянской инспекции Союза ССР и РСФСР в сентябре 1927 г. было принято решение о передаче следственного аппарата в подчинение прокуратуре [1, с. 187]. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. закрепили производство предварительного следствия за следователями прокуратуры и органов государственной безопасности (ст. 28). Концепция судебной реформы предлагала реформировать предварительное следствие путем создания единого следственного аппарата и отделения функции руководства расследованием от надзора за ним. Попытка создания единого следственного аппарата реализована в Законе РФ «О следственном комитете Российской Федерации» [2, с. 24-31], который был принят в 1993 г. обеими палатами Федерального Собрания Российской Федерации, однако не был подписан Президентом Российской Феде-

рации. С принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» произошло ослабление роли следователя и, как следствие этого, уменьшение его процессуальной самостоятельности, а также роли прокурора, но уже в пользу нового участника судопроизводства — руководителя следственного органа.

В 2002 г. заместитель начальника Следственного комитета при МВД Российской Федерации Б.Я. Гаврилов объяснил фактическое отсутствие процессуальной самостоятельности следователя при принятии процессуальных решений заботой об основных правах и свободах участников уголовного судопроизводства и предотвращением нарушений закона ввиду «недееспособности современного следственного аппарата», то есть недостаточным профессионализмом российских следователей [3, с. 11]. Однако если современный российский следователь настолько «недееспособен» и «непрофессионален», что нуждается в постоянной опеке со стороны руководителя следственного органа, то не было бы логичнее сократить число следователей до числа руководителей следственных органов и наделить их особым статусом, о котором говорила Е.Б. Мизулина? [4, с. 147]. Именно поэтому мы являемся сторонниками появления в уголовном судопроизводстве процессуальной фигуры судебного следователя, к которому будут предъявляться качественно иные профессиональные и морально-этические требования. Только независимый от кого бы то ни было следователь имеет реальную возможность реализовывать свою процессуальную самостоятельность. Очевидно, что практически невозможно самостоятельно принять решение о направлении хода расследования, когда сроки и порядок его реализации зачастую зависят от лиц, которые не являются участниками уголовного судопроизводства, либо следователь не состоит в их организационном подчинении*.

* Имеются в виду сотрудники подразделений процессуального контроля Следственного комитета Российской Федерации, а также старшие следователи, следователи и старшие следователи по особо важным делам контрольно-методических подразделений следственных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Необходимо констатировать, что единого следственного органа нет ни в одной устоявшейся правовой системе мира. На наш взгляд, это объясняется тем, что в любой системе, где наличествуют отношения власти и подчинения, не может быть независимости и, как следствие, самостоятельности. Возникновение единого следственного органа как еще одного бюрократического учреждения с начальниками, многочисленными заместителями, главными управлениями, отделами и т.д. с неизбежностью приведет к тому, что следователь потеряет свою независимость, так как будет являться в этом органе второстепенной фигурой [5, с. 86].

В процедуре назначения следователя на должность должно найтись место коллегиальному началу (например, в комиссию по приему квалификационного экзамена у кандидата на должность следователя должны входить не только представители следственного сообщества, но и прокуроры, судьи и адвокаты). Кроме того, кандидатура должна обсуждаться общим собранием представителей органа предварительного следствия, как это имело место в середине XIX века, в настоящее же время «спрашивать коллективы по поводу прихода в него нового работника... не принято» [6, с. 453].

Одновременно с этим необходимо усиление персональной ответственности следователя за неисполнение или ненадлежащее исполнение им своих полномочий, в том числе введение уголовной ответственности за неисполнение без необходимых и достаточных к тому объективных оснований требований общепринятой методики расследования отдельных видов преступлений и сроков производства первоначальных следственных действий, повлекшее невозможность утраты возможности получения доказательств. В настоящее время следователь, в случае неисполнения им законного требования прокурора, основанного на нормах УПК РФ, не является даже субъектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ [7, с. 36].

При выполнении этих базовых требований следователей перестанут упрекать «в низком профессионализме, волоките, необъективности, зависимости от вышестоящих начальников, применении

пыток, ложном понимании чувства долга» [5, с. 446].

Мы согласны с выводом С.Н. Хорькова о том, что процессуальная самостоятельность следователя также зависит от его взаимодействия с иными участниками уголовного судопроизводства [8, с. 8]. В связи с этим полагаем, что требует пересмотра ряд положений действующего законодательства, регламентирующих обеспечение надлежащего исполнения участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей и, как следствие этого, беспрепятственную реализацию следователем своей процессуальной самостоятельности. В частности, необходимо предоставить следователю право самостоятельно налагать денежный штраф на участников уголовного судопроизводства, не исполняющих законные требования следователя, в том числе не являющихся без уважительных причин для производства следственных и иных процессуальных действий. В противном случае положение ч. 4 ст. 21 УПК РФ о том, что требования следователя, предъявленные в пределах его полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами, остается декларацией, не имеющей действительных гарантий.

Кроме того, было бы целесообразно заменить выполнение следователем требований ст.ст. 216-217 УПК РФ на выполнение требований вручить лицам, указанным в данных статьях, соответствующие копии материалов уголовного дела, так как длительный срок ознакомления с материалами уголовного дела фактически препятствует реализации решения следователя о направлении уголовного дела прокурору.

Необходимо кардинальным образом пересмотреть оценку следственной деятельности, отойдя от «палочных» форм ее оценки: по количеству уголовных дел, направленных в суд или прекращенных по нереабилитирующим основаниям, а также по количеству дел, возвращенных для производства дополнительного следствия, или дел, по которым вынесены оправдательные приговоры [9, с. 52-53]. По нашему мнению, за основу оценки следственной деятельности следует принять качество расследования уголовных дел, а именно:

время, затраченное на установление лица, совершившего преступление в условиях неочевидности; количество отмененных прокурором решений следователя; количество признанных судом действий (бездействия) следователя незаконными или необоснованными; количество признанных прокурором или судом доказательств недопустимыми; количество удовлетворенных представлений об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления, и т.д.

С целью повышения эффективности судебного контроля и прокурорского надзора за принимаемыми следователем решениями, расширения процессуальной самостоятельности следователя, усиления защиты прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, устойчивости и определенности их прав и обязанностей требуется установление порядка вступления решений следователя в законную силу, который в целом может быть аналогичным порядку вступления в законную силу решений суда. Предлагаемые нововведения будут способствовать упорядочению механизма обжалования решений следователя и, как следствие этого, уменьшению общего числа жалоб.

Разделяя мнение сторонников расширения полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, полагаем, что оно должно быть направлено в сторону предоставления прокурору действительных полномочий по возбуждению и прекращению уголовного преследования, так как ему предстоит поддерживать обвинение в суде, а не в сторону увеличения полномочий по надзору за процессуальной деятельностью следователя.

Уголовно-процессуальным законом предусмотрена единственная возможная форма выражения следователем (руководителем следственного органа) несогласия с требованием прокурора — постановление руководителя следственного

органа о несогласии с требованием прокурора, которое в силу ч. 4 ст. 7 УПК РФ должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Несогласие руководителя следственного органа (следователя) с требованием прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства, в иных формах недопустимо в силу несоответствия уголовно-процессуальному закону.

При рассмотрении судом вопроса о разрешении производства, например, обыска в жилище, судом проверяется законность только самой возможности ограничения права, в то время как процедура ограничения, то есть непосредственное проведение обыска остается вне рамок судебного контроля. Кроме того, при существующей процедуре предварительного судебного контроля лицо, чье право ограничено, лишено возможности непосредственно участвовать в судебном заседании. Замена данного механизма на последующий судебный контроль способствовала бы усилению защиты прав и законных интересов граждан, так как судебному контролю подверглась бы вся процедура ограничения конституционного права. Кроме того, это оптимизировало бы затраты времени, которые, как отмечает В.М. Быков, неизбежны при получении следователем решения суда о разрешении производства следственного действия [10, с. 208].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что для успешного разрешения проблемы процессуальной самостоятельности следователя необходимо пересмотреть на законодательном уровне требования к кандидатам на должность следователя и процедуру назначения его на должность; корреспондирующие права и обязанности участников уголовного судопроизводства, взаимодействующих со следователем; гарантии процессуальной самостоятельности и критерии оценки следственной деятельности.

Список литературы

1. Органы внутренних дел России: история становления и развития: учеб. пособие / под ред. А.Г. Фастова. Волгоград: ВА МВД России, 2005.
2. Проект Закона РФ «О следственном комитете российской Федерации» // Советская юстиция. 1993. N 11.
3. Гаврилов Б.Я. О некоторых проблемных вопросах уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации // Юридический консультант. 2002. N 1.
4. Мизулина Е.Б. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Проект УПК Российской Федерации // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД РФ. 2002. N 1.

5. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: в 2 ч. Ч. I. М., 2004.
6. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрайт, 2014.
7. Соколов А.Ю. Административная ответственность следователя за невыполнение законных требований прокурора // Административное право и процесс. 2012. N 1.
8. Хорьяков С.Н. Процессуальная самостоятельность следователя: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
9. Васильев Л., Филиппов М. О предвзятости и деформации в деятельности следователей и прокуроров // Социалистическая законность. 1989. N 7.
10. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань: Познание, 2008.

ГРЕШНОВА Н.А., кандидат юридических наук, itsovon001@gmail.com	GRESHNOVA N.A., Candidate of Legal Sciences, itsovon001@gmail.com
Кафедра теории государства и права; Саратовская государственная юридическая академия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1	Chair of theory of state and law; Saratov State Law Academy, Volskaya St. 1, Saratov, 410056, Russian Federation

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Закрепленный в Конституции Российской Федерации принцип состязательности сторон является одним из важнейших условий демократического судопроизводства. Принцип состязательности, имея универсальный характер, определяет основы правового регулирования всей процессуальной деятельности, распространяется на все формы судопроизводства, включая конституционное, гражданское, административное, уголовное судопроизводство, и предназначен для обеспечения независимости и беспристрастности суда. Состояние законности и правопорядка в государстве напрямую зависит от реализации данного основополагающего начала правовой системы российского общества, а это не представляется возможным без значительной проработки концепции развития принципа состязательности в отраслевом законодательстве и его реализации на практике посредством судебной правоприменительной деятельности. В статье анализируется и дискуссионный вопрос о том, совместимо ли в настоящее время установление объективной истины в уголовном судопроизводстве с принципом состязательности.

Ключевые слова: состязательность; принцип состязательности; уголовное судопроизводство; объективная истина; юридическая (судебная) истина; справедливость.

THE PROBLEM OF THE IMPLEMENTATION OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN THE FRAMEWORK OF ESTABLISHING THE TRUTH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. Fixed in the Constitution of the Russian Federation, the adversarial principle is one of the most important conditions of democratic proceedings. Having the universal character, the adversarial principle determines the bases of the legal regulation of all procedural activities, applies to all forms of legal proceedings, including constitutional, civil, administrative, criminal proceedings, and is designed to ensure the independence and impartiality of the court. The state of law and order in the state depends on the implementation of this fundamental principle of the legal system of the Russian society, but this is not possible without considerable study of the concept of development of the adversarial principle in the sectoral legislation and its practical implementation through judicial law enforcement activities. The author of the article analyzes the controversial issue of whether the establishment of objective truth in criminal proceedings is compatible with the adversarial principle currently.

Keywords: adversariality; adversarial principle; criminal proceedings; objective truth; legal (judicial) truth; justice.

Разработка общей теории состязательности имеет важное практическое значение, поскольку непосредственно влияет на реализацию права граждан на судебную защиту. Принцип состязательности как один из основных элементов современного юридического процесса должен способствовать демократизации общества в целом и судебной системы в частности.

Принцип состязательности, имея универсальный характер, определяет основы правового регулирования всей процессуальной деятельности, распространяется на все формы судопроизводства, включая конституционное, гражданское, административное, уголовное, и предназначен для обеспечения независимости и беспристрастности суда. Состояние законности и правопорядка в государстве напрямую зависит от реализации данного основополагающего начала правовой системы российского общества, а это не представляется возможным без значительной проработки концепции развития принципа состязательности в отраслевом законодательстве и его реализации на практике посредством судебной правоприменительной деятельности. Кроме того, в любой сфере деятельности каждая процедура должна применяться в соответствии с идеалами, принципами равенства, гуманизма, уважения прав личности, справедливости и т.д. В связи с этим исследование данного феномена приобрело особую актуальность и важность. Осуществление демократического судопроизводства должно происходить на основе руководства принципами права в сочетании с научно обоснованным подходом к судопроизводству и с опорой на знание основополагающих закономерностей развития общества.

Несмотря на это, многие ученые высказывают мнение о том, что реализация состязательности в юридическом процессе России на сегодняшний день является фикцией, а не реальностью. Кроме того, противники состязательности противопоставляют ей такие категории, как «истина» и «справедливость» [1, с. 87-89]. Указанная позиция представляется неверной, и данный факт можно объяснить отсутствием единого терминологического ряда в законодательстве, порождающим коллизии

и ведущим к отсутствию единообразия в правоприменении.

Для более точного рассмотрения заявленной проблематики необходимо сказать, что юридический процесс — это осуществляемая в рамках нормативно закреплённых и поддерживаемых с помощью государственно-властного принуждения и системы существующих социальных гарантий правил совокупность последовательно сменяющих друг друга действий, направленных на установление или реализацию норм материального права. Основы правового регулирования такой процессуальной деятельности определяет имеющий универсальный характер принцип состязательности, который распространяется на все формы судопроизводства, включая конституционное, гражданское, административное, уголовное, арбитражное, и существует для обеспечения независимости и беспристрастности суда.

Принцип состязательности — это универсальное всеобъемлющее нормативно-руководящее требование, на основе которого вся деятельность по рассмотрению дела в рамках юридического процесса обретает вид спора сторон, имеющих противоположные процессуальные интересы, но обладающих равными правами по использованию предоставленных им законом возможностей для достижения положительного результата. При этом суд, основываясь на принципах независимости и беспристрастности, а также исходя из норм действующего законодательства и своих внутренних убеждений, призван осуществлять общее управление процессом с целью разрешения дела по существу и вынесения справедливого и законного акта.

Сущность состязательности как принципа состоит в предоставлении сторонам, обладающим противоположными процессуальными интересами, возможности путем совершения разрешенных законом процессуальных действий убедить суд, выступающий в качестве независимого арбитра, в том, что занятая той или иной стороной позиция по делу в силу материальных и процессуальных оснований является единственно верной. Действие принципа состязательности не может ставиться в зависимость от действий сторон.

Основными признаками принципа состязательности выступают его универсальный и всеобъемлющий характер; императивно-нормативное закрепление; направленность на урегулирование процедур юридического процесса; регулирование деятельности сторон судебного процесса, обладающих равным положением, но противоположными интересами; определение роли суда в качестве независимого распорядителя действиями сторон; направленность на разрешение спора по делу.

Кроме того, в зависимости от правомочий участников процесса и степени предоставления им допустимой активности в рамках сбора, предоставления и исследования доказательств следует выделить четыре основные формы состязательности: диспозитивная форма, характеризующаяся прежде всего тем, что, помимо обеспечения сторонам диспозитивных полномочий по представлению либо непредставлению доказательств, аналогичными полномочиями наделяется суд; исковая (классическая) форма, при которой обязанность по доказыванию своей позиции возлагается исключительно на стороны; императивная форма, отличающаяся тем, что одна сторона, представленная органом государственной власти либо его должностным лицом, обязана доказать свою позицию, направленную, как правило, на привлечение другой стороны к предусмотренной законом ответственности.

Ввиду особого предмета уголовного процессуального права принцип состязательности в нем имеет свои отличительные особенности. Говоря о форме закрепления принципа состязательности в уголовном процессе, можно выделить следующие его императивы:

1. Разделение в рамках рассмотрения уголовного дела процессуальных функций защиты и обвинения, отсутствие возможности их осуществления одним и тем же органом или должностным лицом.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ устанавливает, что сторону обвинения представляют прокурор и иные участники уголовного судопроизводства, сторону защиты — подозреваемый (обвиняемый), защитник, иные участники уголовного судопроизводства.

2. Наличие равных полномочий на исследование полученных доказательств.

3. Равенство перед судом противостоящих друг другу представителей обвинения и защиты в правах на заявление ходатайств и отводов, сбор, представление и исследование доказательств, совершение иных действий, необходимых для рассмотрения и разрешения уголовного дела.

4. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты.

Данное положение указывает на то, что суд не обладает полномочиями по возбуждению уголовного дела, является беспристрастным арбитром, подчиняется только закону, его действия не могут быть поставлены в зависимость от деятельности сторон.

5. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и реализации предоставленных им прав, а также разрешает уголовное дело.

Помимо обозначения принципа, термин «состязательность» также используется для указания на форму уголовного судопроизводства. Состязательная форма уголовного процесса является общим понятием, отражающим характеристику уголовного судопроизводства в целом либо отдельных его стадий, а также равенство сторон в процессе.

Переходя к рассмотрению поставленного вопроса, необходимо отметить, что в юридической науке остается актуальной дискуссия о необходимости и возможности достижения в уголовном процессе объективной истины. В январе 2014 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект, возвращающий в законодательство принцип объективной истины. Сторонники данного предложения пояснили, что достижение объективной истины по делу необходимо для вынесения справедливого решения. Кроме того, представители Следственного комитета РФ отметили, что закрепленная в законе модель чистой состязательности не способствует установлению истины, так как подразумевает пассивную роль суда, который не должен проявлять активности в сборе доказательств [2].

В связи с этим перед юридической наукой в период реформирования процессуального законодательства встает вопрос

о необходимости достижения в процессе объективной истины по делу и, соответственно, о пределах полномочий судьи в разбирательстве.

После вступления в 1996 г. Российской Федерации в Совет Европы процессуальное законодательство было изменено в целях соответствия международным нормам в области прав человека. В принятых новых процессуальных кодексах была исключена обязанность суда по полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств дела. Таким образом, законодатель не стал закреплять принцип установления объективной истины. Вследствие этого некоторые ученые пришли к выводу, что принцип объективной истины прекратил свое существование [3, с. 25; 4, с. 124]. Несмотря на это, имеют место мнения о том, что суд устанавливает формальную (юридическую) истину, определяемую границами доказательственной деятельности [5, с. 64].

В связи с этим представляется необходимым выяснить, что понимается под истиной. Вообще в юридической литературе авторы выделяют объективную и юридическую (судебную) истину. Тем не менее В.М. Корнуков отмечает, что данное противопоставление неправомерно, так как этимологически юридическая истина подразумевает то, что доказано и признано в установленном законодательством порядке и отражено в соответствующем решении, вступившем в законную силу [6, с. 153-164]. Н.Г. Стойко, в свою очередь, говорит о том, что истина идеальна как познавательный ориентир, но реальна как познавательный результат и поэтому в рамках уголовного процесса она обладает юридически формализованным характером и с высокой степенью вероятности приближена к действительности [7, с. 264-273].

В большинстве же случаев под истиной понимается точное соответствие знаний действительности. Данного мнения придерживался М.С. Строгович [8, с. 19].

Изложенное подводит нас к дискуссионному вопросу о том, совместимо ли в настоящее время установление объективной истины в уголовном судопроизводстве с принципом состязательности как основополагающим демократическим институтом. Тема принципа объективной истины в теории процесса всегда была одной из

самых острых. Существует несколько точек зрения по данной проблематике.

Сторонники первой позиции считают, что общество должно быть заинтересовано в установлении истины больше, чем в выявлении победителя в состязании сторон. При этом суд должен принимать активное участие не только в определении предмета доказывания, но и в сборе доказательств [9, с. 65-84].

Так, М.К. Треушников не разделяет мнение тех, кто считает, что в настоящее время судом не преследуется цель получения достоверного знания о фактических обстоятельствах дела. Обновление процессуального законодательства явилось следствием изменения действия принципа состязательности именно как способа достижения истины, а не исчезновения как цели правосудия. Кроме того, все гарантии проверки обоснованности и законности судебных актов, существовавшие ранее, в современных процессуальных кодексах сохранены [10, с. 7-9].

А.А. Власов полагает, что итог судебного познания уместно называть судебной истиной, особенностью которой будет являться тот факт, что суд исследует не все обстоятельства, влияющие на исход дела, а только те, которые представили ему спорящие стороны [11, с. 46].

Первая позиция представляется спорной, так как не может в полной мере соотноситься с реализацией принципа состязательности. При осуществлении принципа состязательности судебное постановление не всегда может устанавливать именно объективную истину по делу, суд при вынесении решения лишь оценивает доводы сторон, не вмешиваясь в их доказательственную деятельность, и в конечном итоге определяет позицию одной из них в качестве истинной.

Кроме того, факты, установленные судом, являются истинными в силу такого установления. Данное положение означает, что истина может зависеть как от субъективного мнения судьи, так и от объективных норм закона. Именно поэтому соблюдение принципа состязательности необходимо, так как достижение истины при рассмотрении фактических обстоятельств дела, затрагивающего интересы определенного круга лиц, должно зависеть от действий сторон.

Второй позиции придерживаются сторонники чистой состязательности, полагающие, что суд должен выступать в роли пассивного наблюдателя за процессуальным соперничеством сторон, не участвуя в собирании доказательств по собственной инициативе, так как при этом он в любом случае склоняется к одной из позиций. Критики данной точки зрения считают, что результат в таком процессе — формальная истина, являющаяся, по сути, только позицией одной из сторон, объективная же истина при указанном подходе недостижима.

Так, П.А. Лупинская говорит о несовместимости требования обязательного установления истины по каждому уголовному делу со ст. 51 Конституции РФ, а также правом обвиняемого не свидетельствовать против себя, своего супруга, родственников, правом на молчание (п. 3 ч. 4 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса РФ), а также в других случаях, предусматривающих освобождение лиц от обязанности давать свидетельские показания. Таким образом, установление права на свидетельский иммунитет означает предпочтение законодателя охраны ценностей, лежащих в основе такого иммунитета (презумпция невиновности, сохранение родственных отношений и др.) установлению истины «любыми способами» [12, с. 5].

И.Б. Михайловская также отмечает, что доминирование истины, установленной в судебном процессе, над объективной выражает современные представления о судебном процессе как социальной ценности, позволяющей разрешить возникающие конфликты с наименьшими потерями для общества, а не как репрессии [13, с. 4].

В настоящее время в соответствии с законодательством (ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ и ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ) каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. Суд, в свою очередь, определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. Однако суд не обязан самостоятельно устанавливать фактические обстоятельства дела. Кроме того,

действующее законодательство определяет, что судопроизводство в Российской Федерации осуществляется на основе принципа состязательности. Установление же истины как цели осуществления правосудия ни одним нормативным актом не предусмотрено.

Таким образом, можно говорить о закреплении в современном российском законодательстве модели чистой состязательности, где она является не поединком красноречия сторон, а прежде всего исполнением обязанностей по доказыванию своей позиции.

Тем не менее, проанализировав вышеизложенные точки зрения, представляется, что речь должна идти, скорее, не об установлении истины или спорах о модели состязательности, а о вынесении справедливого судебного акта, в особенности в рамках уголовного и гражданского процессов. Это приводит нас к вопросу о понятии и значении справедливости при вынесении судебного решения и определении категории справедливого судебного решения.

Президент РФ в Послании Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. особенно отмечал важную роль справедливости в системе общечеловеческих ценностей, обращая внимание на то, что справедливость — это в первую очередь политическое равновесие, честность судов, ответственность руководителей, ведущие к преодолению коррупции и бедности, к достойному уровню жизни каждого человека и российской нации в системе международных отношений.

Многие исследователи также поддерживают данную позицию, утверждая, что суд обязан принять участие в доказывании лишь с целью принять обоснованное, законное и справедливое решение по делу, при этом не создавая, а разрешая дело, представленное сторонами. Стороны предъявляют суду установленные ими фактические обстоятельства и удостоверяющие их доказательства и просят разрешить их спор. В этом случае активность суда не идет в противоречие с осуществлением конституционного принципа состязательности и способствует вынесению правосудного решения.

Т.К. Рябина, О.В. Петрова и Е.Д. Горева полагают, что в первую очередь справедливость является этико-нравствен-

ной категорией, а правосудие – справедливым судом, гарантируемым Всеобщей декларацией прав человека [14, с. 15-16].

В связи с этим необходимо выяснить, какое именно решение следует считать справедливым.

В соответствии с п. 5 Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ справедливость – это законодательное гарантирование прав и свобод человека, равная и эффективная защита каждого и т.д.

Исходя из норм уголовного процессуального закона, Е.А. Карякин сформулировал определение справедливого приговора как приговора, в соответствии с которым подсудимому назначено наказание, соответствующее его личности и тяжести преступления, не выходящее за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ и по виду или размеру не являющееся чрезмерно мягким или чрезмерно суровым. Кроме того, наказание должно отвечать назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ), а требования справедливости должны конкретизироваться в соответствии со ст.ст. 297, 332, 360, 361, 367, 373, 379, 381, 383 Уголовно-процессуального кодекса РФ [15, с. 38-41].

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что в настоящее время особую актуальность приобретает обеспечение требования справедливости в условиях состязательного процесса с действующими юридическими презумпциями и фикциями, где стороны наделяются равными правами заключать мировое соглашение, ходатайствовать об исключении доказательств по основаниям, предусмотренным законом, и иным образом влиять на ход и результаты судопроизводства.

Тем не менее необходимо принимать во внимание факт субъективной оценки судебного постановления одной из сторон, которая была не удовлетворена вынесенным решением, посчитала его несправедливым. Это приводит к обжалованию большого количества судебных актов, и такая ситуация будет иметь место вне зависимости от активности суда в доказывании. В настоящее время существует институт медиации, благодаря которому стороны имеют возможность разрешить

дело «по справедливости», в том числе социальной, нравственной и т.д. У суда же справедливость должна быть только одна – справедливость закона, в том числе процессуального.

Кроме того, нельзя не учитывать то, что для реального действия принципа состязательности в уголовном процессе необходимо в первую очередь повышать уровень профессиональной культуры и мастерства обвинителей и защитников, поскольку при осуществлении ими своей работы качественно и профессионально у суда будет возможность вынести законный, обоснованный и справедливый приговор без активного участия в собирании доказательств.

Само понятие «состязательность» подразумевает вынесение судебного акта, прежде всего, на основе доказательств, которые будут представлены сторонами процесса. Соответственно, суд контролирует и направляет действия участников, и вынесение правосудного судебного постановления зависит главным образом от активных действий сторон разбирательства.

Однако ввиду низкого уровня правовой культуры граждан сами они не всегда в состоянии должным образом обеспечить представительство своих законных прав и интересов, а так как суд не вправе самостоятельно собирать доказательства, судебные постановления зачастую зависят от возможности сторон обеспечить участие своего представителя в судебном разбирательстве, что требует, в частности, значительных финансовых затрат.

Таким образом, дополнение действующих процессуальных кодексов статьями, отражающими необходимость достижения объективной истины, не даст ожидаемого положительного результата, а наоборот, усложнит законодательство новыми противоречиями и пробелами. В связи с этим считаем, что особое внимание в рамках проблемы достижения объективной истины в судопроизводстве необходимо уделить обеспечению требований справедливости в условиях состязательного процесса с действующими юридическими презумпциями и фикциями, где стороны наделяются равными правами заключать мировое соглашение, ходатайствовать об исключении доказательств по предусмотренным в законе основаниям и иным образом воздействовать на ход и результаты судопроизводства.

Список литературы

1. Либанова С.Э. Проблемы состязательности в гражданском процессе в условиях правового нигилизма // Вестник ЮУрГУ. 2009. N 6.
2. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/31/proekt.html> (дата обращения: 1 апр. 2014 г.).
3. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / В.Н. Аргунов [и др.]; под ред. М.К. Треушникова. М., 2000.
4. Воронов А.Ф. Развитие принципов гражданского процесса // Юридическая безопасность человека в России. Угрозы и вызовы в сфере юриспруденции: сб. науч. тр. / науч. ред. А.А. Тер-Акопов. М., 2001.
5. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
6. Корнуков В.М. Возможен и нужен ли возврат концепции объективной истины в законодательство и практику российского уголовного судопроизводства? // Библиотека криминалиста. 2012. N 4.
7. Стойко Н.Г. Достижение истины в современном следственном и состязательном уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. N 4.
8. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
9. Головки Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. N 4.
10. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 1997.
11. Власов А.А. Гражданское процессуальное право: учебник. М., 2003.
12. Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. N 7.
13. Михайловская И.Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. N 7.
14. Рябинина Т.К., Петрова О.В., Горевой Е.Д. Внутреннее убеждение в механизме доказывания по уголовному делу // Российский судья. 2003. N 5.
15. Карякин Е.А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики). Оренбург, 2005.

Раздел 9. Совершенствование правоохранительной практики

КОСТЫЛЕВ А.К., KOSTYLEV A.K.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
kosank10@mail.ru, associate professor,
kosank10@mail.ru
Кафедра административного Chair of administrative and financial law;
и финансового права; Tyumen State University,
Тюменский государственный университет, Lenina St. 38, Tyumen, 625000,
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38 Russian Federation

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-РАСПРЕДЕЛЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА РЕАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ ГИБДД МВД РОССИИ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье обозначены основные подходы к пониманию информационной составляющей как неотъемлемой части обеспечения безопасности дорожного движения. В качестве одного из важных элементов этой составляющей автор рассматривает используемую в настоящее время Территориально-распределенную информационную систему реального времени Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России. Информационная система определяется как интегрированный банк данных с возможностями распределенного хранения и обработки информации обо всех объектах учета ГИБДД МВД России, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Эксплуатация данной системы позволяет оптимизировать работу личного состава по организации дорожного движения, повысить эффективность административных наказаний, положительно влияет на профилактику правонарушений в сфере дорожного движения и, следовательно, вносит вклад в обеспечение безопасности системы дорожного движения в целом.

Ключевые слова: дорожное движение; безопасность; информационная составляющая; средства фиксации правонарушений.

GEOGRAPHICALLY DISTRIBUTED INFORMATION REAL-TIME SYSTEM OF THE STATE INSPECTION FOR ROAD TRAFFIC SAFETY OF THE MIA OF RUSSIA AND ITS ROLE IN ENSURING ROAD TRAFFIC SAFETY

Annotation. The article outlines the main approaches to understanding the information component as an integral part of ensuring road traffic safety. The author of the article examines the currently used geographically distributed information real-time system of the State Inspection for Road Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia as one of the important elements of this component. The information system is defined as an integrated database with the capabilities of distributed storage and processing the information about all objects of registration of the State Inspection for Road Traffic Safety of the MIA of Russia, registered on the territory of the Russian Federation. Using this system allows to optimize the work of the personnel connected with the organization of road traffic, improve the effectiveness of administrative penalties. Besides, it has a positive effect on the prevention of crimes in the field of road traffic and, therefore, contributes to ensuring the safety of the road traffic system as a whole.

Keywords: road traffic; safety; information component; means of fixing the offences.

Дорожное движение и вопросы его безопасности достаточно широко исследованы представителями различных наук. Результаты этих исследований вносят значительный вклад в обеспечение безопасности участников дорожного движения. Как отмечает профессор В.И. Майоров, анализу содержания понятий «дорожное движение» и «безопасность дорожного движения» посвящено значительное число работ, монографий, статей, однако все

они в некоторой степени обладают недостаточной полнотой и дискуссионностью заложенных в них идей [1, с. 85].

Очевидно, что дорожное движение — достаточно сложная социотехническая система, включающая человека (водителей, пешеходов, пассажиров и иных участников движения), транспортные средства, дорогу и прилегающие к ней различные дорожные комплексы, окружающую среду. Такая сложная система может дать сбой

в любое время, при этом причины могут быть разные: отказ техники, неблагоприятная среда, сложные дорожные условия, а чаще всего — человеческий фактор.

По данным Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России (далее — ГИБДД), в 2015 году на дорогах России произошло 184 000 ДТП, в которых погибли 23 114 человек и 231 197 получили ранения*.

Несмотря на то, что некоторые показатели аварийности периодически снижаются, последствия дорожно-транспортных происшествий остаются трагическими. Гибель людей — всегда горе для их родных и близких, а для государства и общества — потеря, как правило, трудоспособного населения. Трагичность гибели детей вообще сложно оценить.

Необходимость информационной составляющей обеспечения безопасности дорожного движения здесь очевидна, а ее влияние на человека позволяет обеспечить более сознательное поведение участников дорожного движения. Обычно к информационной составляющей авторы относят грамотное и правильное информирование участников дорожного движения. Это и расстановка дорожных знаков, и иные способы и средства информирования участников дорожного движения об условиях и порядке перемещения транспортных средств по определенным участкам автомобильных дорог [2, с. 214].

Однако в условиях современного мира, информационной революции и компьютеризации, успехов математического моделирования сложных социотехнических процессов и вычислительного эксперимента неправомерно пользоваться только старыми методами и моделями. Здесь мы должны рассматривать иные средства и методы информационного обеспечения безопасности дорожного движения. Одним из таких средств является Федеральная информационная система ГИБДД (ФИС ГИБДД), действовавшая до февраля 2014 г. Сейчас это Территориально-распределенная информационная система реального времени (ТРИС РВ) ГИБДД МВД России.

Информационная система — это интегрированный банк данных с возможностями распределенного хранения и об-

работки информации обо всех объектах учета ГИБДД, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Система обеспечивает оперативный доступ к необходимым данным любого пользователя из любой точки Российской Федерации в режиме реального времени и в соответствии с его уровнем и правами доступа.

Она представляет собой сложную многоуровневую корпоративную систему, включающую разнородные территориально-распределенные региональные и межрегиональные информационные подсистемы ГИБДД, каждая из которых реализует определенный набор функций, в том числе обеспечивает функционирование следующих задач учета: разыскиваемых транспортных средств; транспортных средств, имеющих ограничения; распределения специальной продукции; похищенных (утраченных) документов и специальной продукции; разыскиваемых физических лиц; похищенного (утраченного) оружия; транспортных средств; паспортов транспортных средств; административных правонарушений; водительских удостоверений; дорожно-транспортных происшествий.

Существующие в настоящее время информационные учеты федеральных баз данных формируются на основе данных, поступающих из соответствующих государственных органов. Информационный обмен в интересах обеспечения сбора данных и организации доступа реализован в соответствии с внутриведомственными требованиями (стандартами) ГИБДД МВД России.

Доступ к информационным ресурсам ТРИС РВ централизованного хранения (федеральный, межрегиональный уровни) и копиям учетов централизованного хранения на региональном уровне осуществляется в регламентном режиме, в том числе удаленном, с использованием терминалов, функционирующих по каналам GPRS/EDGE/3G-связи и каналам Единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел Российской Федерации (ЕИТКС ОВД России).

В общий объем информационных учетов ИС ГИБДД МВД РФ, размещенных на серверах баз данных, интегрированных в единую сеть территориально-распределенных по федеральным округам

* URL: <http://www.gibdd.ru/stat/>

Российской Федерации межрегиональных центров, составляет более 300 млн единиц хранения. Все серверы баз данных федерального, межрегионального и большинства региональных центров объединены в ИС ГИБДД и ЕИТКС ОВД России. Поисковая система ИС ГИБДД получает поисковые реквизиты от терминала удаленного доступа, по определенным правилам формирует запрос и может адресовать его любому серверу (группе серверов) этой сети. Время обработки информации и реакции системы доступа при обработке комплексного запроса составляет 3-8 секунд. Необходимо отметить, что обработка запроса собственно поисковой системой составляет миллисекунды, все остальное время тратится на передачу информации по каналам связи.

Территориально-распределенная информационная система реального времени ГИБДД МВД России – это комплексная система, которая предназначена для автоматизации регистрационной, экзаменационной, учетной, информационно-поисковой и отчетно-аналитической деятельности подразделений Госавтоинспекции федерального, регионального и территориального (абонентского) уровней.

Система предназначена для автоматизации деятельности Госавтоинспекции, в том числе административных регламентов и организации в установленном порядке санкционированного доступа сотрудников ОВД и других правоохранительных органов, министерств, ведомств и организаций к информации, хранящейся в банках данных Госавтоинспекции по объектам учета, а также оказания государственных услуг с поддержкой режима работы в реальном времени при соблюдении требований по защите информации.

ТРИС РВ создана в развитие опыта эксплуатации ФИС, использует все ее функции в полном объеме.

Состав ТРИС РВ:

- система управления базами данных;
- специализированная информационная система реального времени;
- автоматизированные рабочие места.

В ТРИС РВ особое место занимает Автоматизированное рабочее место (АРМ) «Фотофиксация», которое предназначено для автоматизации деятельности подразделений Госавтоинспекции,

осуществляющих обработку информации о нарушениях правил дорожного движения, зафиксированных с использованием технических средств фотовидеофиксации, работающих в автоматическом режиме.

Средства видеофиксации используются во многих странах мира как мера предупреждения административных нарушений в области дорожного движения. Опыт этих стран показывает их достаточно высокую эффективность. За рубежом уже длительное время используются технические средства автоматической фото- и видеофиксации административных правонарушений, выражающихся в превышении установленного ограничения скорости движения, проезде на запрещающий сигнал светофора, несоблюдении дистанции до движущегося впереди транспортного средства

Комплексы фото- и видеофиксации нарушений Правил дорожного движения, сравнительно недавно появившиеся на вооружении ГИБДД МВД России, становятся одним из действенных средств надзора полиции за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения его безопасности. ГИБДД в подавляющем большинстве регионов нашей страны уже использует специальную технику, позволяющую фиксировать нарушения, а результаты такой работы хорошо знакомы водителям, пренебрегающим требованиями Правил дорожного движения. Данный вопрос после сокращения штатной численности сотрудников полиции приобрел особую актуальность [3, с. 86].

Однако необходимо обратить внимание на существенные расходы на бумагу, конверты и почтовую пересылку в связи с назначением наказания в виде штрафа. Предлагаем один из вариантов решения данной проблемы. Каждый собственник, регистрирующий транспортное средство, представляет в регистрационное подразделение адрес своей электронной почты и номер мобильного телефона. В случае фиксации правонарушения в автоматическом режиме после обработки материалов владельцу транспортного средства на адрес электронной почты направляется постановление о применении административного наказания, а на мобильный телефон – СМС. При этом СМС направ-

ляется для того, чтобы адресат своевременно проверил электронную почту. Если владелец транспортного средства согласен с вынесенным постановлением, то он, используя сеть Интернет, может оплатить административный штраф, получив 50-процентную скидку. Если же он не согласен с вынесенным постановлением, то может подать жалобу в электронном виде. При этом не обязательно использовать Портал государственных услуг Российской Федерации, это может быть обратная связь с органом, должностное лицо которого вынесло постановление.

Важно учитывать то, что своевременное получение достоверной информации о зафиксированных правонарушениях в сфере дорожного движения позволяет оперативно реагировать на эти правонарушения. Вынесенные постановления быстрее направляются привлеченным к административной ответственности субъектам, что, соответственно, повышает эф-

фективность применения административных наказаний и положительно влияет на профилактику правонарушений в сфере дорожного движения, тем самым повышая его безопасность. При этом происходит экономия средств государства.

Итак, информационная составляющая обеспечения безопасности дорожного движения включает в себя не только составляющую по организации дорожного движения: управление светофорами, установку знаков дорожного движения и другие формы информирования участников дорожного движения. Она включает в себя и ТРИС РВ, которая состоит из различных систем, способствующих осуществлению деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения. Такие системы не только упрощают работу личного состава по организации дорожного движения, но и оказывают влияние на саму систему дорожного движения, обеспечивая ее безопасность.

Список литературы

1. Майоров В.И. Правовой режим в сфере безопасности дорожного движения // Вестник Челябинского государственного университета». 2008. N 22. Сер.: Право. С. 85-89.
2. Костылев А.К. К вопросу информационной составляющей обеспечения безопасности дорожного движения // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 25 марта 2016 года: в 3 ч. Ч. III / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2016. С. 214-218.
3. Кузнецов А.В. Организационные и правовые аспекты использования комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения (на примере УГИБДД полиции УМВД России по Омской области) // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.Д. Сорокина (22 марта 2012 г.): в 2 ч. Ч. 2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2012. С. 102-105.

КАЗНАЧЕЙ И.В.,
кандидат юридических наук,
2013ivk@mail.ru
Кафедра уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел;
Волгоградская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
400089, г. Волгоград,
ул. Историческая, 130

KAZNACHEY I.V.,
Candidate of Legal Sciences,
2013ivk@mail.ru
Chair of criminal procedure
of the training and research
complex for preliminary investigation
in the internal affairs agencies;
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Russian Federation

ОПТИМИЗАЦИЯ УСЛОВИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Аннотация. Автором выделен ряд актуальных проблем, возникающих в связи с необходимостью обеспечения участия переводчика на стадии предварительного расследования. Акцентируется внимание на несоблюдении разумного срока уголовного судопроизводства, экономической нецелесообразности затрат на привлечение переводчика к проведению расследования по уголовному делу. При этом показана актуальность допустимого применения современных достижений технической индустрии, в том числе на примере правоохранительных органов Соединенных Штатов Америки. Отмечены обстоятельства, допускающие и исключающие вариативность использования электронного устройства перевода при производстве процессуальных действий. Разработанные в рамках статьи предложения носят как теоретический, так и прикладной характер, могут быть использованы в рамках дальнейшей модернизации уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: переводчик; электронный переводчик; следственные действия; доказательства.

OPTIMIZATION OF THE CONDITIONS OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION BY USING ELECTRONIC TRANSLATOR

Annotation. A number of topical problems arising in connection with the need to ensure the participation of the interpreter at the stage of preliminary investigation is identified by the author. The attention is focused on the failure to observe a reasonable term of criminal proceedings, the economic inexpediency of the costs connected with bringing the interpreter to the investigation of the criminal case. The relevance of the permissible use of modern technological industry achievements is shown, including the example of law enforcement agencies of the United States of America. The circumstances permitting and excluding the variability of using electronic translation device while conducting the proceedings are noted. The proposals made by the author of the article are of both theoretical and applied nature. They can be used in the further modernization of the criminal procedure legislation.

Keywords: interpreter; electronic translator; investigative actions; evidence.

Одной из наиболее востребованных гарантий соблюдения прав, свобод человека и гражданина в отечественном уголовном судопроизводстве является «принцип языка». Статья 18 УПК РФ нацелена на обеспечение потребности каждого участника уголовного судопроизводства пользоваться родным языком посредством обращения к переводчику. Кроме того, исследуемый принцип закреплен в ст.ст. 26 и 68 Конституции Российской Федерации, ч. 7 ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»*; ст. 3 Зако-

на РФ от 25 октября 1991 г. N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»**.

Представленная в большинстве нормативных правовых актов гарантия «родного языка» актуальна по ряду причин. Во-первых, это связано с многонациональным составом граждан Российской Федерации (160 национальностей), использующих родной язык, предполагающий множество наречий. Во-вторых, повышенный интерес к данной теме связан с безвизовым режимом с рядом государств евро-азиатского

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 23. Ст. 2199.

** Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. N 50. Ст. 1740; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 11. Ст. 1094.

континента. Подобная процедура хотя и ориентирована на экономический рост, но при этом не всегда носит позитивный характер. Анализируя статистические данные, первый заместитель генерального прокурора России А. Бастрыкин отметил, что «...за последние 10 лет наблюдается устойчивый рост преступлений, совершаемых иностранными лицами и лицами без гражданства. Общее количество таких преступлений значительно выросло – до 74 %, большая часть из них совершается гражданами государств СНГ – 81 %» [1].

Каждая из отмеченных причин и обе они в целом являются основаниями для выделения дополнительных экономических затрат на участие переводчика. Так, по итогам 2014 года из федерального бюджета было выделено более трехсот миллионов рублей для сферы уголовного судопроизводства по отмеченной категории услуг. Из них, по данным Судебного департамента Верховного Суда России, более 200 миллионов рублей было потрачено на целевые выплаты по итогам участия переводчика на стадии предварительного расследования*. В то же время вызывает сложность обеспечение переводчиком лица, родной язык которого является разновидностью, диалектом от общей языковой группы. Во-первых, исключительность подобных «специалистов» констатируется в большинстве источников научной литературы, основанной на сборе эмпирического материала (Зайцева Е.А., 2014; Садовский А.И., 2013; Кравец Е.Г., 2013). Во-вторых, существует проблема, связанная с их фактическим участием в следственных и процессуальных действиях (удаленность от места проведения, заболевание, призыв к срочной воинской службе и т.д.), что само по себе увеличивает срок предварительного расследования, нарушая принцип, закрепленный ст. 6.1 УПК РФ («Разумный срок уголовного судопроизводства»).

Еще одним «субъективным» фактором, отягощающим процесс привлечения к участию в расследовании преступления переводчика, является обязанность следователя подтвердить его компетенцию. Заметим, что ч. 2 ст. 59 УПК РФ предусматривает обязанность следователя в рамках

составляемого им процессуального документа (постановления) указать лицо, которое привлекается в качестве переводчика. Фактически следователь своим решением свидетельствует о наличии достаточных знаний для перевода у вовлекаемого участника (переводчика). В большинстве случаев этому предшествует изучение документов о полученном переводчиком образовании, специальности (свидетельство о праве на перевод, диплом лингвиста-языковеда и т.д.). Тем не менее нередко возникают ситуации, связанные с невозможностью представления отмеченных документов (не выдавались, утрачены и т.д.). С целью устранения данной проблемы правоприменители привлекают в качестве переводчика гражданина того же государства (например, трудового мигранта со знанием русского языка), гражданином которого является участник уголовного судопроизводства. Полагаем, что это крайняя мера, которая в большей степени может оказаться недейственной ввиду отсутствия навыков перевода и (или) иных субъективных факторов, влияющих на его качество (недостаточный словарный запас, дефект речи и т.д.).

В целом указанное свидетельствует о необходимости предусмотреть иные законные возможности по осуществлению перевода в уголовном судопроизводстве.

Обратимся к опыту зарубежных государств. Так, в ряде законодательных актов США закреплена возможность использования электронных переводчиков в рамках «полицейского расследования». Первый опытный образец такого электронного переводчика был испытан в полицейском департаменте г. Окленда (штат Калифорния) [2, с. 396]. Посредством примененного программного технического средства осуществлялся устный перевод речи с одного языка на другой. В настоящее время устройство распространено и востребовано в профессиональной деятельности полицейских США.

Аналогом применяемого в США специального технического устройства является электронный переводчик BRM Electronics STX7 MULTI elite**. В базе данных

* См.: Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <http://sledcom.ru/news/item/908895>

** Информация с сайта официального дистрибьютора продукции BRM в России. См.: URL: http://www.ascomtrade.ru/magazin?mode=product&product_id=1762600

устройства, конструктивно предназначенного для перевода устной и письменной речи, содержатся слова и другие лексические единицы более пятидесяти языков мира; есть возможность дополнять их по усмотрению использующего лица.

В аннотации к инструкции электронного переводчика BRM Electronics STX7 MULTI elite отмечено, что он использует автоматизированный перевод, то есть осуществляет перевод письменных и устных текстовых обозначений при помощи специальной компьютерной программы. Важно, что требуется изучение научной состоятельности, обоснованности применения такого устройства*. По результатам исследования заявленное техническое средство получает сертификат соответствия Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. Подобным сертификатом обладает и электронный переводчик BRM Electronics STX7 MULTI elite.

Немаловажным является то, что в силу физиологических особенностей лицо, не владеющее или недостаточно владеющее языком, на котором ведется производство по уголовному делу, может быть ограничено в возможности восприятия аудиоперевода или его текстового аналога в результате применения электронного переводчика. Подобное связано с полной или частичной утратой слуха, зрения. Кроме того, проблематично применение электронного переводчика в том случае, если имеются существенные дефекты речи и отсутствует возможность рукописного изложения лицом своих сведений.

В целом, прогнозируя использование электронного переводчика на предварительном расследовании, считаем необходимым сформулировать комплекс критериев, устанавливающих его правовое регулирование:

- 1) соответствует нормам и принципам уголовного судопроизводства;
- 2) является научно обоснованным и рациональным в сложившейся ситуации;
- 3) не создает опасности для жизни и здоровья участвующих в процессуальных действиях лиц;

* Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. ГОСТ 2.051-2006: приказ Ростехрегулирования от 22.06.2006 г. N 119-ст // ИУС Национальные стандарты. 2007. N 4.

4) не влечет причинение имущественного ущерба физическим и юридическим лицам;

5) очевидно для лиц, участвующих в процессуальном действии, как до начала, так и во время его проведения;

6) полученные результаты перевода могут быть в полной мере восприняты носителем языка.

Каждый из отмеченных пунктов соответствует функциональному назначению электронного переводчика, допускает возможность его законного вовлечения и использования в уголовном процессе.

Следует отметить, что в научной литературе представлены противоположные точки зрения о рациональности использования исследуемого технического устройства [3, с. 124]. В первую очередь это связано с тем, что каждый носитель языка имеет собственную манеру и стиль изложения. С позиции тактики допроса подобное подлежит оценке следователем при решении вопроса о достоверности доказательств. Переводчик в этом смысле может разъяснить следователю основания возможных особенностей речи (эмоциональные всплески, тембр речи, паузы, связанные с особенностями выражения своих мыслей). Кроме того, представляется затруднительным производство допроса без переводчика, если допрашиваемый применяет идиоматические выражения, свойственные этой языковой группе пословицы и поговорки, обозначение которых требует дополнительного разъяснения при переводе.

Представленные доводы небезосновательны. Полагаем, что их следует учитывать при выборе между использованием электронного переводчика или живого «специалиста», носителя языка, в ходе следственного действия. При этом считаем допустимым при формулировании вопросов допрашиваемому (с использованием электронного переводчика) ограничиваться несложными предложениями. Нацелить допрашиваемого по возможности излагать свои показания, используя обороты речи, исключая сравнительные и (или) индизаторные категории. Ошибочность, неточность понимания «электронного перевода» устной речи, текстовых записей может быть устранена при помощи дополнительных уточняющих вопросов следователя.

Следует уделить внимание согласию лица на использование электронного переводчика при производстве следственных и процессуальных действий с его участием. Считаем, что такое согласие должно быть отражено в виде самостоятельной записи о проводимых процессуальных и следственных действиях. В то же время применительно к изложенному следователь и дознаватель должны исходить из собственных целей предварительного расследования и, соответственно, разрешать вопрос о возможном использовании электронного носителя или традиционном привлечении переводчика в рамках ст. 59 УПК РФ.

Предложенная выше вариативность видится оправданной только с позиции проведения следственных действий. При этом полагаем, что нецелесообразно вовлекать переводчика во все процессуальные действия, что позволит избежать финансовых, временных и иных затрат. По этому поводу В.А. Родивилина указывает, что «процессуальные действия с участием переводчика требуют повышенного внимания к фиксации доказательств по делу» [4, с. 68] в отличие от имеющейся возможности применения электронного переводчика. Аргументом выступает функциональная возможность большинства электронных переводчиков, в том числе BRM Electronics STX7 MULTI elite, сканировать машинописный и (или) рукописный текст, переводя и воспроизводя его на необходимом языке*. Полученные в ходе перевода сведения сохраняются на электронном носителе самого устройства и могут быть скопированы, что предполагает возможность ознакомиться с ними незамедлительно.

Применительно к большинству процессуальных действий это видится рациональным. Так, например, затянувшееся ознакомление с материалами уголовного дела может быть оптимизировано посредством использования рассматриваемого устройства.

По результатам использования электронного переводчика в качестве приложений к протоколам следственных действий считаем допустимым приобщать электронные носители информации, а также документы, отражающие перевод.

Абстрагируясь от перспектив применения новейших достижений технической

индустрии в досудебном уголовном судопроизводстве, необходимо отметить, что в научной литературе существуют спорные суждения о «непогрешимости» участия переводчика. Например, С.В. Швец утверждает, что само по себе наличие переводчика при проведении следственного действия не является определяющим фактором качества осуществленного перевода и может ставить под сомнение результативность всего действия в целом [5, с. 164]. Проведя собственное исследование, О.Ю. Кузнецов констатирует, что спустя 60-120 минут с момента допроса наступает интеллектуальное и физическое утомление, что негативно отражается на качестве перевода [6, с. 100]. Е.П. Ищенко утверждает, что недостаточная компетентность, личностные особенности переводчика могут деструктивно сказаться на переводе сообщаемых допрашиваемым сведениях, исказить их [7, с. 323]. В обращении к техническим возможностям электронного переводчика изложенные выше условия сводятся к минимуму при достижении максимального эффекта в получении желаемого результата. Немаловажно, что посредством допустимого применения рассматриваемого устройства может быть осуществлена «контрольная» проверка качества осуществленного перевода.

Обобщая изложенные представления о вариации применения электронного переводчика в следственных и процессуальных действиях, считаем целесообразным учесть отмеченные предложения в УПК РФ в следующем виде:

– дополнить ст. 5 УПК РФ понятием «электронный переводчик»:

«Электронный переводчик — оснащенное программным обеспечением сертифицированное техническое устройство, предназначенное для лингвистического перевода устной речи, письменных текстов»;

– установить регламентацию нового самостоятельного следственного действия: «Статья 59.1. Использование электронного переводчика при производстве следственных и процессуальных действий

1. При согласии лица, не владеющего или недостаточно владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу, допускается применение электронного переводчика в ходе проведения

* URL: http://www.ascomtrade.ru/magazin?mode=product&product_id=1762600

следственных и процессуальных действий с его участием.

2. Использование электронного переводчика возможно только в случае отсутствия условий, препятствующих ознакомлению с результатами перевода, и обеспечения максимально качественного аудиовоспроизведения и перевода письменного текста.

3. Следственные и процессуальные действия с использованием электронного переводчика проводятся по общим для каждого из них правилам и в порядке статей 164 и 166 настоящего Кодекса.

4. По результатам использования электронного переводчика в качестве приложений к протоколам следственных действий приобщаются электронные носители информации, а также документы, отражающие перевод».

Сформулированные в данной статье предложения носят общетеоретический и прикладной характер, могут быть использованы для дальнейшей модернизации уголовно-процессуального законодательства в целях повышения эффективности использования технических средств в расследовании преступлений.

Список литературы

1. URL: http://www.psj.ru/saver_magazines/detai.php?ID=23608 (дата обращения: 5 апр. 2016 г.).
2. Кобец Б.Н. Особенности предупреждения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России. М.: Экзамен, 2006.
3. Королева Д.В. Особенности тактики производства некоторых следственных действий с участием сурдопереводчика и глухонемых потерпевших при производстве предварительного расследования // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2015. N 2. С. 124-127.
4. Родивилина В.А. О значимости технических средств в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня завтра: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: ВСИ МВД России, 2015. С. 65-69.
5. Швец С.В. Механизм реализации принципа языка уголовного судопроизводства // Теория и практика общественного развития. 2014. N 8. С. 160-164.
6. Кузнецов О.Ю. Сурдопереводчик в системе российского процессуального права: особенности судопроизводства по делам с участием лиц с нарушением функции слуха // Вестник Международного юридического института при Министерстве юстиции Российской Федерации. 2009. N 3 (31). С. 98-103.
7. Криминалистика: учебник / О.В. Волохова [и др.]; под ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2015.

КОЧЕРОВА Л.А.,
kocherova1975@mail.ru
Кафедра криминалистики;
Ставропольский филиал
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
355000, г. Ставрополь,
просп. Кулакова, 43

KOCHEROVA L.A.,
kocherova1975@mail.ru
Chair of criminalistics;
Stavropol branch of the
Krasnodar University
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Kulakov Avenue 43, Stavropol, 355000,
Russian Federation

КОЧЕРОВ Ю.Н.,
kocherov71@mail.ru
Кафедра административного права
и административной деятельности;
Ставропольский филиал
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
355000, г. Ставрополь,
просп. Кулакова, 43

KOCHEROV Yu.N.,
kocherov71@mail.ru
Chair of administrative law
and administrative activities;
Stavropol branch of the
Krasnodar University
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Kulakov Avenue 43, Stavropol, 355000,
Russian Federation

ПРИМЕНЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ МОБИЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИОННО-ДОСМОТРОВЫХ КОМПЛЕКСОВ КАК СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЯДЕРНОМУ И РАДИОЛОГИЧЕСКОМУ ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация. Анализируется опасность для мира и существования человечества проявления ядерного и радиологического терроризма, стремления террористических организаций и группировок завладеть ядерными и радиоактивными материалами, средствами массового поражения. Аргументируется необходимость неотложных мер по выявлению и пресечению незаконного перемещения ядерных и радиоактивных материалов на территории всей страны. Полиция наряду с другими правоохранительными органами осуществляет противодействие терроризму. Однако для противостояния ядерному и радиологическому терроризму требуется особое оборудование. В настоящее время основным способом выявления ядерных и радиоактивных материалов является использование инспекционно-досмотровых комплексов. Авторами статьи представлен алгоритм действий сотрудников полиции в случае выявления объектов с повышенным уровнем гамма-излучения или нейтронного излучения с помощью мобильных инспекционно-досмотровых комплексов.

Ключевые слова: ядерный терроризм; радиологический терроризм; лучевая болезнь; государство; полиция; общественная безопасность; мобильный инспекционно-досмотровый комплекс.

THE USE OF THE MOBILE INSPECTION COMPLEXES BY POLICE OFFICERS AS A MEANS OF COUNTERING NUCLEAR AND RADIOLOGICAL TERRORISM

Annotation. The danger of the nuclear and radiological terrorism, as well as the desire of terrorist organizations and groups to acquire nuclear and radioactive materials and weapons of mass destruction for the peace and human existence is analyzed in the article. The necessity of urgent measures to detect and prevent the illicit trafficking of nuclear and radioactive materials throughout the country is substantiated. The police along with other law enforcement agencies counter terrorism. However, special equipment is required to counter nuclear and radiological terrorism. Currently, the main way of detecting nuclear and radioactive materials is the use of mobile inspection complexes. The authors of the article presented the algorithm of police officers' actions in case of revealing objects with high levels of gamma or neutron radiation with the help of mobile inspection complexes.

Keywords: nuclear terrorism; radiological terrorism; radiation sickness; state; police; public safety; mobile inspection complex.

Международный терроризм является одной из неразрешенных проблем, ставших особенно острыми в XXI веке. После военных конфликтов в Югославии, Ираке,

Афганистане, Ливии, Сирии, после террористических актов в государствах, расположенных на различных континентах, стало очевидным, что международный терроризм

необходимо рассматривать как глобальную угрозу, затрагивающую экономические, политические и социальные интересы государств и мирового сообщества. Существует большая вероятность получения и использования террористами средств поражения, соизмеримых по своему воздействию с оружием массового поражения.

Особую опасность для всего мира представляют проявления ядерного и радиологического терроризма, стремление террористических группировок и организаций завладеть ядерными и радиоактивными материалами, средствами массового поражения.

Особенность угрозы ядерного и радиологического терроризма заключается в том, что ядерное и радиологическое оружие может быть использовано террористами — людьми, которые не ограничены правовыми нормами, а ядерному и радиологическому оружию присуще свойство массового поражения населения, для них оно потенциально является одним из эффективных средств массового убийства и устрашения.

Рассмотрим понятия ядерного и радиологического терроризма. А.Б. Колдобский предложил следующие определения: ядерный терроризм — это «совокупность намерений и действий отдельных лиц либо групп лиц по созданию либо приобретению иным образом работоспособного ядерного взрывного устройства (ЯВУ) с последующим его применением или угрозой применения для достижения декларируемых ими политических, социальных и иных целей и намерений, а радиологический терроризм — это намерения и действия отдельных лиц или групп по завладению радиоактивными материалами с дальнейшим их использованием или угрозой использования с целью нанесения максимальных людских потерь, а также экологического ущерба, оказания сильного психологического воздействия на население для достижения определенных политических или экономических целей» [1].

А.С. Куликов привел следующее мнение российских экспертов: «...чисто теоретически акты ядерного и радиологического терроризма могут быть осуществлены тремя следующими способами: подрывом ядерного боеприпаса при условии наличия у террористов ядерного взрывного

устройства собственного изготовления или приобретенного у третьей стороны или посредника; проведением диверсий на ядерно опасных и радиационно опасных объектах; использованием радиоактивных материалов — даже невысокого уровня обогащения — для изготовления “грязной бомбы”, способной нанести большой ущерб за счет радиационного загрязнения территории в густонаселенной зоне» [2].

Пока ядерный и радиологический терроризм существует лишь теоретически, поскольку теракты подобного вида не осуществлялись в действительности. Тем не менее попытки заполучить ядерное оружие с целью воздействия на органы власти уже имели место. Так, А.С. Куликов привел ряд известных попыток совершения актов ядерного терроризма и заявлений (угроз) о намерении их совершения: «В 1975 г. одна из американских компаний в Калифорнии получила письмо с требованием выплатить 100 тысяч долларов, в котором говорилось, что в случае отказа на одном из заводов компании будет взорвано спрятанное там ядерное взрывное устройство. В 1980-х гг. пуэрториканские сепаратисты угрожали осуществлением терактов против ядерных объектов на территории США... В 1990-1992 гг. директора Курской и Смоленской АЭС получили письма с угрозами взрывов атомных электростанций... В 1995 г. стало известно, что японская религиозная секта “Аум Синрике” предполагала изготовить ядерное взрывное устройство и затем совершить акты ядерного терроризма. В 1997 г. была обезврежена группа, намеревавшаяся захватить Курскую АЭС...» [2].

Террористы с Северного Кавказа предпринимали достаточно серьезные шаги по осуществлению ядерных терактов. Известно об их планах захватить атомную подводную лодку с ядерным оружием на борту. В 2001 г. террористические структуры пытались провести разведку систем охраны и обороны двух баз хранения ядерного оружия. Эти попытки окончились неудачей. В ноябре 1995 г. в Измайловском парке г. Москвы чеченскими экстремистами был закопан контейнер с радиоактивным цезием-137. После его обнаружения Д. Дудаев заявил: «То, что мы продемонстрировали в Измайловском парке всему мировому сообществу и Москве, — это мизерная доля

тех радиоактивных веществ, которые мы имеем». Угроза Дудаева имела под собой реальную основу. В грозненском районе находился спецкомбинат по захоронению радиоактивных веществ – «Радон», где хранились кобальт-60, цезий-137, туллий-170, иридий-192. Этот объект оказался в руках экстремистов, однако в ходе боевых действий контроль над комбинатом был восстановлен [3].

Л. Старчик пишет, что «...в 1998 г. на обочине шоссе Грозный – Аргун нашли маленькую железную болванку с источником излучения, дающую до 200 рентген в час. При кратковременном контакте с ним 2 человека получили сильные ожоги, одному из них в московской клинике пришлось ампутировать кисть руки. Они не запомнили место, где оставили опасную находку. Для поисков источника была создана специальная группа, которая его нашла и обезвредила. Это был источник для лучевой терапии из разрушенной в ходе боевых действий онкологической клиники» [4].

А. Белов изучил события, произошедшие в г. Мурманске 25 ноября 2003 г.: «обвинительным приговором завершился один из самых скандальных судебных процессов последнего времени, получивший в прессе название “дело о продаже “грязной бомбы”». Признан виновным и осужден заместитель директора ФГУП “Атомфлот”, который двумя месяцами ранее пытался продать капсулу, в которой находился примерно 1 килограмм радиоактивного вещества, содержавшего уран-235, уран-238 и радий-226. Согласно заключениям специалистов, распространение данного вещества в местах массового пребывания людей, загрязнение им почвы или воды в пунктах коллективного водозабора способно было нанести огромный ущерб здоровью населения. Фактически это была готовая к употреблению “грязная” радиационная бомба. Эксперты особо отметили, что изъятый материал вполне мог быть использован для актов террора» [5].

В целом, по данным ООН, ежегодно происходит более 100 случаев краж и других несанкционированных действий с ядерными и радиоактивными материалами [6].

Приведенные выше примеры показывают, что необходимость усиления защищенности нашей страны от возможного

применения ядерных и радиоактивных материалов возрастает.

Одним из наиболее важных направлений по противодействию террористическим угрозам стало осуществление осмотра и досмотра транспортных средств и грузов с помощью мобильных инспекционно-досмотровых комплексов [7, с. 407]. Инспекционно-досмотровый комплекс – техническое средство контроля (комплекс технических средств), использующее проникающее ионизирующее излучение для получения изображения и анализа содержимого крупногабаритных грузов и транспортных средств [8, с. 243]. Данные комплексы в настоящее время применяются Таможенными органами Российской Федерации при контроле поступающих грузов через государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза. Но это не решает проблему контроля возможного несанкционированного перемещения ядерных и радиоактивных материалов по территории Российской Федерации. Для решения этого вопроса необходимо применение мобильных инспекционно-досмотровых комплексов внутри страны на административных границах, крупных транспортных узлах.

Полиция, выполняя возложенные на нее задачи, выступает одной из основных структур, противодействующих терроризму. «Сотрудники полиции принимают и регистрируют (в том числе в электронной форме) заявления и сообщения о преступлениях террористической направленности, причем, в отличие от иных, данная категория сообщений подлежит обязательной регистрации и проверке даже при анонимном сообщении... После поступления сообщения о готовящемся взрыве именно сотрудники полиции прибывают незамедлительно на место совершения преступления, производят оцепление опасной территории до приезда специализированных служб, информируют соответствующие государственные и муниципальные органы, организации о ставших известными полиции фактах, при необходимости оказывают первую помощь лицам, пострадавшим от преступления, обеспечивают сохранность следов преступления. Значительная часть работы по предупреждению терроризма (или профилактики терроризма) проводится структурными

подразделениями полиции, которые обеспечивают охрану общественного порядка... Подразделениями ГИБДД периодически проводятся операции "противодействие терроризму", в ходе которых выявляется и изымается незаконно хранящееся оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, что также способствует пресечению совершения террористических актов. Особое внимание полицией уделяется предотвращению терактов на всех видах транспорта, которые потенциально влекут за собой наступление тяжких последствий, сопряженных с массовой гибелью людей» [9, с. 21-22].

В 2014 г. в структуре МВД России были созданы подразделения, деятельность которых направлена на осуществление досмотровых мероприятий с помощью мобильных инспекционно-досмотровых комплексов в зоне ответственности федеральных контрольно-пропускных пунктов на территории Северо-Кавказского федерального округа.

Мобильные инспекционно-досмотровые комплексы оснащены дополнительной панелью обнаружения пассивного гамма-излучения и нейтронного излучения (Rad Nuke). Она полностью интегрируется в систему сканирования и позволяет одновременно использовать рентгенографические функции и функции обнаружения пассивного излучения.

Данные гамма-излучения и нейтронного излучения накладываются на рентгеновское изображение, чтобы определить положение опасных ядерных и радиоактивных материалов по отношению к грузу и осматриваемому транспортному средству. Сотрудник полиции, осуществляющий осмотр транспортных средств, получает сигнал тревоги гамма-излучения или нейтронного излучения (имеет высокий уровень, если мощность гамма-излучения и нейтронного излучения превышает заданный уровень, и сохраняет высокий уровень в течение не менее 2 секунд после создания сигнала тревоги).

Приказ Роспотребнадзора N 1149 и ФСБ России N 623 от 6 декабря 2012 г. «Об утверждении Порядка действий пограничных органов и территориальных органов Роспотребнадзора при выявлении источников ионизирующего излучения в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации

с государствами – членами Таможенного союза»* определяет алгоритм действий сотрудников пограничных органов при выявлении источников ионизирующего излучения.

На основании этого приказа и с учетом специфики работы сотрудников полиции на мобильных инспекционно-досмотровых комплексах нами была разработана примерная инструкция (алгоритм действий) для сотрудников полиции в случае выявления объектов с повышенным уровнем гамма-излучения или нейтронного излучения с помощью мобильных инспекционно-досмотровых комплексов:

1) установить визуально факт срабатывания дополнительной панелью обнаружения пассивного гамма-излучения или нейтронного излучения (Rad Nuke);

2) зафиксировать и сохранить информацию о срабатывании излучения (гамма-излучение или нейтронное излучение), а также сохранить и распечатать характеристики объекта, вызвавшего срабатывание технического средства;

3) определить положение объекта срабатывания с повышенным уровнем гамма-излучения или нейтронного излучения по отношению к грузу и осматриваемому транспортному средству;

4) измерить мощность дозы ионизирующего излучения с использованием переносных поисковых приборов радиационного контроля;

5) удалить данный объект с повышенным уровнем гамма-излучения или нейтронного излучения на безопасное расстояние и принять меры по недопущению доступа к нему людей;

6) незамедлительно доложить руководителю (начальнику), которому подчинен по службе, о факте выявления объекта с повышенным уровнем гамма-излучения или нейтронного излучения, наименование груза, параметры срабатывания технического средства (дата, время, событие, вид излучения (гамма-излучение или нейтронное излучение), значение мощности дозы ионизирующего излучения);

7) доложить в территориальный орган Роспотребнадзора о факте выявления объекта с повышенным уровнем гамма-излучения или нейтронного излучения;

* Рос. газ. 2013. 30 янв.

8) действовать в соответствии с полученными от территориального органа Роспотребнадзора рекомендациями;

9) обеспечить доступ сотрудников территориального органа Роспотребнадзора к выявленным объектам с повышенным уровнем гамма-излучения или нейтронного излучения.

Подведем итоги:

– во-первых, ядерный и радиологический терроризм – разновидности терроризма. Ядерный терроризм – это приведение в действие в террористических целях похищенных или самостоятельно изготовленных ядерных (термоядерных) взрывных устройств, радиологический терроризм – это заражение в террористических целях объектов и местности ядерными или радиоактивными материалами;

– во-вторых, необходимо принимать уже сейчас неотложные меры по выявлению и пресечению незаконного перемещения ядерных и радиоактивных материалов не только в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации, но и по территории всей страны;

– в-третьих, в системе служебной подготовки, профессиональной подготовки и повышения квалификации следует предусмотреть занятия по противодействию ядерному и радиологическому терроризму;

– в-четвертых, порядок действий различных категорий сотрудников полиции при выявлении ядерных и радиоактивных материалов должен быть регламентирован нормативными правовыми актами МВД России.

Список литературы

1. Колдобский А.Б. Обсуждаем ядерный терроризм: начнем с физики // Физика. 2000. N 28. URL: http://fiz.1september.ru/2000/no28_1.htm (дата обращения: 11 мая 2016 г.).

2. Куликов А.С. Доклад на международном семинаре «Противодействие ядерному и радиологическому терроризму» в Государственной Думе России от 27.09.2007 года. URL: <http://kvrf.milportal.ru/wp-content/uploads/2015/11/8.pdf> (дата обращения: 11 мая 2016 г.).

3. Ядерный терроризм // Современная армия: портал. URL: <http://www.modernarmy.ru/article/268/yaderniy-terrorizm.yu> (дата обращения: 11 мая 2016 г.).

4. Старчик Л. «Грязная бомба». URL: http://nnm.me/blogs/OlDi/gryznaya_bomba (дата обращения: 11 мая 2016 г.).

5. Белов А. Атомная бомба десять лет валялась на свалке // Агентство федеральных расследований FLB.ru. URL: <http://flb.ru/info/23119.html> (дата обращения: 11 мая 2016 г.).

6. Солопов М. Они понятия не имели, что украли. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2013/12/05/5784521.shtml> (дата обращения: 11 мая 2016 г.).

7. Димитров А.Н., Кочеров Ю.Н. Актуальные вопросы применения сотрудниками полиции мобильных инспекционно-досмотровых комплексов и рентгенотелевизионных интроскопов по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика V всерос. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Васильевича Денисенко. Краснодар, 2016. С. 406-410.

8. Харитонов А.Н., Моховиков О.В., Лазоренко А.В. Применение и основные виды инспекционно-досмотровых комплексов // Транспортное право. 2015. N 4. С. 14-19.

9. Тхаровская О.Ю. Значение полиции о реализации антитеррористической функции государства // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. N 2 (5). С. 20-25.

Раздел 10. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ВЕРХОТУРОВА С.В., VERKHOTUROVA S.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
verhoturova00@mail.ru, associate professor,
Кафедра уголовно-правовых дисциплин; verhoturova00@mail.ru
Филиал Московского института Chair of criminal law disciplines;
государственного управления и права The branch of the Moscow Institute
в Тюменской области, of Public Administration and Law
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75 in the Tyumen region,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. В последнее время вопросы назначения и производства экспертизы на этапе проверки сообщения о преступлении, то есть на стадии возбуждения уголовного дела, вызывают особый интерес у ученых и практиков. Это связано прежде всего с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ, который наделил следователя (дознавателя) правом назначать судебную экспертизу и принимать участие в ее производстве до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела с целью определения наличия признаков преступления. Однако некоторые вопросы (порядок назначения и производства судебной экспертизы в отношении участников стадии возбуждения уголовного дела, а также документальное оформление данной процессуальной деятельности) требуют законодательного урегулирования в целях обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: судебная экспертиза; стадия возбуждения уголовного дела; эксперт; следственное действие.

SOME ISSUES OF APPOINTMENT AND CARRYING OUT THE FORENSIC EXAMINATION AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

Annotation. Recently, the issues of appointment and carrying out the forensic examination at the stage of verification of a crime report, that is, at the stage of initiating a criminal case, are of particular interest to researchers and practitioners. This is primarily due to the adoption of the Federal Law of March 4, 2013 No. 23-FL, which gave the investigator the right to appoint a forensic examination and to take part in its carrying out before making the decision to initiate a criminal case to determine the presence of elements of crime. However, some issues (the order of the appointment and carrying out the forensic examination concerning the participants of the stage of initiating a criminal case, as well as the documentation of this procedural activity) require legislative regulation to ensure the rights and legitimate interests of the participants in criminal proceedings.

Keywords: forensic examination; stage of initiating a criminal case; expert; investigative action.

Стадия возбуждения уголовного дела на современном этапе является первоначальной, обязательной, самостоятельной стадией уголовного процесса, имеющей свои особенности. Эффективность процессуальной деятельности, осуществляемой на этой стадии, во многом предопределяет достижение назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

От своевременности возбуждения уголовного дела во многом зависит успех его дальнейшего расследования. Нарушения, допущенные на этом этапе, нередко влекут невозможность в дальнейшем

утрату доказательств по уголовному делу. В связи с этим законное и своевременное возбуждение уголовного дела обеспечивает защиту интересов общества и государства, а также прав и законных интересов потерпевших от преступления. С другой стороны, законный и обоснованный отказ в возбуждении уголовного дела также является гарантией прав личности, ограждая ее от необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством производство всего комплекса следствен-

ных действий в полном объеме (главы 24-27 УПК РФ) становится возможным лишь после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Одним из основных следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела является судебная экспертиза, без которой не обходится ни одно уголовное производство, так как, согласно ст. 74 УПК РФ, заключение эксперта и показания эксперта — самостоятельное процессуальное доказательство при условии соблюдения правил допустимости (ст.ст. 75, 89 УПК РФ).

В научной литературе по вопросам судебной экспертизы длительное время велась дискуссия. Одни авторы предлагали разрешить производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела [1; 2], так как это будет способствовать уточнению и выдвиганию оперативных и следственных версий, результативно планированию расследования. Другие были категорически против этого [3; 4], связывая это с соблюдением границ между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, а также с соблюдением прав личности на данном этапе уголовного судопроизводства. По их мнению, следственные действия сопряжены с процессуальным принуждением и вторжением в область интересов и прав личности, поэтому их применение на этапе проверки сообщения о преступлении не может быть ничем оправдано.

Федеральный закон от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* расширил перечень следственных действий, которые могут производиться следователем, дознавателем до вынесения постановления о возбуждения уголовного дела, и разрешил назначение судебной экспертизы, принятие участия в ее производстве и получение заключения эксперта в разумный срок (а также освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, осмотр документов и предметов и др.). Полагаем, что сроки в данном случае, согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ, должны соответствовать срокам проверки сообщения о преступлении (3, 10 и 30 суток), так как незавершенность эксперт-

ного исследования не может повлиять на возможность продления предельного срока стадии возбуждения уголовного дела. Действующий УПК РФ не устанавливает конкретные сроки производства экспертизы, а эксперт не всегда имеет возможность закончить экспертное исследование в сроки, установленные для проверки сообщения о преступлении. Истечение же сроков проверки сообщения о преступлении не является для эксперта основанием для окончания экспертизы. В связи с этим будет разумным ставить эксперта в известность о принятом решении, как и других заинтересованных участников процесса (ст. 135 УПК РФ) [5, с. 10]. Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

Таким образом, в уголовном судопроизводстве был решен вопрос о назначении и производстве судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, а также об участии в ней следователя (дознателя) и получении заключения эксперта**. Действительно, в следственной практике не всегда возможно решить вопрос о возбуждении уголовного дела без предварительного экспертного исследования. Так, например, принадлежность вещества к категории наркотиков может быть определена только экспертным путем. Без экспертизы телесных повреждений часто невозможно определить, к делам частного или публичного обвинения относится деяние. Насильственный или ненасильственный характер смерти также может быть установлен лишь посредством судебно-медицинской экспертизы. В связи с этим на этапе возбуждения уголовного дела должны назначаться прежде всего экспертизы, с помощью которых можно установить признаки преступлений и тем самым обеспечить законность решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в этом.

** Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2010 г. N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (см.: Рос. газ. 2010. 30 дек.) не разъясняет вопросы назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела.

* Рос. газ. 2013. 6 марта.

Применение ч. 1 ст. 144 УПК РФ в следственной и судебной практике вызывает и другие вопросы, которые требуют своего законодательного разрешения. Рассмотрим некоторые из них. Назначение и производство судебной экспертизы в соответствии с нормами главы 27 УПК РФ «Производство судебной экспертизы» возможно лишь в отношении определенного круга участников уголовного судопроизводства: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, которые в силу своего правового статуса имеют процессуальные гарантии обеспечения их прав и интересов. На стадии возбуждения уголовного дела данный круг участников отсутствует. Здесь имеют место: заявитель; очевидец; пострадавший; лицо, явившееся с повинной; лицо, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела, т.е. круг участников процесса, в отношении которых законодатель в главе 20 УПК РФ «Поводы и основание возбуждения уголовного дела» не предусмотрел специального порядка назначения и производства судебной экспертизы, а также не сделал ссылку на главу 27 УПК РФ «Производство судебной экспертизы», регламентирующую четкий процессуальный порядок производства судебной экспертизы, который включает: вынесение постановления о назначении экспертизы, ознакомление с постановлением заинтересованных лиц и разъяснение им прав, получение в необходимых случаях письменного согласия потерпевшего и свидетеля на их экспертное обследование, получение заключения эксперта и ознакомление с ним заинтересованных лиц.

Кроме того, следует отметить, что в некоторых случаях при решении вопроса о возбуждении уголовных дел и выяснении всех обстоятельств происшествия сложно своевременно определить статус участников уголовного процесса, что не позволяет в полной мере обеспечить их права и интересы в уголовном процессе. Возникает вопрос: «В каком порядке следует назначать и производить судебную экспертизу в отношении лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений, но не имеющих статуса подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля?».

Далее, в главе 20 УПК РФ законодатель не дает ответа и на вопрос о том,

возможно ли принудительное экспертное исследование в отношении живого лица до возбуждения уголовного дела? Согласно ст.ст. 26 и 28 Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»* (далее – Закон N 73-ФЗ) на экспертизу могут быть направлены только те живые лица, круг которых определяется процессуальным законом. Если в процессуальном законодательстве Российской Федерации не содержится прямого указания на возможность принудительного направления лица на судебную экспертизу, то государственное судебно-экспертное учреждение не вправе производить судебную экспертизу в отношении этого лица в принудительном порядке. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что на стадии возбуждения уголовного дела не должно допускаться принудительное экспертное исследование, так как действующий УПК РФ не предусматривает применение мер принуждения на данном этапе уголовно-процессуальной деятельности. Заключение эксперта, полученное в результате принудительного производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, должно быть признано недопустимым доказательством и исключено из числа доказательств, предусмотренных статьей 74 УПК РФ. Например, недопустимо проведение на этапе проверки сообщения о преступлении судебно-психиатрической экспертизы, поскольку она сопряжена с существенным процессуальным принуждением (помещением лица в медицинский стационар и др.) и по времени может быть довольно продолжительной.

Кроме того, следует учитывать, что данный вид экспертизы требует особой подготовки материалов для экспертов, а на стадии возбуждения уголовного дела собрать этот материал не представляется возможным без проведения отдельных следственных действий, которые могут проводиться лишь после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Например, при производстве судебно-психиатрической экспертизы экспертам требуется знание фактических обстоятельств, которые можно установить только на стадиях предварительного расследования или судебного разбирательства. Так, им

* Рос. газ. 2001. 5 июня.

необходимо знать, какие именно действия были совершены тем или иным лицом, каковы взаимоотношения между теми или иными лицами. Экспертам иногда бывают необходимы подробные биографические (анамнестические) сведения, полученные из различных источников, и другая информация, которую сложно собрать в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении и которая, скорее всего, будет меняться на последующих этапах уголовного судопроизводства.

Но как должен поступить следователь (дознатель), если без проведения судебно-психиатрической экспертизы невозможно решить вопрос о возбуждении уголовного дела? Полагаем, что в данном случае следует возбудить уголовное дело и лишь затем назначить судебную экспертизу в установленном законом порядке (гл. 27 УПК РФ).

Представляется, что на этапе проверки сообщения о преступлении не следует проводить сложные виды экспертиз (в том числе комиссионные, комплексные), требующих длительных процессуальных сроков, предварительной подготовки, учитывая, что назначение судебной экспертизы иногда может сопровождаться другими следственными действиями, необходимыми для обеспечения полноты и объективности экспертного исследования (например, получением образцов для сравнительного исследования, получением решений судебных органов в случае применения мер принуждения в отношении живого лица и др.). При затруднении в выборе соответствующего вида экспертизы следователям (дознателям) можно получить предварительную консультацию специалиста в соответствующей области знаний (например, до вынесения постановления о назначении почерковедческой экспертизы следователям необходимо консультироваться с сотрудниками отделения почерковедческих экспертиз по сложным аспектам достаточности объектов экспертизы, подготовки экспериментальных образцов почерка, отбора свободных и условно-свободных образцов, постановки вопросов экспертам и др.).

К сожалению, в действующем законодательстве можно обнаружить явное несоответствие норм УПК РФ и Закона N 73-ФЗ. Так, в ст. 19 Закона N 73-ФЗ определено:

«Основаниями производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении являются определение суда, постановления судьи, лица, производящего дознание, следователя или прокурора. Судебная экспертиза считается назначенной со дня вынесения соответствующего определения или постановления». Однако согласно п. 25 ст. 5 УПК РФ постановлением является любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично; решение, вынесенное президиумом суда при пересмотре соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу; решение прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя, вынесенное при производстве предварительного расследования, за исключением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. Из вышеизложенного следует, что законодатель не предусматривает в УПК РФ вынесение постановления о назначении судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела [6, с. 15].

С целью решения указанных проблем предлагается дополнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ следующим положением: «При проверке сообщения о преступлении судебная экспертиза назначается и проводится в порядке главы 27 УПК РФ. Следователь, дознаватель знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы заявителя, пострадавшего, очевидца, лицо, явившееся с повинной, лицо, в отношении которого решается вопрос о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, а также защитника и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 настоящего Кодекса. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем, дознавателем и лицами, которые ознакомлены с постановлением. Принудительное экспертное исследование живых лиц в случаях, указанных в п. 3 ч. 2 ст. 29 настоящего Кодекса, при проведении проверки сообщения о преступлении не допускается».

Полагаем также, что в ч. 2 ст. 37 УПК РФ необходимо предусмотреть п. 2.1 следующего содержания: «прокурор уполномочен проверять законность и обоснованность назначения экспертизы при проверке сообщения о преступлении».

В целях регламентации прав экспертов (как из государственных, так и негосу-

дарственных судебно-экспертных организаций) на стадии возбуждения уголовного дела) п. 1 ч. 3 ст. 57 УПК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «эксперт вправе знакомиться с материалами уголовного дела, а также с материалами проверки сообщения о преступлении, если они относятся к предмету судебной экспертизы».

Таким образом, вопросы назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела по-прежнему остаются актуальными и требуют дальнейшего законодательного разрешения в целях всестороннего, полного и объективного расследования уголовных дел и обеспечения прав и интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 100-107.
2. Белозеров Ю.Н., Чувилев А.А. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела: учеб. пособие. М., 1973.
3. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975.
4. Арсеньев В.Д. Использование специальных медицинских знаний до возбуждения уголовного дела. М., 1976.
5. Грачев С.А. Реально ли в настоящее время производство экспертизы до возбуждения уголовного дела? // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 10-13.
6. Гришин А.В. Проблемы правовой регламентации производства судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2014. № 1.

КУЛЕШОВ Р.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
rv111@mail.ru
Отдел координации научной деятельности
в Министерстве внутренних дел
Российской Федерации;
Департамент государственной
службы и кадров
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
125009, г. Москва, Газетный переулок, 6

KULESHOV R.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor, rv111@mail.ru
Department for coordination
of scientific activities
in the Ministry of the Interior
of the Russian Federation;
Public Service and Personnel Department
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation;
Gazetny Lane 6, Moscow, 125009,
Russian Federation

РОЛЬ СУДЕБНО-АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ТИПИЧНЫЕ ЗАДАЧИ, ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ, СООТНОШЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ ВИДАМИ ЭКСПЕРТИЗ

Аннотация. В статье раскрыта сущность и возможности судебного автороведения применительно к установлению обстоятельств совершения преступлений экстремистской и террористической направленности. Уточнены типичные задачи, разрешаемые в рамках судебного автороведения, проанализированы ситуации, требующие назначения судебных экспертиз для исследования

текстов, отражающих идеологию насилия, склоняющих на путь террористической деятельности, содержащих пропаганду превосходства определенной социальной общности над другими и т.д. С помощью примеров из судебной практики особое внимание обращено на обстоятельства, требующие при исследовании различных текстов назначения комплексных судебных экспертиз, в структуре которых пока еще недостаточное внимание уделяется религиозоведческой составляющей.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; преступления экстремистской и террористической направленности; экстремистская деятельность; террористическая деятельность; судебные экспертизы; специальные знания; расследование; автороведение; автороведческие экспертизы; идеология.

THE ROLE OF FORENSIC STUDY OF WRITING TO ESTABLISH THE AUTHOR OF THE TEXT IN THE INVESTIGATION OF CRIMES OF EXTREMIST AND TERRORIST NATURE: TYPICAL TASKS, FEATURES OF APPOINTMENT, THE RATIO WITH RELATED TYPES OF EXPERTISE

Annotation. The nature and possibilities of forensic study of writing to establish the author of the text in relation to the establishment of the circumstances of committing the crimes of extremist and terrorist nature are analyzed in the article. The typical tasks solved within the framework of forensic study of writing to establish the author of the text are specified. The author analyzes the situations requiring the appointment of forensic examination for the study of the texts that reflect the ideology of violence, incline towards terrorist activities, contain the propaganda of the superiority of a particular social community over the other ones, etc. Using the examples from judicial practice, the author pays special attention to the circumstances requiring the appointment of complex forensic examinations for the study of various texts. It should be noted that still insufficient attention is paid to the religious component in the structure of such examinations.

Keywords: extremism; terrorism; crimes of extremist and terrorist nature; extremist activities; terrorist activities; forensic examination; special knowledge; investigation; the study of writing to establish the author of the text; expertise, including the study of writing to establish the author of the text; ideology.

Среди судебных экспертиз, осуществляемых при расследовании преступлений экстремистско-террористической направленности, большую значимость стала приобретать судебная автороведческая экспертиза, относящаяся к классу речеведческих экспертиз. Как известно, судебное автороведение как система знаний предназначено для установления автора текста посредством анализа особенностей письменной речи [1]. Современные условия судебно-следственной практики свидетельствуют о постепенном возрастании интереса следователей и судей к автороведческим судебным исследованиям как источнику высокоинформативной доказательственной информации. Если раньше такие исследования в рамках уголовного процесса проводились достаточно редко, то теперь промежуточные судебно-следственные ситуации, требующие обращения к знаниям в сфере судебного автороведения, актуализируются все чаще.

Эта общая тенденция обусловлена различными взаимосвязанными причинами. Наиболее заметные из них – технический прогресс и экспансия высококачественных средств компьютерной и офисной техники в жизнь различных слоев

населения, что обусловило большую актуальность и распространенность текстов, выполненных с помощью компьютерного набора, а также впоследствии скопированных, растиражированных и распространенных с помощью средств связи [2, с. 21-26], по сравнению с рукописными текстами.

Применительно к расследованию преступлений экстремистской и террористической направленности судебное автороведение играет особую роль. Распространение различных текстов, отражающих идеологию насилия [3, с. 59-63], склоняющих на путь террористической деятельности [4, с. 31-35], а также разжигающих межнациональную рознь и содержащих пропаганду превосходства определенной социальной общности над другими [5, с. 115-118; 6, с. 94-97], побуждающих к совершению агрессивных и иных неправомерных действий (убийство, причинение вреда здоровью, бойкот, нарушение прав и законных интересов и т.д.), нередко осуществляется последовательно через цепочку лиц, лично знакомых или не знакомых между собой. Судебное автороведение исследует тексты на предмет установления автора и криминалистически значимых сведений о

нем независимо от способа изготовления документа и собственно текста: написание рукописного оригинала или переписывание исходного текста от руки, написание под диктовку другого лица, тиражирование с помощью множительной техники, набор на компьютере и распечатывание на принтере, изготовление полиграфическим способом, распространение с помощью телекоммуникационных технологий и т.д. В этих случаях потребность в определении авторов текстов может также осложняться необходимостью исследования текстов, выполненных в соавторстве, с подражанием представителям определенных социальных групп или конкретным лицам, выполненных в виде коротких SMS, и т.д.

По делам о преступлениях экстремистско-террористической направленности автороведческая экспертиза назначается для разрешения как идентификационных, так и диагностических задач [7, с. 394-404].

Идентификационная судебно-автороведческая экспертиза разрешает две основные группы задач:

- является ли конкретное лицо автором текста;

- является ли конкретное лицо автором нескольких различных текстов (например, содержащихся в нескольких листовках призывах к борьбе с существующим строем, свержению правительства и т.д.).

Диагностические задачи, разрешаемые в рамках судебной автороведческой экспертизы, более разноплановы:

- определение пола и примерного возраста автора текста;

- социально-биографические характеристики автора текста (уровень образования, специальность, профессия, интеллект, навыки составления текстов в научном, художественном или публицистическом стиле и т.п.);

- регион проживания (постоянного пребывания);

- нахождение автора в необычном психофизиологическом состоянии;

- намеренное изменение письменной речи.

Информация об этом выявляется в результате анализа специфики структурной организации текста. Особенности языковых и понятийных структур текста отображают признаки письменной речи [8].

Например, согласно материалам уголовного дела о преступлении экстремистской направленности результаты автороведческой экспертизы, объектом которой явились две листовки с содержательно различным текстом пропагандистского характера, позволили ответить на идентификационные и диагностические вопросы. Автором и составителем обеих листовок является одно и то же лицо. Социально-биографическая характеристика автора листовок, исходя из выводов автороведческой экспертизы, включала следующие данные: мужчина среднего возраста (25-30 лет), имеющий высшее образование гуманитарной направленности (преподаватель, журналист, общественный деятель, публицист), на высоком уровне обладающий навыками публицистической речи, характерном для лиц, которые систематически осуществляют устные публичные выступления (лекции, сообщения, доклады, интервью, презентации), родным языком является русский, национальность – русский, психические расстройства не выявлены, город проживания совпадает с местом совершения преступления экстремистской направленности*.

Вместе с тем изучение судебно-следственной практики по делам о преступлениях указанной категории свидетельствует о потребности более продуктивного использования потенциала судебного автороведения в плане идентификации автора текста. Необходимым условием осуществления идентификации автора текста является получение и предоставление эксперту более обширной совокупности образцов для сравнительного исследования, соответствующих требованиям, предъявляемым к ним, и позволяющих по своим свойствам, системе идентификационных признаков сформулировать обоснованный вывод о тождестве. К сожалению, следователи пока не всегда предоставляют эксперту образцы для исследования, удовлетворяющие критериям, предъявляемым к образцам для сравнительного исследования в количественном и качественном аспекте. Отсутствие категоричного вывода об идентификации текста в рамках судебного автороведения позволяет подозреваемым, обвиняемым, осуществляя линию

* Материалы уголовного дела N 200925408/14 // Архив Тюменского областного суда. 2010 г.

поведения, направленную на защиту от уголовного преследования, не признавать себя виновным и выражать различные контрверсии. Соответственно, следователям необходимо более тщательно и тактически грамотно [9, с. 5-10; 10, с. 62-66], с учетом современных гарантий защиты прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого [11, с. 11-16], иных проходящих по уголовному делу лиц планировать и осуществлять следственные действия, направленные на внезапное для участников судопроизводства обнаружение и изъятие предметов, документов и иных носителей криминалистически значимой информации [12, с. 162-165; 13, с. 216-222].

При наличии ситуации, когда воплощению мотивов и целей подозреваемых (обвиняемых) способствовало создание каких-либо статей, книг, листовок, видеопленок или аудиороликов и т.д., в которых имеются признаки экстремистской идеологии, недостаточно ограничиваться автороведческим исследованием.

Помимо судебно-автороведческой экспертизы, целесообразно назначить комплексную судебную экспертизу с использованием знаний не только в области речеведения, но и в области психологии и религиоведения (политологии, социологии, философии, иных специальностей, в зависимости от того, мотивы какой направленности инкриминируются субъектам преступлений: политические, идеологические, расовые, национальные и т.д.).

Следовательно, в составе экспертной комиссии должны присутствовать специалисты, представляющие все направления, указанные в наименовании комплексной экспертизы. Например, если исследуется текст, в котором имеется религиозная тематика побудительного характера, необходимо, чтобы в составе комиссии экспертов кроме филологов и психологов были также и специалисты в сфере религиоведения.

К сожалению, этот аспект не всегда учитывается в правоприменительной практике. Невыполнение этого условия приводит к тому, что специалисты смежных областей – филологи либо психологи в отсутствие специалистов-религиоведов не всегда верно оценивают содержание текстов как проповедующих исключительность той или иной религиозной (полити-

ческой, национальной и т.д.) общности по сравнению с другими.

Например, комплексное судебное исследование различных выпусков брошюр «Пробудитесь» и «Сторожевая башня», распространяемых организацией «Свидетели Иеговы», а также книг «Моя книга библейских рассказов», «Секрет семейного счастья» и других материалов, признанных впоследствии экстремистскими, осуществлявшееся судебно-экспертной комиссией Кемеровского государственного университета, показало, что тексты этих изданий в целом направлены на возбуждение ненависти в отношении христианской религии и христианских церковнослужителей как социальной группы. С точки зрения психологии тексты данных материалов оказывают внешнее воздействие на эмоциональную сферу и мировоззрение читателя, выступая соответствующим стимулом. Эти стимулы способны становиться внутренними побудительными мотивами, оказывая побудительное воздействие на сознание, волю и поведение человека при условии совпадения взглядов, чувств, настроений, интересов, стремлений читателя и авторов. Вместе с тем текст представленных на исследование материалов позволяет сохранить читателю возможность выбора и следование собственной позиции*.

В процессе предварительного следствия были назначены иные судебные экспертизы по исследованию данных материалов, а также получено суждение специалистов, касающееся выводов экспертов. В результате вполне справедливые критические суждения специалистов вызвало неполное соответствие наименования экспертизы ее содержанию, поставленным вопросам и сформулированным выводам. В названии говорилось о применении знаний в сфере религиоведения (наряду с психологией и филологией), тогда как фактически исследования в сфере религиоведения не проводились. Перед экспертами не ставились вопросы в сфере религиоведения, да и в комиссии экспертов не было религиоведов.

Некоторые вопросы были признаны некорректными самими экспертами, в свя-

* Материалы уголовного дела N 1-5/2011 // Архив Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай. 2011 г.

зи с чем вместо ответов эксперты изложили мотивированный отказ от рассмотрения этих вопросов. Отсутствие в комиссии лица, являющегося специалистом в сфере религиоведения, повлекло формирование не вполне обоснованных выводов о признании материалов экстремистскими по такому критерию, как выражение преимуществ религиозных взглядов учения Свидетелей Иеговы в сочетании с формированием негативного образа в отношении традиционного христианства (католицизма либо православия).

Возникла потребность в применении смежной формы специальных знаний в виде допроса специалиста, предметом которого явилось разъяснение содержания данной судебной экспертизы. В ходе допроса в качестве специалиста лица, обладающего специальными знаниями в сфере религиоведения, установлено, что любая религия обосновывает истинность своего учения, в том числе и по отношению к иным религиозным учениям. Соответственно, здесь нужно говорить не о формировании отрицательного образа иных религиозных воззрений, а о специфических особенностях религиозной литературы. Слабым оказался анализ данных печатных изданий и в сфере филологии и психологии, а именно: цитаты исследовались без контекста, что существенно искажало их подлинный смысл. Кроме того,

не были указаны научно-практические методы, позволяющие проверить обоснованность и достоверность выводов экспертов. Суд, считая невозможным положить результаты данной экспертизы в основу обвинения, провозгласил оправдательный приговор.

Таким образом, судебно-следственная практика свидетельствует о том, что процессу назначения и проведения вышеуказанных экспертиз присущи различные недостатки:

- некорректная формулировка вопросов;
- перепоручение разрешения ряда вопросов экспертам из смежных направлений;
- недооценка возможностей таких экспертиз, как религиоведческая, политологическая, социогуманитарная, и других экспертиз, непосредственно исследующих конкретные мотивы совершения преступлений экстремистской направленности.

С другой стороны, анализ правоприменительной практики в данной сфере подтверждает высокую потребность и преимущества в назначении комплексных судебных экспертиз, при которых одни и те же объекты исследований не только проходят по различным видам экспертиз, но и нуждаются в исследовании одновременно специалистами из разных областей знаний.

Список литературы

1. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: СТЭНСИ, 2003.
2. Варданян А.В., Цыкора А.А. Правовая природа и тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и анализом информации о телекоммуникационных соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. N 4-2. С. 21-26.
3. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Типология агрессии и формы ее проявления в структуре мотивации экстремистской и террористической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. N 2 (25). С. 59-63.
4. Варданян А.В., Кулешов Р.В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. Т. 4. N 42. С. 31-35.
5. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистическому научному обеспечению антитеррористической и антиэкстремистской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. N 8. С. 115-118.
6. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический и правовой аспекты // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2015. N 4. С. 94-97.
7. Дроздова Т.Н. Диагностические и классификационные задачи в автороведческой экспертизе блогов // Актуальные проблемы российского права. 2010. N 2 (15). С. 394-404.
8. Бастрыкин А.И. Криминалистическое исследование письма. СПб., 2002.

9. Варданян А.В., Варданян Г.А. Теоретико-методологические проблемы криминалистической тактики в контексте современной модели уголовного процесса // Юрист-Правоведъ. 2015. N 6 (73). С. 5-10.

10. Варданян А.В. Криминалистическая тактика в контексте современной парадигмы уголовного судопроизводства: некоторые теоретико-методологические проблемы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. N 4 (22). С. 62-66.

11. Коновалов С.И., Айвазова О.В. Разделение равнозначных процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела в системе принципов уголовного судопроизводства: современные проблемы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. N 3-2. С. 11-16.

12. Варданян Г.А. Особенности проведения выемки по уголовным делам о преступлениях, связанных с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств // Вестник Томского государственного университета. 2014. N 389. С. 162-165.

13. Варданян Г.А. Общие положения допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых как теоретико-методологический ориентир для повышения результативности расследования преступлений экстремистской направленности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. N 1-2. С. 216-222.

Раздел 11. Компаративистика и зарубежный опыт

ЩУКИН В.М.,
кандидат юридических наук, доцент,
vla-shhukin@mail.ru
Кафедра управления
органами внутренних дел
в особых условиях;
Академия управления
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
125171, г. Москва, ул. Зои
и Александра Космодемьянских, 8

SHCHUKIN V.M.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
vla-shhukin@mail.ru
Chair of management
of internal affairs bodies
under special conditions;
Management Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Zoe and Alexander Kosmodemyanskiy St. 8,
Moscow, 125171,
Russian Federation

ТАГИРОВ З.И.,
89683757331@mail.ru
Факультет подготовки научных
и научно-педагогических кадров;
Академия управления
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
125171, г. Москва, ул. Зои
и Александра Космодемьянских, 8

TAGIROV Z.I.,
89683757331@mail.ru
Faculty of scientific and scientific-pedagogical
personnel training;
Management Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Zoe and Alexander Kosmodemyanskiy St. 8,
Moscow, 125171,
Russian Federation

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (НА ОПЫТЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА)**

Аннотация. Европейский опыт правового и организационного регулирования деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия трансграничным преступлениям на сегодняшний день в нашей стране изучен слабо, большинство авторов сосредоточивают свое внимание на политических сторонах внутренней и внешней политики Евросоюза в области обеспечения «единого европейского пространства безопасности». Данная статья подготовлена на основе действующих европейских источников права. Особое внимание уделяется сравнению организационно-правовых механизмов ведения и использования реестров террористических организаций и физических лиц, подозреваемых в терроризме. Рассмотренные вопросы позволяют развить дальнейшую научную дискуссию о допустимости использования европейской модели сетевой правоохранительной деятельности при формировании правоохранительных структур в рамках евразийских экономических интеграционных межгосударственных образований, а также при реформировании национальных систем государственного управления.

Ключевые слова: правоохранительные органы; правоохранительная деятельность; правоохранительное сотрудничество; сетевая модель; Европейский союз; зарубежный опыт; борьба с терроризмом.

**CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE EURASIAN LAW
ENFORCEMENT COOPERATION IN THE MODERN GEOPOLITICAL
CONDITIONS (ON THE EXPERIENCE OF LAW ENFORCEMENT
AGENCIES AND ORGANIZATIONS OF THE EUROPEAN UNION)**

Annotation. The European experience of legal and organizational regulation of the activities of law enforcement agencies in combating cross-border crimes is poorly studied in our country today. Most of the authors focus their attention on the political aspects of domestic and foreign policy of the European Union in the area of ensuring "a common European security space". This article is based on the existing European sources of law. Special attention is paid to the comparison of organizational and legal mechanisms for the maintenance and use of registries of terrorist organizations and individuals

suspected of terrorism. The considered questions allow to develop the further scientific discussion on the admissibility of using the European model of the network law enforcement activity while forming the law enforcement agencies within the framework of the Eurasian economic integration interstate organizations, as well as while reforming the national systems of public administration.

Keywords: law enforcement agencies; law enforcement activity; law enforcement cooperation; network model; the European Union; foreign experience; fight against terrorism.

Интегративные процессы межгосударственного сотрудничества становятся неотъемлемым элементом современной международной жизни. В евро-азиатском регионе на сегодняшний день значительных успехов в этом направлении, по нашему мнению, достиг Европейский союз (далее – ЕС, Евросоюз). В настоящее время ЕС обеспечивает интеграцию 28 стран практически во всех сферах общественной жизни, в рамках Евросоюза выработаны институциональные механизмы разрешения межгосударственных противоречий на основе достижения политического консенсуса, легитимность публичной власти обеспечивается широтой использования прямых выборных механизмов (в частности, референдумов).

Изучение опыта данного альянса актуально в связи с тем, что в отдельных направлениях международного правоохранительного сотрудничества ЕС демонстрирует прямую интеграцию с правовыми и организационными механизмами борьбы с преступностью таких стран, как США, Канада и Австралия, которые формируют собственный экономический союз. Прослеживаются признаки формирования данными странами совместно с Евросоюзом глобальной правоохранительной кооперации со значительным потенциалом сил и средств противодействия преступности. Необходимо учитывать, что данные страны исходят из собственных трактовок преступности деяния и имеют развитые двусторонние отношения в сфере международного сотрудничества по уголовным делам (в т.ч. по вопросам выдачи подозреваемых), а также помнить, что глобальная правоохранительная деятельность может выступать инструментом геополитической борьбы и оказывать влияние на стратегические национальные интересы Российской Федерации.

Европейская модель организации правоохранительного сотрудничества может помочь формируемым евро-азиатским политическим союзам в решении политико-правовых проблем противодействия

трансграничной преступности в условиях открытых границ, общего свободного рынка и таможенного пространства. Исторический опыт развития европейской интеграции показал, что возникновение таких проблем является объективным следствием совместного экономического развития. В связи с этим целью данной статьи является изучение форм и методов международного правоохранительного сотрудничества европейских правоохранительных органов и организаций, а также возможных путей адаптации данного опыта применительно к межгосударственным союзам с участием Российской Федерации.

В евро-азиатском регионе, помимо Европейского союза, действует множество межгосударственных экономико-политических союзов и международных организаций: СНГ, Союзное государство, Таможенный союз, Евразийский экономический союз, Единое экономическое пространство, Совет Европы, Большая семерка и Большая двадцатка, ОДКБ, ОБСЕ, БРИКС, АТЭС, Шанхайская организация сотрудничества, Совет государств Балтийского моря, Организация черноморского экономического сотрудничества и другие. В рамках деятельности указанных союзов международное правоохранительное сотрудничество на сегодняшний день пока еще не достигло того уровня интеграции правовых и организационных механизмов противодействия преступности, который достигнут между странами Евросоюза. Очевидно, что причиной этого служит отсутствие глубокой социально-экономической интеграции стран, входящих в перечисленные союзы, по отдельным вопросам хозяйственной деятельности между государствами данных организаций наблюдаются экономические противоречия.

В Европейском союзе с 1997 года (принятие Амстердамского договора) началось формирование так называемой «третьей опоры» ЕС – сотрудничества полиции и судов в уголовно-правовой сфере. Международное правоохранительное сотрудничество стран ЕС получило новый

импульс после принятия в 2007 году Лиссабонского договора о реформе Евросоюза, который предусматривает делегирование части суверенной компетенции государства в области внутренних дел в «общеевропейское пространство свободы, безопасности и правопорядка».

В настоящее время по уровням международного правоохранительного сотрудничества стран ЕС можно выделить двустороннее (между правоохранительными органами стран ЕС напрямую), а также опосредованное сотрудничество – через общеевропейские правоохранительные организации и специализированные органы. Ведущую роль в межгосударственном сотрудничестве правоохранительных органов стран ЕС играют агентства Европол, Евроюст, ОЛАФ (Европейское бюро по борьбе с мошенничествами) и другие правоохранительные организации ЕС.

С точки зрения криминогенной ситуации в Европе, по оценкам Европола, значительную угрозу для внутренней безопасности ЕС представляют крупномасштабные преступные и террористические сети [1]. Самыми значительными для евробезопасности являются угрозы терроризма, международной торговли наркотиками, легализации преступных доходов, хорошо организованного мошенничества, фальшивомонетничества и контрабанды. Новые опасности – это киберпреступность и торговля людьми. В связи с этим в настоящее время полиция стран Европейского союза расширяет меры противодействия преступности на основе правоохранительной кооперации и новых информационных коммуникаций.

Англоязычный термин «cooperation» переводится на русский язык как «сотрудничество» или «взаимодействие». В отечественном классическом понимании взаимодействие (согласованная по целям, месту и времени совместная деятельность несоподчиненных субъектов) – это система действий, направленных прежде всего на решение определенных задач взаимодействующего субъекта, и не всегда – на достижение общего результата. Традиционное понимание полицейского взаимодействия как системы [2, с. 8] требует унификации неоднородных организационных подсистем и информационных моделей. Перед неоднородными в информационном и организационном

плане правоохранительными системами стран Европейского союза задача унификации информационных моделей не стоит и ставиться не может. В странах Европы исходят из того, что автономная устойчивость отдельных элементов любых кибернетических систем обеспечивает их общую устойчивость. Именно поэтому для коммуникации правоохранительных органов стран Евросоюза актуально не унифицированное сотрудничество, или кооперация.

Кооперация в западном понимании – это процесс сотрудничества для общей или взаимной выгоды. Коммуникация – это целенаправленная деятельность двух и более субъектов информационного обмена для передачи или получения значений через общую систему знаков и правил.

Сотрудничество государств – членов ЕС в борьбе с преступностью осуществляется по следующим основным направлениям:

- информирование и консультирование стран ЕС друг с другом в целях координации;

- согласование общих позиций, определяющих подходы ЕС к конкретным вопросам, принятие рамочных решений в целях сближения законодательных и регламентирующих положений государств-членов, разработка конвенций;

- тесное сотрудничество полицейских сил и других компетентных органов (сотрудничество подразделений полиции);

- тесное сотрудничество между органами власти и другими компетентными органами правосудия и юстиции (сотрудничество судов);

- сближение норм уголовного права (минимального порога наказания и др.) [3, с. 122].

Сотрудничество полиции в ЕС включает в себя:

- сбор, хранение, обработку, анализ и обмен соответствующей информацией;

- оперативное сотрудничество органов с целью предотвращения, выявления и расследования преступлений;

- сотрудничество и совместные инициативы, касающиеся обучения, обмена офицерами связи, использования оборудования и экспертиз;

- общую оценку методов спецрасследований [4, с. 4].

В основе генезиса форм и методов коммуникаций и коопераций между го-

сударственными правоохранительными органами стран Евросоюза лежит общая заинтересованность в борьбе с терроризмом и «серьезными» преступлениями (serious crimes).

В европейских странах преступность, в т.ч. террористическая, рассматривается с позиции деятельности разветвленных криминальных сетей. После парижских терактов 2015 года Европа столкнулась с наивысшим уровнем террористической угрозы за последние 10 лет (после терактов в Мадриде 11 марта 2004 года, когда было совершено 10 взрывов, 193 человека погибли). Парижские нападения 13 ноября 2015 года и бельгийские теракты 22 марта 2016 года создали новые проблемы для государств – членов ЕС. Угроза новых терактов в Европе остается высокой. Поэтому у ЕС существует большая потребность в усилении антитеррористических мер. Исходя из понимания террористической угрозы как результата сетевого взаимодействия людей, вынашивающих террористические цели, в области борьбы с терроризмом соответствующим образом выстраивается современная европейская модель межгосударственного правоохранительного сотрудничества – как модель сетевой правоохранительной деятельности. Зарождающаяся как формат антитеррористического взаимодействия, такая модель имеет серьезные перспективы стать основой управления всей правоохранительной деятельностью во всем Евросоюзе.

Под сетевой правоохранительной деятельностью нами понимаются совместные действия нескольких субъектов государственного управления в среде правоохранительной коммуникации, направленные на получение общего результата. В процессе сетевой правоохранительной деятельности создается, дополняется и используется общая для всех субъектов значимая информация, используются общие стандарты (правила) деятельности, совершаются общественно значимые действия. Участники сетевой правоохранительной деятельности объединены общими объектами информации, в отношении которых они совершают свои действия. Сетевая правоохранительная деятельность, по нашему мнению, невозможна без интеграции правовых и в последующем организационных механизмов осуществления правоохранительной деятельности.

Правовые и организационные меры противодействия преступности, применяемые правоохранительными органами стран Европейского союза в рамках сетевой правоохранительной деятельности, реализуются посредством участия в кооперации правоохранительных органов стран ЕС с правоохранительными организациями Евросоюза. Такая правоохранительная кооперация базируется на разграничении правоохранительных компетенций между правоохранительными органами и организациями, а также на развитии информационно-правоохранительных коммуникаций. Наглядные примеры сетевых правоохранительных институтов Европейского союза – агентства Европол и Евроюст.

Сетевые информационно-правоохранительные коммуникации в Евросоюзе можно разделить на общие и специальные. К общим сетевым коммуникациям могут быть отнесены традиционные коммуникации Европола, такие как SIENA (Secure Information Exchange Network Application) – сетевое приложение по безопасному обмену информацией и EIS (Europol Information System) – информационная система Европола. Данные сети и системы организованы в электронных формах и к ним имеют доступ все правоохранительные органы всех стран ЕС.

Специальные информационно-правоохранительные коммуникации сетевой правоохранительной деятельности разнообразны. Рассмотрим некоторые из них.

1. Сотрудничество по исполнению европейского ордера на арест (European Arrest Warrant, EAW) подозреваемых в «серьезных» преступлениях (serious crimes), обязательного для исполнения во всех странах ЕС. Механизм исполнения такого ордера предполагает экстрадицию в течение 90 дней со дня ареста или в течение 10 дней, если задержанное лицо дает согласие на это. При этом для экстрадиции не могут стать препятствием политические мотивы [5, с. 66].

2. Деятельность совместных межгосударственных следственно-оперативных групп Европола, имеющих юрисдикцию в странах ЕС [6, с. 48]. Кроме того, в Европоле по делам о терроризме создаются совместные целевые группы. С учетом современной сетевой общественной структуры и для противодействия террористическим

сетям в европейских правоохранительных органах создаются неформальные профессиональные правоохранительные сети из числа лучших специалистов, такие правоохранительные образования («сети первичного реагирования») получают ряд функций координации совместной деятельности. Например, после атак в Париже 13 ноября 2015 года Европол направил 60 офицеров для поддержки французских и бельгийских коллег в целевую группу «Fraternité». В расследовании парижских терактов официально принимают участие правоохранительные органы США [7], в рамках совместной деятельности в результате межгосударственного правоохранительного сотрудничества было сделано 800 разведывательных выводов и более 1 600 выводов о подозрительных финансовых операциях [8].

3. Механизм формирования и использования общих для всех государств списков террористических организаций и физических лиц [9]. Сопоставление европейского и российского списков террористических организаций выявило, что из 23 организаций в обоих списках общей позицией является только одна – «Исламская группа», или «Аль-Гамаа аль-Исламия» («Islamic Group», или «Al-Gama'a al-Islamiyya»). Это указывает на очевидную проблему: в международном сообществе нет единого понимания террористической деятельности, она неоднозначно дифференцируется между социал-сопротивленческой, национал-освободительной и другими видами политической борьбы, в т.ч. с иностранным участием (заинтересованностью). В Европейском союзе список террористических лиц содержит имена и физических лиц (персон), которые включаются в него на основе статьи 2 (3) Регламента ЕС N 2580/2001, принятого после террористических актов 9 сентября 2001 года в США. Европейский список является фактически извлечением из другого известного персонального антитеррористического списка наиболее разыскиваемых террористов – «Most Wanted Terrorists», формируемого ФБР с 2001 года. В текущем европейском списке, включающем 10 человек, 9 из них совершили преступления против граждан США [10, с. 255].

4. Формирование общеевропейских поименных списков разыскиваемых физи-

ческих лиц. Подобные списки применяются для розыска и пресечения въезда в ЕС нежелательных лиц [11].

5. Сотрудничество в рамках совместного мониторинга, ареста (замораживания) и конфискации имущества и финансов, используемых в террористических целях. В сетевой коммуникации правоохранительным органам стран ЕС значительное содействие оказывает организация Camden Asset Recovery Inter-agency Network (CARIN) – Международная межведомственная сеть возвращения активов. Данная организация, состоящая в настоящее время из представителей всех 28 стран ЕС, 26 иных стран (в т.ч. США и России) и 9 международных организаций (в т.ч. ООН, Интерпол, Европол, Евроюст, Международный уголовный суд), обменивается данными для эффективной идентификации активов, ареста (замораживания) и конфискации, в т.ч. имущества и финансов, используемых в террористических целях. Следует отметить, что между ЕС и США в 2010 году заключено отдельное соглашение (EU-US TFTP Agreement) в рамках американской программы отслеживания финансирования терроризма (Terrorist Finance Tracking Programme – TFTP). По нашему мнению, между ЕС и США отсутствуют административные барьеры в получении информации в отношении физических лиц, включенных в списки разыскиваемых террористов.

6. Слежение за внутренними перемещениями физических лиц. На уровне Евросоюза сейчас ведется работа по созданию общеевропейского банка данных о пассажирских перевозках. Его название идентично названию аналогичной системы США – «Passenger Name Records» (PNR)*. Сетевой доступ к базе данных США будет открыт для национальных служб безопасности стран ЕС и Европейской полицейской организации. В базу данных будет вноситься информация о пассажирах, прибывающих на территорию стран ЕС или покидающих ее, включая информацию о месте жительства пассажира, маршруте полета,

* Подробнее о программе США см.: URL: https://www.cbp.gov/sites/default/files/documents/pnr_privacy.pdf; о программе ЕС см.: URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/police-cooperation/passenger-name-record/index_en.htm

форме оплаты билетов, наличии багажа и номере места в авиалайнере. При этом страна прилета сможет получить данные о пассажире уже в момент бронирования билета по телефону. Хранение и передача данных базы PNR третьим странам строго регламентированы (имеются договоры с англоязычными странами – США, Канадой и Австралией). Программой PNR в ЕС заявлено, что данные могут быть использованы только в целях борьбы с террористическими и иными («серьезными») преступлениями. Правоохранительные органы государств ЕС должны деперсонализировать данные (удалить фамилию, имя, отчество) через один месяц после полета и могут через 5 лет удалить данные полностью. Хотя PNR первоначально создана для данных об авиаперелетах, благодаря глобальным системам бронирования (Sabre, Galileo, Worldspan и Amadeus) теперь имеется возможность использовать данные о бронировании отелей, аренде автомобилей, трансферах в аэропорт и железнодорожных поездках.

7. Финансовая разведка на основе интеграции с информационными базами данных Европола ранее децентрализованной информационной сети под названием «Fiu.Net» [12]. Работа данной информационной сети направлена на создание тесного сотрудничества между финансовой и уголовной разведкой, на повышение усилий в борьбе с организованной преступностью и терроризмом в ЕС. Свободный доступ к сети ограничен.

8. Сотрудничество под эгидой Европейского контртеррористического центра Европола (European Counter Terrorism Centre) [8]. Это центральный информационный центр Европола, с помощью которого государства – члены ЕС улучшают обмен информацией и оперативно координируют свои совместные действия. Работая в качестве экспертного центра, Европейский контртеррористический центр сосредоточен на задержании иностранных боевиков, обмене разведанными и экспертизе по финансированию терроризма (по программе TFTP и сети FIU.net), на противодействии онлайн-пропаганде терроризма и экстремизма, незаконной торговле оружием и на международном сотрудничестве.

Таким образом, исследование актуальных направлений развития европей-

ского опыта противодействия преступности позволило обобщить их и сформулировать следующие выводы:

1. Установлено, что правоохранительные органы стран Европейского союза расширяют меры противодействия преступности на основе правоохранительной кооперации и новых информационных коммуникаций, при этом основу таких коммуникаций и кооперации составляет общая заинтересованность в борьбе с терроризмом и «серьезными» преступлениями.

2. Выявленная высокая степень правоохранительной интеграции ЕС с США в правовой и организационной сферах противодействия преступности фактически свидетельствует если не о единых, то о значительно сращенных организационно-правовых механизмах противодействия преступности в этом блоке стран. В условиях глобальной конкуренции изучение и адаптация для нашей страны передовых форм и методов правоохранительной деятельности представляется необходимым условием эффективной защиты национальных интересов.

3. Закономерности организации правоохранительной деятельности в Европейском союзе позволяют выделять их в особую – европейскую сетевую модель организации правоохранительной деятельности. Зарождаясь как форма антитеррористического сотрудничества, такая модель стала дополнительной подсистемой управления правоохранительной деятельностью в Европейском союзе. Кроме того, следует упомянуть, что некоторые формы и методы такой организации в настоящее время рекомендованы к развитию в рамках межгосударственного сотрудничества Европейского комитета по проблемам преступности Совета Европы [13, с. 6], такая модель положительно оценена учеными-правоведами в области международного правоохранительного сотрудничества [14, с. 9].

Основываясь на изучении европейского опыта деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности, можно предложить для обсуждения ряд авторских инициатив по внесению изменений в правоохранительную деятельность и международное правоохранительное сотрудничество евразийских межгосударственных образований с участием Российской Федерации.

Считаем актуальным дальнейшее изучение сетевых форм организации правоохранительной деятельности с целью разработки комплексной сетевой модели такой деятельности. Целесообразно развивать опыт организации защищенного межведомственного электронного сетевого информационного обмена в среде правоохранительной коммуникации, организацию межгосударственных межведомственных правоохранительных баз данных информации под эгидой «единого информационного центра».

Для того чтобы избежать изоляции в условиях формирующейся под покровительством США глобальной правоохранительной кооперации, странам – участникам евразийских политических союзов необходимо развивать собственную межгосударственную правоохранительную кооперацию на сетевых принципах, и прежде всего – развивать глубоко интегрированное двустороннее международное правоохранительное сотрудничество между государствами – стратегическими союзниками.

Исходя из опыта Евросоюза следует признать, что правоохранительная кооперация является следствием интеграции правовых норм и организационных механизмов борьбы с преступностью, которая, в свою очередь, следует за длительными процессами социально-экономического сближения и интеграции. Таким образом, прослеживается тесная взаимосвязь общей экономической политики и правоохранительного сотрудничества. В процессе экономической интеграции евразийских государств объективно возникнет потребность в эффективном противодействии преступности посредством организации общих евразийских правоохранительных институтов, подобных Европолу.

В качестве варианта организации совместного сбора, обработки и использова-

ния значимой правоохранительной информации в целях повышения эффективности противодействия преступности, учитывая опыт Евросоюза, предлагаем дискуссию о пересмотре структур национальных правоохранительных систем. Необходимо выделять в правоохранительных системах отдельно от правоохранительных органов правоохранительные организации с самостоятельными компетенциями.

Правоохранительные организации могут решить вопрос распределения сетевого доступа к общим правоохранительным базам данных информации. Правоохранительные организации должны осуществлять координацию деятельности всех государственных органов по отдельному виду преступности (терроризм, киберпреступность, наркопреступность и т.д.). Координирующая функция таких организаций должна быть отделена от надзорной.

Безусловно, проекция европейского опыта противодействия терроризму на правоохранительную деятельность и международное сотрудничество евразийских межгосударственных образований требует проведения глубокого научного исследования. Зарубежный опыт в одной из сфер общественной жизни не может быть механически перенесен и адаптирован в иных социально-экономических реалиях. Но рассмотренные нами вопросы позволяют развить научную дискуссию о допустимости использования европейской модели сетевой правоохранительной деятельности при формировании национальных правоохранительных структур, призванных в будущем обеспечивать оперативный информационный обмен между правоохранительными органами и организациями в рамках евразийских интеграционных образований.

Список литературы

1. Европол / Основная информация // Европейская полицейская организация (Европол): сайт. URL: <https://www.europol.europa.eu/content/page/about-us> (дата обращения: 11 марта 2016 г.).
2. Семенистый А.В., Тулев В.О. Организация внутреннего и внешнего взаимодействия в территориальном органе МВД России на районном уровне при реализации полномочий при реализации полномочий полиции: метод. рек. М.: Акад. управления МВД России, 2014. 40 с.
3. Бирюков М.М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора: учеб. пособие. М.: Статут, 2013. 240 с.
4. Волеводз А.Г. Учреждения и органы Европейского союза по судебному и полицейскому сотрудничеству: учеб. пособие. М.: МГИМО (У) МИД России, 2010. 303 с.
5. Соколова Л.М. Европейский ордер на арест: становление нового института в праве Европейского Союза // Российская юстиция. 2006. N 6. С. 66-69.

6. Ализаде Ф.Э. Правовые основы совместных (международных) расследований по уголовным делам в европейском праве // Евразийский юридический журнал. 2011. N 7 (38). С. 48-58.
7. США содействуют Франции и Бельгии в расследовании терактов в Париже // Российское информационное агентство «Новости». URL: <http://ria.ru/world/20160318/1392451732.html#ixzz43HV88fVR> (дата обращения: 11 марта 2016 г.).
8. Europol's European Counter Terrorism Centre strengthens the EU's response to terror // Европейская полицейская организация (Европол): сайт. URL: <https://www.europol.europa.eu/content/ectc> (дата обращения: 4 февр. 2016 г.).
9. Регламент ЕС 2015/513 от 26 марта 2015 года // Official Journal of the European Union. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:JOL_2015_082_R_0009&qid=1427520950033&from=EN (дата обращения: 1 окт. 2015 г.).
10. Тагиров З.И. Реестры террористических организаций: опыт России и Европейского союза // Стрессоустойчивость в системе противодействия современным угрозам безопасности личности, общества и государства: материалы семнадцатой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 26 ноября 2015 г.). М.: Акад. управления МВД России, 2015. С. 256-262.
11. Europe's Most Wanted – sivustolla ollut kiinni // Полиция Финляндии: сайт. URL: http://poliisi.fi/tietoa_poliisista/tiedotteet/1/1/europe_s_most_wanted_sivustolla_ollut_kiinni_44186 (дата обращения: 4 февр. 2016 г.).
12. Europol joins forces with EU FIUs to fight terrorist financing and money laundering // Европейская полицейская организация (Европол): сайт. URL: <https://www.europol.europa.eu/content/europol-joins-forces-eu-fius-fight-terrorist-financing-and-money-laundering> (дата обращения: 4 февр. 2016 г.).
13. Шалягин Д.Д. Участие Российской Федерации в конвенциях Совета Европы о сотрудничестве по уголовным делам // Совет Европы и актуальные проблемы противодействия преступности: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (23 марта 2016 г.). М.: Моск. ун-т МВД России, 2016.
14. Волеводз А.Г. Юридические сети в сфере судебного и полицейского сотрудничества Европейского союза // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. N 2. С. 9-12.

ИМАНОВ И.А., 7252352@prokuror.kz Прокуратура Южно-Казахстанской области, 160011, Республика Казахстан, г. Шымкент, ул. Тауке-хана, 97	IMANOV I.A., 7252352@prokuror.kz The Prosecutor's Office of the South Kazakhstan region, Tauke Khan St. 97, Shymkent, 160011, Republic of Kazakhstan
--	---

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В мире нет ни одного государства, в котором полностью отсутствовали бы коррупционные проявления. Более того, коррупция зачастую носит транснациональный характер, в связи с чем для борьбы с ней важно объединение усилий разных государств. Одним из актуальных направлений противодействия коррупции является сотрудничество в этой сфере государств – участников СНГ. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования деятельности некоторых созданных ими межгосударственных институтов по противодействию коррупции. Проанализирован опыт успешных совместных антикоррупционных действий стран – участниц СНГ. Выявлены проблемы взаимодействия, связанные, в частности, с тем, что антикоррупционное законодательство в разных странах СНГ имеет отличия и требуется унификация

норм в соответствии с межгосударственными документами. Автором статьи сформулированы предложения по активизации дальнейшей деятельности Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; органы прокуратуры; международное сотрудничество.

LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF INTERSTATE INSTITUTIONS OF THE CIS MEMBER STATES ON COUNTERING CORRUPTION: PRESENT STATE AND WAYS OF IMPROVING

Annotation. There is no state free from corruption in the world. Moreover, corruption is often transnational in nature, therefore it is important to consolidate the efforts of different countries to combat it. One of the important directions of countering corruption is the cooperation of the CIS member states in this field. The issues related to the legal regulation of the activities of some interstate institutions on countering corruption, created by the CIS member states, are considered in the article. The experience of successful joint anti-corruption actions of the countries – participants of the CIS is analyzed. The problems of interaction are revealed. They are related in particular to the fact that anti-corruption legislation in different countries of the CIS is different and requires the unification of the rules in accordance with the interstate documents. The author of the article formulates the proposals to improve the further activities of the Coordinating Council of Prosecutors General of the CIS member states.

Keywords: corruption; countering corruption; prosecuting authorities; international cooperation.

Целью данного исследования является раскрытие особенностей правового регулирования деятельности межгосударственных институтов государств – участников СНГ по противодействию коррупции и возможностей его совершенствования.

Коррупция имеет вненациональный и межгосударственный характер. Нет сейчас и не существовало ранее государств, которые были бы абсолютно свободны от коррупции, и это подтверждают исследования истории данного явления [1]. Нередки сегодня и сенсационные сообщения о транснациональных коррупционных скандалах, в которых фигурируют высшие должностные лица государств и гигантских международных корпораций. В связи с этим наряду с поиском все новых и новых методов, способов, приемов противодействия коррупции остается актуальным вопрос налаживания устойчивых и эффективных связей между органами различных стран и межгосударственных союзов, объединений, осуществляющими противодействие коррупции.

С этой целью государства – участники Содружества Независимых Государств создали ряд институтов, осуществляющих как прямое противодействие коррупции, так и косвенное. Одним из наиболее эффективных органов в сфере противодействия коррупции является Координационный совет генеральных прокуроров государств – участников Содружества Не-

зависимых Государств* (далее – КСГП), которому решением Совета глав государств «О Координационном совете генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств» от 25 января 2000 года придан статус межгосударственного органа СНГ. Этим же решением утверждено Положение о Координационном совете генеральных прокуроров государств – участников СНГ, в котором определены статус, задачи, функции, основные направления и организационные основы его деятельности [2]. Основными задачами КСГП являются согласование и объединение усилий, координация действий и сотрудничества прокуратур государств – участников СНГ в защите прав и свобод человека и гражданина, в борьбе с преступностью, укреплении законности и правопорядка.

Свою деятельность по противодействию коррупции КСГП осуществляет на основе общепризнанных принципов и норм международного права, уважения прав человека и гражданина, независимости, госу-

* 7 декабря 1995 года на совещании в г. Москве генеральные прокуроры Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Грузии, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана и Украины приняли решение о создании Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств.

дарственного суверенитета и юрисдикции государств – участников СНГ, невмешательства в их внутренние дела и равенства всех членов Координационного совета.

Противодействие коррупции осуществляется КСГП в виде разработки предложений по сближению национальных законодательств, развития договорно-правовой базы СНГ, изучения и обобщения практики выполнения международных договоров по борьбе с коррупцией и в иных областях правоприменительной практики, разработки предложений о мерах совершенствования правового регулирования в этих сферах. При этом особое внимание в деятельности КСГП уделяется вопросам совершенствования прокурорской деятельности по надзору за исполнением законов в сфере противодействия коррупции.

Однако при обсуждении общих проблем, затрагивающих антикоррупционную деятельность государств – участников СНГ, возникают вопросы, связанные с различием норм антикоррупционного законодательства стран, вместе противостоящих этой транснациональной угрозе. С новой остротой эти вопросы звучали в ходе 25-го, юбилейного заседания КСГП, состоявшегося 27 августа 2015 года в г. Астане, в котором приняли участие делегации генеральных прокуратур государств – участников СНГ, Исполнительного комитета СНГ, Секретариата Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ*.

Участники заседания обменялись опытом прокурорской деятельности по борьбе с коррупцией, обсудили пути совершенствования уголовного законодательства с применением норм Конвенции ООН против коррупции [3].

Обсуждая итоги совершенствования сотрудничества генеральных прокуратур государств – участников СНГ в борьбе с коррупцией в 2014 году, участники заседания констатировали необходимость расширения и углубления сотрудничества в сфере противодействия коррупции, в том числе закрепления в национальных законах определений понятий «коррупция», «коррупционное правонарушение» и «ответственность за коррупционное правонарушение», сформулированных на основе единого подхода. Отсутствие в национальных законах единства в опре-

делении данных понятий отрицательно сказывается на повышении эффективности борьбы с коррупцией как в плане внутригосударственного противодействия этому явлению, так и в плане межгосударственного противодействия, осуществляемого в рамках СНГ.

В связи с этим КСГП как межгосударственному органу, обладающему соответствующей компетенцией, было бы целесообразно выступить с инициативой о гармонизации норм национальных законодательств государств – участников СНГ, регламентирующих понятие коррупции и ответственность за коррупционные правонарушения и преступления, с имеющимися межгосударственными документами, приняв за основу формулировки, рекомендованные Соглашением о сотрудничестве генеральных прокуроров (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией от 25 апреля 2007 года (далее – Соглашение о сотрудничестве). В этом соглашении сформулированы понятия «коррупционного преступления и коррупционного правонарушения, выработаны критерии отнесения преступлений к категории коррупционных, а также приведен перечень деяний, относящихся к коррупционным» [4, с. 94], что, на наш взгляд, необходимо инкорпорировать в национальное законодательство государств – участников СНГ.

Соглашение о сотрудничестве предполагает, что базовыми формами совместной деятельности являются обмен статистической, научно-методической и иной информацией в сфере борьбы с коррупцией; разработка и принятие согласованных мер в целях повышения эффективности прокурорского реагирования на нарушения законодательства о борьбе с коррупцией, проведение совместных проверок заявлений, сообщений и иной информации о коррупционных деяниях, имеющих транснациональный характер; оказание содействия в проведении проверок заявлений, сообщений и иной информации о коррупционных деяниях; обмен опытом организации и осуществления прокурорской деятельности в сфере борьбы с коррупцией, включая подготовку научно-методических рекомендаций; проведение семинаров, научно-практических

* URL: <http://www.ksgp-cis.ru/news.php?id=1968>

конференций; подготовка и повышение квалификации сотрудников органов прокуратуры; проведение совместных научных исследований в сфере борьбы с коррупцией (статья 5) [5].

В числе наиболее важных документов, регламентирующих противодействие коррупции объединенными силами, кроме указанного выше Соглашения о сотрудничестве, следует назвать Соглашение об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции от 25 октября 2013 года* (далее – Межгосударственный совет), положение о данном совете и Межгосударственную программу совместных мер борьбы с преступностью на 2014-2018 годы (далее – Межгосударственная программа) от 25 октября 2013 года.

Межгосударственная программа содержит ряд значимых пунктов, касающихся путей повышения эффективности борьбы с коррупцией, которые, на наш взгляд, до сих пор не до конца реализованы, а именно:

– пунктом 2.4.3 Межгосударственной программы рекомендовано в 2014 году рассмотреть перспективные направления развития межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией [6]. Однако в 2014 году эти направления не получили своего воплощения в конкретных документах. Только 15-16 июня 2016 года в Исполнительном комитете СНГ в Минске состоялось заседание экспертной группы по согласованию проекта Концепции сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии коррупции. Документ ориентирован на развитие правовых и организационных основ сотрудничества в противодействии коррупции, он определяет также принципы, задачи, основные направления и формы сотрудничества. Положения Концепции станут основой для разработки международных договоров и других международных и внутренних правовых актов государств – участников СНГ, а также межгосударственных программ в сфере борьбы с

коррупцией**. На наш взгляд, эта работа требует активизации;

– пункт 1.1.4.2 рекомендует в 2014-2018 годах принять меры для эффективной реализации решения об утверждении Положения о базовой организации государств – участников СНГ по подготовке и переподготовке кадров для органов налоговых (финансовых) расследований и придании Академии экономической безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации и Академии финансовой полиции Агентства Республики Казахстан по борьбе с экономической и коррупционной преступностью (финансовая полиция) статуса базовой организации государств – участников СНГ по подготовке и переподготовке кадров для органов налоговых (финансовых) расследований (СГП***, 25.05.2007).

В то же время Академия экономической безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации реорганизована с 1 сентября 2011 года в форме присоединения к Московскому университету Министерства внутренних дел Российской Федерации в качестве структурного подразделения (факультета)****. Академия финансовой полиции ликвидирована, на ее материально-технической базе создана Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, которая является базовой организацией по подготовке кадров для правоохранительных органов Республики Казахстан.

5-6 ноября 2015 года в г. Москве в Секретариате Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств состоялись переговоры представителей КСГП СНГ и Координационного совета руководителей органов налоговых

** Проект Концепции сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии коррупции решено направить на рассмотрение Совета глав государств. URL: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6468>

*** СГП – Совет глав правительств СНГ.

**** О реорганизации федеральных государственных казенных образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России: приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24 июня 2011 г. N 716. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902294237>

* Соглашение об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции от 25 окт. 2013 г. URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=23803>

(финансовых) расследований государств – участников Содружества Независимых Государств (КСОНР СНГ).

Как сообщает информационное бюро Секретариата КСГП СНГ, по итогам переговоров Исполнительный секретарь КСГП СНГ Л.В. Ермолаев и сопредседатель КСОНР СНГ, начальник Главного управления оперативного розыска и внутренней безопасности Министерства финансов Армении Р.Х. Галоян подписали Соглашение о взаимодействии между Координационным советом генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств и Координационным советом руководителей органов налоговых (финансовых) расследований государств – участников Содружества Независимых Государств [7], в связи с чем в межгосударственное сотрудничество органов прокуратуры в борьбе с коррупцией вовлекаются органы контроля в сфере налогов, что в определенной степени способно повысить эффективность борьбы с коррупцией. Однако само по себе это не решает окончательно проблему повышения квалификации и углубления знаний прокурорских работников о способах совершения и методике и тактике выявления коррупционных нарушений законов в сфере регулирования финансовых, налоговых и бюджетных правоотношений. Эта проблема актуализировалась в последнее время ввиду указанных нами выше реорганизации/ликвидации базовых организаций государств – участников СНГ по подготовке и переподготовке кадров для органов налоговых (финансовых) расследований.

С учетом изложенного выше, а также важности налоговых (финансовых) расследований в противодействии коррупции Генеральной прокуратуре Республики Казахстан целесообразно было бы внести в Исполнительный комитет СНГ предложение о придании вновь созданной Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан статуса базовой организации по подготовке кадров для правоохранительных органов государств – участников СНГ, в том числе со специализацией по противодействию коррупции.

Согласно Положению о Научно-методическом центре Координационного со-

вета генеральных прокуроров государств – участников СНГ (далее – Центр), утвержденному решением Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств от 22 мая 2003 года (с изменениями и дополнениями от 14 сентября 2011 года и от 25 сентября 2014 года), его задачами являются: согласование и объединение усилий, координация действий и расширение сотрудничества научно-исследовательских учреждений прокуратур государств – участников СНГ в проведении научно-исследовательских работ по актуальным проблемам борьбы с преступностью, укрепления законности и правопорядка; обобщение и разработка предложений по сближению национальных законодательств в сфере борьбы с преступностью, прокурорского надзора, защиты прав и свобод человека и гражданина; разработка и обобщение предложений по совершенствованию договорно-правовой базы Содружества Независимых Государств [7]. Научные разработки по противодействию коррупции Центр организует в рамках этих направлений своей деятельности. В настоящее время, учитывая тот факт, что именно на органы прокуратуры возлагаются обязанности по контролю и надзору в сфере разработки и реализации норм действующего законодательства, Центр в своей деятельности акцентирует внимание прежде всего на вопросах антикоррупционной деятельности органов прокуратуры стран Содружества и их совместных мероприятий.

Значительное место в межгосударственном противодействии коррупции в рамках СНГ занимает деятельность Межгосударственного совета по противодействию коррупции.

Цели и задачи деятельности Межгосударственного совета по противодействию коррупции определяются Концепцией дальнейшего развития СНГ, которая была утверждена главами государств – участников СНГ 5 октября 2007 года. Согласно данной Концепции, перед Межгосударственным советом стоит задача противодействия коррупции на межгосударственном уровне, наращивание усилий в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, организованной преступностью, незакон-

ным оборотом оружия, наркотических средств и психотропных веществ, легализацией доходов, полученных преступным путем, торговлей людьми, преступлениями в сфере информационных технологий. Первое заседание Межгосударственного совета по противодействию коррупции прошло в г. Минске 29 января 2015 года. Проведение заседания совета инициировал Исполнительный комитет СНГ с целью приступить к реализации вступившего в силу 17 октября 2014 года Соглашения от 25 октября 2013 года.

На Межгосударственный совет по противодействию коррупции была возложена функция координации формирования и функционирования правовой и организационной основы противодействия коррупции в государствах – участниках СНГ. Главные задачи Совета – организация деятельности по противодействию коррупции, мониторинг реализации обязательств государств – участников СНГ в этой сфере и конструктивное сотрудничество с международными организациями и их структурами, содействие сближению и гармонизации национального законодательства стран, разработка предложений по совершенствованию правовой базы сотрудничества, координация взаимодействия компетентных органов. Соглашение Совета по противодействию коррупции подписали Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан.

«У нас есть орган, который координирует борьбу с коррупцией на территории СНГ, – это Координационный совет генеральных прокуроров. Но в отличие от России и Беларуси, где борьба с коррупцией возложена на генпрокуроров, в некоторых других странах СНГ, например, в Казахстане, для этого были созданы новые органы – департаменты. А это требует дополнительной коррекции работы, в связи с чем мы и собрались», – сообщил председательствовавший на Совете Генеральный прокурор Республики Беларусь А. Конюк*.

19 ноября 2015 года в г. Астане состоялось заседание Межгосударственного совета по противодействию коррупции. На нем рассмотрен и одобрен проект Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств

в противодействии коррупции, обсуждены вопросы возобновления работы над проектом Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции, взаимодействия с органами СНГ, в компетенцию которых входит рассмотрение отдельных проблем в сфере противодействия коррупции. Таким образом, на сегодняшний день созданы два межгосударственных совета на уровне глав правоохранительных органов, задачей которых является противодействие коррупции. При этом если в других государствах (Россия, Беларусь) в состав обоих советов входят одни и те же лица – генеральные прокуроры, то от Республики Казахстан делегированы представители двух уполномоченных на противодействие коррупции правоохранительных органов – Генеральной прокуратуры и Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействия коррупции. Следует отметить, что оба эти ведомства равноправны в ответственности и деятельности по противодействию коррупции. Таким образом, наблюдается определенный формат конкуренции, что, с одной стороны, может привести к улучшению ситуации в Казахстане, а с другой – превратиться в соперничество.

В заключение изложим ряд предложений, принятие которых к рассмотрению, по нашему мнению, позволит не только повысить эффективность противодействия коррупции как транснациональному процессу, но и существенным образом отразится на прогрессивном изменении и законодательства, и деятельности Республики Казахстан, а равно всех государств – участников СНГ в сфере противодействия коррупции:

1. Учитывая важность налоговых (финансовых) расследований в противодействии коррупции, Генеральной прокуратуре Республики Казахстан следует внести в Исполнительный комитет СНГ предложение о придании вновь созданной Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан статуса базовой организации по подготовке кадров для правоохранительных органов государств – участников СНГ, в том числе со специализацией по противодействию коррупции.

* URL: <http://www.zakon.kz/4686350-kozhamzharov-izbran-sopredsdatelem.html>

2. Координационному совету генеральных прокуроров государств – участников СНГ как межгосударственному органу, обладающему соответствующей компетенцией, целесообразно было бы выступить с инициативой о приведении норм национальных законодательств государств – участников СНГ, регламентирующих понятие коррупции и ответственность за коррупционные правонарушения и преступления, в соответствие с имеющимися межгосударственными документами, приняв за основу формулировки, рекомендованные Соглашением о сотрудничестве генеральных прокуроров (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией от 25 апреля 2007 года. В этом соглашении сформулированы понятия коррупционного преступления и коррупционного правонарушения, выработаны критерии отнесения преступлений к категории коррупционных, а также приведен перечень деяний, от-

носящихся к коррупционным, что, на наш взгляд, необходимо инкорпорировать в национальное законодательство стран – участниц СНГ.

3. Пунктом 2.4.3 Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2014-2018 годы от 25 октября 2013 года рекомендовано рассмотреть перспективные направления развития межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией. Лишь в июне 2016 года в Исполнительном комитете СНГ в г. Минске состоялось заседание экспертной группы по согласованию проекта Концепции сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии коррупции. Положения Концепции станут основой для разработки международных договоров и других международных и внутренних правовых актов государств – участников СНГ, а также межгосударственных программ в сфере борьбы с коррупцией. На наш взгляд, эта работа требует активизации.

Список литературы

1. История коррупции в мире, виды коррупции. URL: http://forexaw.com/TERMs/Society/Shocks_and_disasters/Economic_Crisis/11048_%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F_Corruption_%D1%8D%D1%82%D0%BE (дата обращения: 8 дек. 2015 г.).
2. Координационный совет генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств: официальный сайт. URL: <http://www.ksgp-cis.ru> (дата обращения: 8 дек. 2015 г.).
3. В г. Астане состоялось 25-е заседание Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-864662/> (дата обращения: 8 дек. 2015 г.).
4. Щерба С.П., Четвертакова Е.Ю. Сотрудничество генеральных прокуратур государств – участников СНГ в борьбе с коррупцией: опыт и проблемы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. N 2 (40). С. 93-98.
5. Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуроров (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией от 25 апр. 2007 г. URL: http://www.brsu.by/sites/default/files/ocw/soglashenie_o_sotrudnichestve_generalnyh_prokurator_prokura.doc (дата обращения: 8 дек. 2015 г.).
6. Соглашение об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции от 25 окт. 2013 г. URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=23803> (дата обращения: 8 дек. 2015 г.).
7. Подписано соглашение об углублении сотрудничества генеральных прокуратур и органов налоговых (финансовых) расследований стран СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5738> (дата обращения: 8 дек. 2015 г.).

ЗАХАРЧУК С.Д.,
sergey-zahar@mail.ru
Кафедра правовой
подготовки сотрудников
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации, 625049,
г. Тюмень, ул. Амурская, 75

ZAKHARCHUK S.D.,
sergey-zahar@mail.ru
Chair of legal training
of law enforcement officers;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и других государств – участников СНГ. Выявляется сходство и отличительные черты средств их уголовно-правовой защиты. В основу сравнительно-правового анализа положено сопоставление уголовных законов и выявление в них специальных норм, направленных на защиту прав указанных категорий лиц. В результате автор приходит к выводу о необходимости совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно: установить ответственность за уничтожение имущества представителя власти и оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или в средствах массовой информации. Для включения в отечественный уголовный закон предложена новая формулировка определения понятия «представитель власти».

Ключевые слова: уголовно-правовые средства защиты; сотрудник органов внутренних дел; потерпевший; представитель власти; охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности; исполнение служебных обязанностей.

CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN THE CIS MEMBER STATES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The issues concerning the criminal and legal protection of the employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and other states – participants of the CIS are analyzed in the article. The similarity and the distinctive features of the means of their criminal and legal protection are revealed. The basis of the comparative legal analysis conducted by the author is the comparison of criminal legislation and determining the presence of special rules aimed at protecting the rights of these categories of persons in it. As a result, the author comes to the conclusion about the need to improve the Criminal Code of the Russian Federation, namely: to establish liability for the destruction of property of a representative of public authority and for the insult contained in a public speech, publicly shown product or mass media. The new wording of the definition of “representative of public authority” is proposed to introduce to the domestic criminal law.

Keywords: criminal and legal means of protection; law enforcement officer; victim; representative of public authority; public order maintenance and ensuring public safety; performance of official duties.

Актуальность заявленной в названии статьи темы обусловлена тем, что количество совершенных преступлений в отношении сотрудников органов внутренних дел остается на достаточно высоком уровне. Так, по ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа» зарегистрировано следующее количество преступлений: в 2010 г. – 378, в 2011 г. – 267, в 2012 г. – 298, в 2013 г. – 238, в 2014 г. – 157, в 2015 г. – 129; по ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представи-

теля власти» зарегистрировано следующее количество преступлений: в 2010 г. – 6 774, в 2011 г. – 6 598, в 2012 г. – 6 466, в 2013 г. – 7 203, в 2014 г. – 8 005, в 2015 г. – 8 565; по ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти» зарегистрировано следующее количество преступлений: в 2010 г. – 10 687, в 2011 г. – 10 315, в 2012 г. – 9 581, в 2013 г. – 9 694, в 2014 г. – 11 490, в 2015 г. – 11 946*.

* Статистические сведения предоставлены Главным информационно-аналитическим центром МВД России.

Исследовавшая данную проблему А.Н. Брагина отмечает, что за период с 1992 по 2005 г. количество регистрируемых оскорблений представителей власти (ст.ст. 192, 192.1 УК РСФСР 1960 г., ст. 319 УК РФ 1996 г.) увеличилось более чем в 460 раз [1, с. 3]. При этом в большей части указанных преступлений потерпевшими являются сотрудники органов внутренних дел.

Вместе с тем необходимо отметить, что в последнее время большое внимание уделяется защите сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) как со стороны МВД России, так и со стороны высших должностных лиц государства. Во время Прямой линии, состоявшейся 17 апреля 2014 года, Президент Российской Федерации отметил: «...нельзя ни унижать, ни ставить на колени бойцов, которые защищают интересы государства...» [2].

Сами сотрудники ОВД считают, что уголовно-правовых средств, направленных на их защиту при исполнении ими своих должностных обязанностей, недостаточно.

Так, в проведенном нами анонимном анкетировании сотрудников различных подразделений системы МВД России* на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень социально-правовой защищенности сотрудников ОВД в настоящее время?» – в 2010-2011 гг. респонденты дали следующие ответы: «уровень социально-правовой защиты высокий, сотрудники ОВД защищены на должном уровне» – 0,65 % (1 человек); «уровень средний, защищены основные права сотрудников ОВД (жизнь, здоровье)» – 16,33 % (25 человек); «уровень защиты низкий, сотрудники ОВД практически не защищены» – 83 % (127 человек). Респонденты, опрошенные в 2014-2015 гг., дали следующие ответы: «уровень социально-правовой защиты высокий» – 1,63 % (4 человека); «уровень социально-правовой защиты средний, защищены основные права сотрудников ОВД (жизнь, здоровье)» – 49,18 % (120 человек); «уровень социально-правовой защиты низкий, сотрудники ОВД практически не защищены» – 52,04 % (127 человек).

На вопрос: «Достаточно ли, на Ваш взгляд, мер защиты сотрудников ОВД, предусмотренных в УК РФ?» – ответили,

что данных мер достаточно, из числа опрошенных в 2010-2011 гг. – 3,92 % (6 человек), из числа опрошенных в 2014-2015 гг. – 32,38 % (79 человек); «данных мер явно недостаточно» – в 2010-2011 гг. так считали 87,58 % (134 человека), в 2014-2015 гг. – 54,92 % опрошенных (134 человека); затруднились с ответом в 2010-2011 гг. – 7,84 % респондентов (12 человек), в 2014-2015 гг. – 12,7 % респондентов (31 человек).

В литературе выделяют три аспекта норм, в соответствии с которыми осуществляется защита сотрудников органов внутренних дел от посягательств при исполнении ими служебных обязанностей, а равно в связи с их статусом в обществе:

– охрана всеми имеющимися уголовно-правовыми средствами прав и законных интересов сотрудников органов внутренних дел как граждан, социальная деятельность которых осуществляется в ситуации повышенного криминального риска;

– повышенная охрана сотрудников органов внутренних дел, выполняющих служебную обязанность, общественный долг, и их близких;

– охрана специальными нормами, включенными в главу о преступлениях против правосудия и порядка управления [3, с. 274].

Считаем, что уголовный закон содержит достаточное количество норм, направленных на уголовно-правовую защиту сотрудников ОВД, выполняющих свои должностные обязанности, и акцентируем внимание в статье на третьем аспекте норм, направленных на защиту сотрудников ОВД от посягательств при исполнении ими служебных обязанностей, а именно на статьях 317, 318, 319 УК РФ. Для того чтобы понять, достаточно ли количество уголовно-правовых средств защиты сотрудников ОВД закреплено в УК РФ, проведем сравнительный анализ УК РФ с уголовными законами зарубежных государств.

Статья 317 УК РФ предусматривает ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего в целях воспрепятствования их деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также из мести за такую деятельность. Следовательно, потерпевшим от указанного деяния высту-

* Общее количество респондентов в 2010-2011 гг. составило 153 человека, в 2014-2015 гг. – 244 человека.

пает сотрудник правоохранительного органа и военнослужащий. Указанная норма носит бланкетный характер. При определении того, кого же считать сотрудниками правоохранительных органов, возникают определенные трудности, поскольку до настоящего времени нет соответствующего федерального закона, который бы регламентировал вопросы правоохранительной службы.

В свою очередь, ст. 318 УК РФ предусматривает ответственность за применение насилия в отношении представителя власти, а ст. 319 УК РФ — ответственность за оскорбление представителя власти.

Под представителем власти в УК РФ понимается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа или иное должностное лицо, наделенное в установленном порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Однако на практике понятие «представитель власти» определяется через понятие «должностное лицо», сформулированное в примечании к ст. 285 УК РФ.

Сравнительный анализ уголовных законов зарубежных государств в данной статье коснется государств — участников СНГ, поскольку они имеют общее историческое развитие и длительное единство нормативного правового регулирования общественных отношений на основе положений законодательства СССР. Кроме того, указанные государства и в настоящий момент связывают внешнеполитические, экономические и иные отношения.

В Модельном Уголовном кодексе государств — участников СНГ (далее — УК СНГ)*, как и в УК РФ, содержится раздел «Преступления против государственной власти». В указанном разделе обоих УК содержится глава «Преступления против порядка управления». Статья 310 УК СНГ закрепляет уголовную ответственность за применение насилия в отношении представителя власти. Причем насилие подразделяется на два вида: не опасное для жизни и здоровья (ч. 1 указанной статьи) и опасное для жизни и здоровья (ч. 2), что

является квалифицирующим признаком, влияющим на категорию преступления.

В примечании к данной статье дается определение понятия «представитель власти», под которым понимается лицо, служащее в органах государственной власти или органах местного самоуправления и наделенное в установленном порядке распорядительными полномочиями в отношении организаций и граждан, не находящихся в его служебном подчинении.

Следующей статьей УК СНГ, предусматривающей охрану представителей власти, является ст. 312, которой определяется ответственность за оскорбление представителя власти. Указанная статья также имеет квалифицирующий признак. Так, частью 1 статьи 312 УК СНГ предусматривается ответственность за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им служебных обязанностей, данное деяние рассматривается как преступление небольшой тяжести. Квалифицирующим признаком в соответствии с частью 2 является оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или в средствах массовой информации, данное деяние рассматривается уже как преступление средней тяжести.

Следует отметить, что в УК СНГ более конкретно, чем в УК РФ, обозначен круг лиц, являющихся потерпевшими от соответствующих деяний. Кроме того, положительным моментом является установление квалифицирующего признака в составе, предусматривающем ответственность за оскорбление представителя власти.

Однако в УК СНГ отсутствует специальная норма, предусматривающая ответственность за посягательство на представителя власти. По нашему мнению, данное положение ошибочно, поскольку, с одной стороны, убийство представителя власти предусмотрено общей нормой — п. «б» ч. 2 ст. 111 УК СНГ, а с другой стороны, представители власти при осуществлении своих обязанностей нуждаются в дополнительной охране, так как могут подвергнуться опасности вследствие публичного характера исполняемой должности.

При изучении уголовных законов государств — участников СНГ необходимо отметить, что в них содержится ряд существенных отличий от Модельного Уголовно-

* Модельный Уголовный кодекс для государств — участников СНГ // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. 1997. N 10.

го кодекса, что, на наш взгляд, обусловлено как внутривластной и экономической обстановкой, так и национальными особенностями конкретного государства.

Так, в Главе 30 «Преступления против порядка управления» Уголовного кодекса Республики Армения (далее – УК РА), вступившего в силу с 1 августа 2003 года*, содержатся статьи 316 и 318, направленные на уголовно-правовую охрану представителей власти.

Статьей 316 УК РА предусматривается ответственность за применение насилия против представителя власти. Указанная статья состоит из 4 частей. Первая часть предусматривает ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо за угрозу его применения в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих служебных обязанностей, а также воспрепятствование исполнению представителем власти обязанностей, возложенных на него законом. Вторая часть предусматривает ответственность за оказание сопротивления представителю власти при исполнении им обязанностей, возложенных на него законом, или принуждение его к выполнению заведомо незаконных действий, совершенных с применением насилия или с угрозой применения насилия. Третья часть предусматривает ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти. В свою очередь, в четвертой части закреплено понятие представителя власти, которым является лицо, служащее в государственных органах и органах местного самоуправления, наделенное в установленном порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в его служебном подчинении.

Анализ указанной статьи показывает, что понятие представителя власти, изложенное в УК РА, является более точным по сравнению с УК РФ, поскольку в последнем для уяснения содержания понятия «представитель власти» необходимо обратиться к содержанию понятия «должностное лицо». В литературе такая конструкция определения представителя власти многими авторами видится неудачной [4, с. 100; 5, с. 9].

* URL: <http://www.investigatory.am/ru/criminal/>

В то же время законодатель Республики Армения при формулировании статьи неправильно использовал приемы законодательной техники. Полагаем более логичным изложение понятия представителя власти в примечании к статье (по аналогии с УК РФ).

Заметим, что ст. 316 УК РА не лишена и других недостатков. Так, в части первой законодатель предусмотрел ответственность за такое альтернативное действие, как угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья. На наш взгляд, указанная формулировка весьма спорная, поскольку конкретизирует ответственность лишь за угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья. Применительно к Российской Федерации под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)**.

В свою очередь, в статье не криминализована угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья, что, на наш взгляд, является ее существенным недостатком.

Кроме того, законодателем установлена ответственность за оказание представителю власти сопротивления, совершенного с применением насилия или с угрозой применения насилия. Однако законодатель не определил, в какой форме должно оказываться сопротивление. Применение данной нормы вызовет у правоприменителя трудности в квалификации соответствующего деяния, поскольку сопротивление сопровождается применением насилия без конкретизации его вида (отметим, что и в чч. 1 и 3 ст. 316 УК РА указывается на такой признак, как совершение преступления с применением насилия).

На наш взгляд, ст. 318 УК РФ, предусматривающая ответственность за применение насилия в отношении представителя власти, сформулирована более удачно, за исключением самого понятия представителя власти.

** О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2002 г. N 29: ред. от 3 марта 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 2; URL: <http://base.consultant.ru>

Следующий состав определяет ответственность за оскорбление представителя власти (ст. 318 УК РА). Указанный состав преступления, наряду с публичным оскорблением представителя власти, предусматривает ответственность и за оскорбление, совершенное в публичных выступлениях, в публично демонстрируемых произведениях или через средства массовой информации.

По сравнению со ст. 319 УК РФ данная позиция законодателя Армении предпочтительнее в связи с тем, что содержит квалифицирующий признак, усиливающий общественную опасность оскорбления представителя власти и позволяющий дифференцировать ответственность.

Также следует отметить тот факт, что в УК РА отсутствует специальный состав, предусматривающий ответственность за умышленное причинение смерти представителю власти или за покушение на ее причинение. Наличие указанной нормы выступало бы в качестве дополнительного элемента охраны представителей власти при исполнении ими своих служебных обязанностей. В настоящий момент жизнь рассматриваемой категории лиц охраняется п. 2 ч. 2 ст. 104 УК РА.

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики* (далее – УК КР), вступившем в силу 1 октября 1997 года, как и в УК РФ, нормы, направленные на охрану представителей власти, закреплены в главе 32. Однако в отличие от УК РФ уголовная ответственность в УК КР предусмотрена за убийство сотрудника правоохранительного органа и военнослужащего (ст. 340 УК КР), т.е. состав преступления сформулирован, как материальный.

В научной литературе по поводу применения терминов «убийство» или «посягательство» высказаны разные мнения.

Так, С.Л. Скутин отмечает, что необходимо установить уголовную ответственность за причинение смерти работнику милиции в связи с осуществлением им охраны общественного порядка в виде специальной статьи, состав которой конструируется по принципу материального, то есть имеет указание на конкретные последствия, а именно «убийство работника милиции» [6, с. 103]. Указанную позицию разделяют также Ф.Н. Аббасов и Г.А. Агаев [7].

* URL: <http://online.adviser.kg/>

Такие авторы, как Е.А. Сухарев [8], М.П. Журавлев [9], являются сторонниками другой точки зрения, согласно которой более предпочтительной является формулировка «посягательство».

Кроме того, в постановлениях Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»** и от 22 сентября 1989 г. № 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка»*** дано толкование понятия «посягательство на жизнь», под которым понималось убийство или покушение на убийство работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка.

Мы считаем, что более предпочтительной является формулировка, предусмотренная в УК РФ, а именно «посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа». Согласно УК РФ указанное преступление посягает в первую очередь на установленный в государстве порядок управления. Следовательно, уже сам по себе факт посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа в связи с исполнением им законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности свидетельствует о большой общественной опасности указанного преступления, так как подрывается авторитет органов государственного управления.

Статьей 341 УК КР также предусматривается ответственность за применение насилия в отношении представителя власти, причем указанная статья по своему содержанию практически полностью повторяет содержание статьи 318 УК РФ, в том числе понятие представителя власти.

Однако нелогична позиция законодателя по декриминализации такого пре-

** Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1963. № 8.

*** Сборник постановлений Пленумов ВС СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. М., 1995. С. 359.

ступления, как оскорбление представителя власти.

Глава 31 УК Республики Таджикистан* (далее – УК РТ) «Преступления против порядка управления» содержит ряд составов преступлений, направленных на защиту лиц, выполняющих функции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Статья 328 УК РТ регламентирует привлечение к уголовной ответственности лиц, применивших насилие в отношении представителя власти. Указанная норма во многом схожа со ст. 318 УК РФ и со ст. 310 УК СНГ, однако имеется и ряд отличий. Так, в ч. 1 ст. 328 УК РТ «Насилие, не опасное для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия, а равно уничтожение имущества представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих обязанностей» наряду с критерием «насилие» предусмотрен и такой критерий, как «уничтожение имущества», что, по нашему мнению, является дополнительной мерой охраны представителей власти. Кроме того, указанная статья отличается от ст. 318 УК РФ санкцией, поскольку в УК РФ предусмотрено более строгое наказание, чем в УК РТ. В примечании к ст. 328 УК РТ дано определение понятия представителя власти («Представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается лицо, служащее в органах государственной власти и наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости»), которое по сравнению с УК РФ сформулировано более удачно. Так, в УК РТ законодатель отказался от перечисления категорий лиц (должностное лицо правоохранительного органа, контролирующего органа, а также иное должностное лицо), а указал на принадлежность лиц к органам государственной власти и наделил их специальными полномочиями. Между тем из анализа понятия «представитель власти», изложенного в УК РФ, не ясно, наделены ли должностные лица правоохранительных и контролирующих органов распорядительными полномочиями в отношении неопределенного круга лиц.

Однако в ст. 328 УК РТ отсутствует такая категория лиц, как «служащие органов местного самоуправления».

Статья 329 УК РТ предусматривает уголовную ответственность за угрозу в отношении сотрудников правоохранительных органов или военнослужащих. Эта норма является специальной по отношению к статье 328 УК РТ, поскольку конкретизирует категорию потерпевших от указанного деяния.

Статья 330 УК РТ повторяет ст. 312 УК СНГ и отличается от ст. 319 УК РФ наличием квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2 ст. 330 «Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или в средствах массовой информации», а также размером санкции.

При квалификации и назначении наказания указанный признак позволяет учесть повышенную общественную опасность этого преступления.

Уголовный закон Республики Беларусь, как отмечает Ю.В. Баглай, является наиболее близким по содержанию Уголовному кодексу Российской Федерации [10].

Так, в разделе XIII Уголовного кодекса Республики Беларусь** (далее – УК РБ) «Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления» содержится глава 33 «Преступления против порядка управления», объединяющая в своем содержании нормы о преступлениях, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие управленческую деятельность органов государственной власти и управления.

Статья 362 УК РБ закрепляет уголовную ответственность за убийство работника милиции в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка. Указанная статья во многом схожа со ст. 317 УК РФ, т.к. предусматривает ответственность за умышленное противоправное лишение жизни работника милиции, четко определяет круг потерпевших, которыми являются работники милиции, а также указывает на то, что убийство работника милиции должно быть связано с выполнением последним обязанностей по охране общественного порядка, т.е. определяется мотив деяния. Но наряду с этим имеются и отличия, связанные с определением круга потерпевших от соответствующего деяния. Так, в соответствии

* URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en/text>

** URL: <http://pravo.kulichki.com/vip/uk/0000026.htm#g33>

со ст. 362 УК РБ потерпевшими являются только работники милиции, а в ст. 317 УК РФ круг потерпевших шире, ими являются сотрудники правоохранительных органов. Различие также заключается в особенностях законодательной конструкции состава, что влияет на определение момента окончания преступления. Состав ст. 317 УК РФ носит формальный характер (некоторые авторы считают, что состав является усеченным [11, с. 121]) и считается оконченным с момента выполнения деяния, в то же время для признания преступления оконченным по ст. 362 УК РБ необходимо наступление смерти потерпевшего, то есть состав по законодательной конструкции является материальным.

С.А. Борисихина по этому поводу отмечает, что определение уголовной ответственности не за посягательство на жизнь вообще, а конкретно за убийство сотрудника правоохранительного органа является более правильным, так как позволяет дифференцировать ответственность за оконченное или неоконченное преступление и избежать многих следственных и судебных ошибок при определении степени вины и назначении наказания виновному [12, с. 79-80]. Схожей позиции придерживается и М.М. Магомедов [13, с. 82]. Кроме того, посягательство предусматривает формально-материальную конструкцию, вследствие чего у правоприменителей при квалификации преступления вызывает затруднение вопрос, связанный с моментом окончания преступного посягательства на жизнь и здоровье сотрудника правоохранительного органа [14, с. 29] (С.В. Бородин, Е.А. Сухарев, А.Ю. Кизилов, С.Л. Скутин и ряд других исследователей отмечали двойственность термина «посягательство»). Мы считаем, что формулировка «посягательство» является более приемлемой, поскольку при посягательстве юридический момент окончания переносится на стадию покушения на убийство.

Кроме того, в ст. 362 УК РБ законодатель также сузил круг потерпевших лиц (а именно сотрудников милиции), указав, в связи с осуществлением какой деятельности происходит убийство, и ограничив ее лишь деятельностью по охране общественного порядка. Следовательно, если сотрудник милиции выполняет деятельность по обеспечению общественной без-

опасности (например, оперативно-розыскную деятельность), то в данном случае деяние должно квалифицироваться по общей норме, предусматривающей ответственность за убийство (п. 10 ч. 2 ст. 139 УК РБ).

На защиту работников милиции направлены и другие нормы УК РБ. Установлена ответственность за следующие деяния: 1) сопротивление работникам милиции и иному лицу, охраняющим общественный порядок (ст. 363); 2) насилие либо угроза применения насилия в отношении работника милиции (ст. 364); 3) вмешательство в деятельность работника милиции (ст. 365); 4) насилие либо угроза в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг (ст. 366); 5) оскорбление представителя власти (ст. 369). По нашему мнению, вышеперечисленные составы преступлений сходны по своему содержанию со ст. 318 УК РФ, предусматривающей ответственность за применение насилия или угрозу его применения в отношении представителя власти.

Кроме того, из анализа указанных статей УК РБ следует, что основным непосредственным объектом является порядок управления, а дополнительным – здоровье и достоинство работников милиции и приравненных к ним лиц.

В статье 364 УК РБ не предусмотрена дифференциация ответственности в зависимости от вида насилия (опасного или не опасного для жизни и здоровья). Наличие указанной дифференциации может влиять на дифференциацию наказания, так как степень общественной опасности деяния может существенно различаться от вида насилия.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Уголовные законы, включающие нормы по охране сотрудников правоохранительных органов, в различных государствах имеют общие черты. Полагаем, это связано с тем, что указанные нормы прошли значительный путь своего формирования и на их развитие оказала влияние юридическая наука и правоприменительная практика.

2. В анализируемых нами уголовных законах (УК РА, УК РТ) нормы, регулирую-

ющие уголовно-правовую охрану жизни представителей власти, включены в раздел об ответственности за преступления против личности, что обусловлено преобладанием прав личности над интересами государства.

3. Несомненным положительным моментом уголовных законов (УК РА, УК РТ) является то, что в них предусмотрены квалифицированные составы такого деяния, как оскорбление представителя власти, что, по нашему мнению, направлено на дифференциацию уголовной ответственности.

4. В УК РА более точно сформулировано понятие представителя власти.

5. С положительной стороны следует отметить установление в УК РТ уголовной ответственности за уничтожение имущества представителя власти.

6. В уголовных законах государств — участников СНГ прослеживается наибольшее сходство, что можно объяснить преемственностью социалистической правовой системы.

Считаем, что российскому законодателю следует проанализировать положительный опыт зарубежных государств и внести соответствующие дополнения в УК РФ, а именно: установить ответственность за уничтожение имущества представителя власти и оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или в средствах массовой информации.

Кроме того, на основе анализа зарубежного опыта считаем необходимым внести в УК РФ новое определение понятия «представитель власти», а именно: «Представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается лицо, находящееся на государственной или муниципальной службе, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости».

Список литературы

1. Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Красноярск, 2006.
2. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EZ1fn7pVZXc> (дата обращения: 1 мая 2015 г.).
3. Костюк М.Ф. Уголовно-правовые средства защиты сотрудников ОВД от преступных посягательств // Актуальные проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных условиях: сб. материалов российской науч.-практ. конф., Уфа, 26 апреля 2001 года. Уфа, 2002.
4. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000.
5. Басова Т. Уголовно-правовая дефиниция «представитель власти» // Уголовное право. 2005. N 3.
6. Скутин С.Л. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступными посягательствами на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, охраняющих общественный порядок: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
7. Аббасов Ф.Н., Агаев Г.А. Об ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов // Российский следователь. 2003. N 9.
8. Сухарев Е.А., Трофимов Н.И. Охрана жизни, чести и достоинства работников милиции и народных дружинников. М., 1970.
9. Журавлев М.П. Ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции. М., 1965.
10. Баглай Ю.В. Уголовно-правовая охрана сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (по данным Приволжского округа): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
11. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Р.Д. Шарапова. Тюмень: Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013.
12. Борисихина С.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.
13. Магомедов М.М. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
14. Шабанов А.В. Охрана жизни и здоровья сотрудника правоохранительного органа: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов, 2003.

Раздел 12. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

ТАТИДИНОВА Т.Г., кандидат социологических наук, доцент, tati_tatiana1957@mail.ru Кафедра психологии и педагогики; Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15	TATIDINOVA T.G., Candidate of Sociological Sciences, associate professor, tati_tatiana1957@mail.ru Chair of psychology and pedagogy; Far East Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kazarmenny Lane 15, Khabarovsk, 680020, Russian Federation
ГАЛКИНА Н.Ю., кандидат психологических наук, доцент, galkina55@list.ru Кафедра психологии и педагогики; Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15	GALKINA N.Yu., Candidate of Psychological Sciences, associate professor, galkina55@list.ru Chair of psychology and pedagogy; Far East Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kazarmenny Lane 15, Khabarovsk, 680020, Russian Federation

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Профессиональная деформация является неизбежной составляющей профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, ее развитие включает три уровня. На начальном уровне профессиональная деформация еще не выражена ярко. На среднем происходят определенные количественно-качественные изменения индивидуально-личностных особенностей. На глубинном уровне наблюдается обострение и развитие социально-негативных черт личности профессионала. Одной из форм профессиональной деформации сотрудников может стать девиантное поведение, выражающееся в противоправных действиях, злоупотреблении алкоголем или наркотиками, игровой зависимости, суицидальном поведении. Крайней формой профессиональной деформации является профессиональная деградация, делающая невозможной дальнейшую службу в органах внутренних дел. Авторы считают, что хотя полностью избежать профессиональной деформации невозможно, однако имеются эффективные средства, позволяющие снизить ее негативное влияние на личность профессионала.

Ключевые слова: профессиональная деформация; профессиональная деградация; девиантное поведение; внешние и внутренние факторы профессиональной деформации; синдромы профессиональной деформации.

PROFESSIONAL DEFORMATION OF THE PERSONALITY OF LAW ENFORCEMENT OFFICER: THEORETICAL ASPECTS

Annotation. Professional deformation is an inevitable component of the professional activities of the employees of internal affairs bodies. Its development includes three levels. Professional deformation is not yet expressed clearly at the first level. There are certain quantitative and qualitative changes of individual personality characteristics on the middle level. The aggravation and the development of socially negative traits of the personality of the professional are observed on a deeper level. One of the forms of professional deformation of law enforcement officers can be a deviant behavior, such as illegal actions, alcohol or drug abuse, gambling addiction, suicidal behavior. An extreme form of professional deformation is a professional degradation, making the further service in the bodies of internal affairs impossible. The authors believe that, although it is impossible to completely avoid professional deformation, however, there are effective means to reduce its negative impact on the personality of the professional.

Keywords: professional deformation; professional degradation; deviant behavior; external and internal factors of professional deformation; syndromes of professional deformation.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) является одной из стрессогенных, и это влечет за собой формирование и проявление такого социально-психологического явления, как профессиональная деформация.

Несмотря на то, что к настоящему времени опубликовано большое количество работ, посвященных данному социально-психологическому явлению, тема предупреждения и профилактики профессиональной деформации, особенно у сотрудников правоохранительных органов, не перестает быть актуальной. Происходит это потому, что, с одной стороны, профессиональная деформация влечет за собой злоупотребление сотрудниками ОВД властными полномочиями, их равнодушное отношение к людям и их правам, часто жестокое обращение с гражданами, профессиональную некомпетентность, безответственность, пассивность и инертность, открытое пренебрежение действующими в подразделении уставными нормами. С другой стороны, совершаемые одним из представителей данной профессии «проступки» не только вызывают общественный резонанс, но и формируют негативное представление в сознании граждан в отношении всех сотрудников, способствуя тем самым закреплению соответствующего стереотипа (все сотрудники правоохранительных органов недостаточно компетентны, грубы, склонны к взяточничеству и т.д.), а это, в свою очередь, сказывается на формировании позитивного имиджа полицейских.

В данной статье мы попытаемся обобщить теоретическое осмысление интересующей нас проблематики, имеющиеся определения понятия «профессиональная деформация», в том числе и «профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел»; рассмотрим сущность и содержание профессиональной деформации; обозначим способы и методы профилактики данного социально-психологического явления.

Профессиональная деформация изучается многими науками по причине чрезвычайной сложности этого феномена и многообразия форм ее проявления.

В общем психологическом смысле профессиональная деформация понима-

ется как познавательное искажение, психологическая дезорганизация личности, формирующаяся из-за постоянного давления внешних и внутренних факторов профессиональной деятельности, результатом которой является формирование специфически-профессионального типа личности [1, с. 6].

Выполнение одной и той же профессиональной деятельности на протяжении нескольких лет способствует появлению профессионального утомления, оскудению репертуара способов выполнения деятельности, потере профессиональных умений и навыков, общему понижению работоспособности, попыткам найти и использовать «кардинальные» методы выполнения работы, обострению профессиональных стереотипов поведения, эмоциональной напряженности, усилению различных форм психологической защиты (отрицание, вытеснение, отчуждение), усилению неудовлетворенности профессией, формированию профессиональных акцентуаций характера [2, с. 223].

Профессиональная деформация может быть:

— общепрофессиональной — свойственна работникам определенных профессий (у педагогов формируется привычка всех поучать; сотрудники ОВД воспринимают всех людей как правонарушителей; врачи у всех пытаются найти какое-либо заболевание);

— специальной — зависит от специализации сотрудника;

— профессионально-типологической — связана с постепенным наложением на личность каких-либо психологических особенностей, характерных именно для данной профессии;

— индивидуальной — возникает из-за чрезмерного развития профессионально важных качеств специалиста.

С точки зрения педагогического подхода профессиональная деформация личности специалиста определяется как изменение качеств и свойств личности (стереотипов восприятия, ценностных ориентаций, характера, способов общения и поведения) под влиянием выполнения им профессиональной деятельности [3, с. 383].

В профессиональной этике рассматриваются два понятия — «профессиональная деформация» и «профессиональная нравственная деформация личности». Профессиональная деформация — явление, объективно сопровождающее развитие человека в его профессиональной деятельности, если он повседневно не занимается личностным саморазвитием [4, с. 48]. Профессионально-нравственная деформация — снижение качества выполнения своих профессиональных обязанностей, а также искажение профессионально-нравственного сознания, профессиональной деятельности и ее результатов [5, с. 108].

На профессионально-нравственную деформацию личности влияют как объективные факторы, состоящие из внешних (детерминированные условиями общественной жизни) и внутренних (порожденные спецификой службы), так и субъективные факторы.

Среди многочисленных форм профессионально-нравственной деформации особо следует выделить те, которые влекут серьезные последствия: низкий профессиональный, культурный, нравственный уровень и отсутствие желаний его совершенствовать; формально-бюрократические методы руководства, выражающиеся в высокомерии, грубости, бездушном отношении к подчиненным; злоупотребление властными полномочиями; бесчувственное, формальное отношение к людям, отсутствие сопереживания и сострадания; сознательное нарушение принципов морали; корыстное использование служебного положения; нарушение законности; неразборчивость в средствах достижения цели; нарушение служебной дисциплины; конфликтная атмосфера в коллективе; формирование атмосферы круговой поруки и двойной морали.

С позиции юридической психологии профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел представляет собой процесс изменения профессиональных возможностей и личности сотрудника в асоциальную сторону, что является результатом негативных особенностей содержания, организации и условий служебной деятельности [6, с. 11].

Обобщая изложенное выше, можно сделать вывод о том, что профессиональ-

ная деформация сотрудника органов внутренних дел представляет собой значимые изменения индивидуально-личностных качеств специалиста в ходе выполнения им профессиональной деятельности.

Анализируя участие отечественных исследователей в изучении феномена профессиональной деформации, следует отметить особый вклад таких ученых, как А.Р. Ратинов (1967), Г.Г. Шиханцов (1976, 1998), Л.С. Свещицкий (1986), Н.Л. Гранат (1993), А.И. Папкин (1996), К.Р. Такасаева (2001), и др. Наиболее полно и последовательно изучение профессиональной деформации представлено в работах А.В. Буданова (1987, 1992, 1994), который выделил три основные группы факторов, ведущих к ее возникновению: факторы, обусловленные спецификой профессиональной деятельности; личностные и социально-психологические свойства. Особенности проявления профессиональной деформации исследовал С.П. Безносков (1987, 1997), предложивший психологический портрет ее проявлений. В.С. Медведев (1991, 1996, 1999) связал профессиональную деформацию с отклонением социальных ориентиров личности и особенностями деятельности разных служб (особенно в уголовном розыске, патрульно-постовой службе, следствии). С.Е. Борисова (1998, 2001) описала личностные предпосылки профессиональной деформации сотрудников в первые годы службы. Е.В. Змановская и В.Ю. Рыбников в своих работах пришли к выводу о том, что общая вероятность возникновения профессиональной деформации у сотрудников органов внутренних дел выглядит следующим образом: до пяти лет службы — незначительная, маловероятная, здесь наиболее распространен начальный уровень деформации; 6-10 лет — вероятность преимущественно средняя, начальный и средний уровни распространены одинаково; 11-15 лет — вероятность деформации высокая, а у некоторых сотрудников она очень высокая, возникает глубинный уровень; свыше 15 лет — деформация практически неизбежна [6, с. 30].

Следует отметить, что большую роль в возникновении профессиональной деформации играют профессиональный стресс, носящий деструктивный характер; внутреннее накопление отрицательных эмоций (гнев, обида, тревога); психиче-

ское напряжение и утомление. При этом, если не проводить профилактику стресса и «разрядку» или «избавление» от негативных эмоций, утомления и напряжения, то профессиональная деформация может привести к профессиональной деформации личности профессионала, что проявляется в изменении индивидуально-личностных качеств, таких как особенности характера, способы общения и поведения, система ценностных ориентаций [7]. Профессиональная деформация личности может проявляться в высоком уровне агрессии на работе и дома, неадекватном восприятии людей и ситуаций, а часто и в потере вкуса к жизни. Профессиональная деформация личности может иметь эпизодический, устойчивый, поверхностный, глобальный, положительный или отрицательный характер.

Е.А. Рогов выделяет следующие виды профессиональной деформации личности: общепрофессиональная — свойственна большинству людей, занятых данной профессией, и зависит от инвариативных предмета и средств труда, профессиональных задач, установок, привычек и форм общения [8, с. 150]. Чем больше органичен предмет труда, тем в большей степени проявляется данный вид профессионально-личностной деформации; типологическая — результат объединения индивидуально-личностных особенностей специалиста и особенностей выполняемой им профессиональной деятельности; индивидуальная — определена личной направленностью профессиональной деятельности, когда сама профессия создает благоприятные условия для развития тех качеств личности, задатки которых имелись еще до начала этапа профессионализации. В этом случае профессиональная деформация может рассматриваться как положительный феномен, если у сотрудника формируются и развиваются положительные профессионально важные качества.

Еще одной формой проявления профессиональной деформации личности может быть личностно-ролевой диссонанс, когда человек осознает, что занимается профессиональной деятельностью, к которой не готов или которой не способен заниматься. Но даже осознав ошибочность своего профессионального пути, специалист продолжает трудиться в выбранной

им сфере, при этом у него наблюдается снижение трудовой активности, отсутствие желания реализоваться в профессии.

Наиболее общей причиной возникновения профессиональной деформации личности специалиста считается необходимость постоянного взаимодействия с другими людьми. Кроме того, к причинам, способствующим профессиональной деформации, могут быть отнесены: мотивы выбора профессии (престиж, высокая заработная плата, преемственность поколений и т.д.), которые не всегда оправдываются в процессе профессионального становления личности специалиста; монотония, которая приводит к формированию профессиональных стереотипов поведения и уходу от личностной активности; высокая моральная ответственность за результаты своего труда, приводящая к возникновению эмоциональной напряженности и стрессу; определенный предел развития уровня образования и профессионализма специалиста, который зависит от социально-профессиональных установок, индивидуально-психологических особенностей, эмоционально-волевых характеристик, неудовлетворенность имиджем собственной профессии, низкой зарплатой, отсутствием моральных или материальных стимулов.

Рассматривая профессиональную деформацию, проявляющуюся у сотрудников органов внутренних дел, мы придерживаемся точки зрения, которая основывается на том, что развитию и функционированию профессиональной деформации способствуют следующие внешние и внутренние факторы:

1) в сфере профессиональной деятельности — постоянное общение с различными категориями граждан, в том числе с правонарушителями; необходимость решения задач профилактики и пресечения правонарушений и т.д.;

2) во взаимодействии внутрисистемного характера — общение с руководителем и сослуживцами; коллективное выполнение служебных задач и т.д.;

3) в специфике деятельности правоохранительных органов: детальная правовая регламентация деятельности (может носить позитивный характер, а также проявляться в ненужной порой формализации деятельности, элементах бюрократизма); использование властных

полномочий в отношении граждан, что может обнаружиться в злоупотреблении ими и их необоснованном использовании сотрудниками ОВД; корпоративность деятельности, которая может стать причиной психологической обособленности сотрудников органов внутренних дел либо их отчуждения от общества; высокая степень ответственности за результаты своей деятельности; ненормированный график работы, отсутствие достаточного времени для отдыха и восстановления сил, что приводит к постоянному психическому и физическому напряжению; экстремальный характер деятельности, связанный с выполнением профессиональных задач в опасных для жизни и здоровья ситуациях; постоянный оправданный и неоправданный риск; невозможность предвидения развития событий; неопределенная или недостаточная информация о деятельности криминальных сообществ; угрозы со стороны преступников и др.; необходимость в процессе выполнения служебных задач общаться с правонарушителями, что может приводить к принятию элементов криминальной субкультуры, например, использованию уголовного жаргона, обращению по кличкам и т.п.;

4) в индивидуально-личностных особенностях сотрудников органов внутренних дел: не соответствующий индивидуально-личностным возможностям сотрудника уровень притязаний и завышенные ожидания; низкая профессиональная подготовленность к выполнению профессиональной деятельности; специфическая взаимосвязь некоторых профессионально значимых качеств личности сотрудника (например, решительность вместе с пониженным самоконтролем может принять форму чрезмерной самоуверенности и т.п.); профессиональные знания, умения и навыки, выражающиеся в профессиональном опыте; профессиональные установки (например, восприятие других людей как потенциальных нарушителей может привести к обвинительной позиции в деятельности, постоянной подозрительности и др.); социально-психологическая дезадаптация личности сотрудников органов внутренних дел, которая может выражаться во враждебности, склонности к насилию, бессердечности, безжалостности при обращении с гражданами и др.; трансформация мотивации

деятельности, которая может проявляться в потере интереса к деятельности, разочаровании в профессии и др.;

5) социально-психологические факторы: стиль руководства подчиненными, который может выражаться в чрезмерной авторитарности начальника и преобладании жесткого стиля управления, некорректном использовании руководителем методов воздействия на подчиненных; неблагоприятное влияние родственников и близких людей вне службы; низкое общественное мнение о деятельности органов внутренних дел, вследствие чего может возникнуть профессиональное бессилие и неуверенность в необходимости, нужности, важности и значимости своей профессии [3, с. 386].

По мнению Е.А. Змановской и В.Ю. Рыбникова, профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел может проявляться в следующих синдромах [2, с. 226]:

1) психофизиологического истощения и психосоматических нарушений (сотрудник ОВД испытывает постоянное чувство усталости, апатии, что выражается в плохом настроении; бессоннице; обострении хронических заболеваний; снижается способность получать удовольствие от того, что ранее его доставляло; повышается раздражительность и имеет место постоянная конфликтность);

2) снижение профессиональных достижений (понижение эффективности и постоянная неудовлетворенность работой и общением с людьми; повышение безразличия к работе и людям; отсутствие желания идти на работу; манипулирование людьми; повышение числа конфликтов; стойкое желание избежать работы; отсутствие стремления к эффективной деятельности; устойчивое намерение поменять работу);

3) нарушение адекватного восприятия себя и окружающего мира (ощущение личной несостоятельности; повышение конфликтности или деструктивного поведения; повышение критичности и цинизма по отношению к людям; ощущение нецелесообразности всего происходящего; перенос профессиональных проблем в личностную сферу, что может привести к ухудшению отношений с семьей, родственниками, друзьями, коллегами).

Как показывают результаты исследований [2, с. 224], развитие профессиональной деформации проходит три основных уровня: начальный — приводит к незначительным, малозаметным изменениям в личности, еще нет фатальной зависимости от службы. Обычно протекает в первые годы службы; средний — на этом уровне происходят определенные количественно-качественные изменения индивидуально-личностных особенностей сотрудника органов внутренних дел, что может проявляться либо в чрезмерной выраженности профессионально важных качеств, либо в их изменении в свою полную противоположность (например, присущая полицейскому внимательность превращается в подозрительность, уверенность — в самоуверенность, самообладание, спокойствие — в равнодушие, требовательность — в придирищность, усердие — в педантизм и т.п.) [10, с. 69]; глубокий — проявление профессиональной деформации заключается в том, что происходит обострение и развитие социально-негативных черт личности профессионала (жестокость, цинизм, вседозволенность, профессиональная корпоративность).

Профессиональная деформация отрицательно сказывается не только на профессиональной сфере, но и на нравственной, интеллектуальной, эмоциональной и мотивационной. Так, в эмоциональной сфере наблюдается ослабление способности сознательно контролировать и регулировать свои эмоции и чувства, ее сужение, апатия, постоянное чувство усталости. Меняется служебное поведение сотрудников органов внутренних дел как в отношениях с гражданами, так и с сослуживцами.

Необходимо отметить, что профессиональная деформация может быть как явной, так и скрытой.

В первом случае у сотрудника наблюдается бездушное отношение к правонарушителям; чрезмерная подозрительность; отсутствие самокритичности; использование незаконных методов борьбы с преступностью; злоупотребление спиртными напитками; использование в речи жаргонов преступного мира; неаккуратность, неряшливость, и даже неопрятный внешний вид. Скрытая деформация проявляется в злоупотреблении служебным положением; преобладании корыстных целей; амо-

ральности; ложном понимании интересов службы; укрывательстве преступлений; взяточничестве.

Невозможность снятия или подавление стресса и отрицательных эмоций, переживаемых сотрудником ОВД в ходе выполнения им профессиональной деятельности, приводит к еще одной форме проявления профессиональной деформации — девиантному поведению, проявляющемуся в форме противоправных действий, злоупотреблении алкоголем или наркотиками, игровой зависимости, а также в суицидальном поведении.

С точки зрения юридической психологии, социологии девиантное поведение сотрудников ОВД — это поведение, запрещенное законом, осуждаемое общественными, религиозными, моральными, этическими нормами [4, с. 48]. Одной из самых распространенных форм девиантного поведения у сотрудников ОВД является злоупотребление алкоголем. Употребление алкоголя связано с тем, что он якобы оказывает положительное воздействие на физическую и эмоциональную сферу личности: согревает, тонизирует, расслабляет, активизирует, оказывает обезболивающее и противовоспалительное действие, повышает настроение и уверенность в себе. Однако это только кажущиеся возможности, не способные привести к продуктивным результатам.

Следует отметить еще одно проявление профессиональной деформации — синдром эмоционального выгорания (или так называемое эмоциональное сгорание) — состояние, когда человек ощущает моральное, умственное и физическое истощение [7].

Определяя факторы, вызывающие эмоциональное выгорание, можно объединить их в следующие группы: индивидуальные (возраст, пол, уровень образования, стаж работы, семейное положение, личностные особенности, самооценка); организационные (условия работы и содержание труда); социально-психологические (социально-психологический климат в коллективе, стиль руководства, моральное и материальное стимулирование сотрудников, ролевой конфликт).

Симптомами синдрома эмоционального выгорания являются: чувство безразличия и эмоционального изнеможения,

проявляющееся в постоянной усталости и нежелании осуществлять профессиональную деятельность; дегуманизация, проявляющаяся в негативном отношении к людям: родственникам, сослуживцам, гражданам; негативное восприятие себя как профессионала, уступающего своим коллегам из-за отсутствия необходимых знаний, умений, навыков и способностей; апатия; повышенная раздражительность; чувство одиночества; избегание неформальных контактов; конфликты с коллегами и др.

Джордж Гринберг, чье мнение представляется нам наиболее полным, выделил следующие стадии эмоционального синдрома:

1. Человек доволен своей работой, но испытываемые им постоянные стрессы постепенно приводят к упадку сил.

2. Начинают проявляться первые признаки синдрома: усталость, апатия, бессонница, снижение работоспособности, частичная потеря интереса к своей работе, возможны нарушения трудовой дисциплины и самоустранение от выполнения профессиональных обязанностей.

3. Постоянное переживание нехватки времени, обострение чувства подавленности.

4. Появление синдрома хронической усталости, частичная или полная потеря работоспособности.

5. Эмоциональная нестабильность, упадок сил, обострение хронических заболеваний [7].

Синдром эмоционального выгорания включает в себя три компонента: эмоциональное истощение, выражающееся в эмоциональной усталости и опустошенности от собственной работы; деперсонализация, проявляющаяся в циничном, бесчувственном и негуманном отношении к труду и субъектам своего труда; редукция профессиональных достижений — возникновение у сотрудника чувства неполноценности и некомпетентности в своей профессиональной сфере.

Синдром эмоционального выгорания в ряде ситуаций позволяет человеку продуктивно расходовать свои энергетические ресурсы, а в некоторых, напротив, отрицательно сказывается на выполнении профессиональной деятельности и взаимодействиях с другими людьми.

Крайней и наиболее тяжелой формой профессиональной деформации сотрудников ОВД является профессио-

нальная деградация, при которой меняются нравственные ориентиры личности сотрудника и она становится профессионально несостоятельной. Это проявляется в нарушении сотрудником ОВД законности, аморальном, асоциальном поведении, отсутствии интереса к работе, снижении уровня профессионализма, изменении качества отношений с окружающими или профессиональном бессилии. Все это делает невозможной дальнейшую службу в органах внутренних дел [11]. Профессиональная деградация оказывает отрицательное воздействие на психоэмоциональное состояние сотрудника органов внутренних дел, что может выражаться как в виде апатии и рассеянности внимания, так и в виде постоянно проявляющейся обидчивости, раздражительности, агрессивности. И тогда сотрудник показывает либо полное безразличие к тому, что и как он делает, его не волнуют допускаемые им ошибки и их последствия, либо перестает воспринимать критику в свой адрес, постоянно конфликтует с руководителями, коллегами, гражданами.

Принимая во внимание актуальность, сложность и опасность такого явления, как профессиональная деформация, ее профилактика должна включать в себя ряд психолого-педагогических предупредительных мероприятий, которые ориентированы в первую очередь на выявление предпосылок формирования деформации и их своевременное устранение, что позволит сотруднику органов внутренних дел как можно дольше оставаться в профессии. К таким мероприятиям можно отнести организационно-управленческую работу в органах внутренних дел; обеспечение профессиональной преемственности между сотрудниками; повышение управленческой культуры руководителей; поддержание функционирования института наставничества; воспитательную работу; мероприятия, направленные на создание оптимального морально-психологического климата в коллективе; развитие и поддержание положительных традиций в коллективе; целенаправленное и систематическое воздействие на внеслужебную деятельность сотрудников; профессионально-нравственную, профессионально-психологическую и правовую подготовку сотрудников и др. [7].

Как показывает практический опыт и проводимые исследования, избежать формирования некоторых признаков профессиональной деформации удастся людям с хорошо развитой рефлексией, умением объективно оценивать себя, свою личность и свои поступки, осознавать истинные причины внутриличностных изменений, стремящихся к саморазвитию и повышению компетентности не только в профессиональной, но и в других сферах. При этом огромное значение имеют широкий кругозор сотрудника, интересы, не относящиеся к профессиональной среде, наличие хобби и умение найти время для занятий им, общение с людьми иной профессиональной сферы деятельности, возможно, даже через социальные сети, грамотно организованный отдых.

Таким образом, проанализированный нами ряд источников по теме профессиональной деформации позволяет сделать следующие выводы:

— во-первых, в общем психологическом плане профессиональная деформация понимается как результат влияния профессиональной деятельности на личностные свойства специалиста;

— во-вторых, профессиональная деформация сотрудника ОВД — это отрицательные изменения личных качеств сотрудника, которые развиваются под влиянием как внешних (общение с правонарушителями, принятие решения о применении к ним мер профилактики и пресечении правонарушений и т.д.), так и

внутренних (отношение с руководителем и сослуживцами, совместное выполнение служебных задач и т.д.) факторов;

— в-третьих, с увеличением профессионального стажа у сотрудников органов внутренних дел возрастает вероятность возникновения профессиональной деформации;

— в-четвертых, симптомами профессиональной деформации являются психофизиологическое истощение и психосоматические нарушения; снижение профессиональных достижений; нарушение адекватного восприятия себя и окружающего мира;

— в-пятых, к основным видам профессиональной деформации могут быть отнесены общепрофессиональная, специальная, профессионально-типологическая и индивидуальная деформация;

— в-шестых, формы профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел проявляются в эмоциональном выгорании; профессиональной деформации личности; девиантном поведении; профессионально-нравственной деформации; профессиональной деградации;

— в-седьмых, профессиональная деформация может быть явной и скрытой;

— в-восьмых, профилактика профессиональной деформации состоит из разнообразных психолого-педагогических мероприятий, основная цель которых — предупреждение возникновения данного явления.

Список литературы

1. Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. СПб., 2004. 272 с.
2. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы. СПб., 2010. 352 с.
3. Юридическая педагогика: учебник для студентов вузов / под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. М., 2004. 896 с.
4. Солодкова Т.И. Преодоление синдрома «выгорания» // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 3 (42). С. 47-50.
5. Зарубина Е.В. Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел: словарь. Екатеринбург, 2012. 73 с.
6. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органа внутренних дел: метод. пособие / под общ. ред. В.М. Бурыкина. М., 2004. 144 с.
7. URL: <http://psyfactor.org> (дата обращения: 10 апр. 2016 г.).
8. Рогов Е.И. Выбор профессии: становление профессионала. М.: Владос, 2003. 336 с.
9. Бондаренко Т.А. Юридическая психология для следователей: учеб. пособие. М., 2007. 260 с.
10. Камнева Е.В. Профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел: факторы и формы проявления: монография. М., 2011. 108 с.
11. URL: <http://www.academic.ru> (дата обращения: 10 апр. 2016 г.).

Раздел 13. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ФИРСОВ А.Н., FIRSOV A.N.,
firsovalexsey14042012@yandex.ru firsovalexsey14042012@yandex.ru
Кафедра уголовного права и криминологии;
Красноярский государственный аграрный университет,
660049, г. Красноярск, просп. Мира, 90
Chair of criminal law and criminology;
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Mira Avenue 90, Krasnoyarsk, 660049,
Russian Federation

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА

Аннотация. Проблема потерпевшего как факультативного признака объекта преступления в науке уголовного права является достаточно разработанной. Однако требует более пристального внимания уголовно-правовая характеристика потерпевшего по отдельным составам преступлений, в том числе потерпевшего от заведомо ложного доноса – наиболее часто совершаемого преступления против правосудия. В процессе исследования автор приходит к выводу о том, что в Уголовном кодексе Российской Федерации необходимо закрепить понятие потерпевшего. Аргументируется, что потерпевшим в уголовном праве может быть физическое или юридическое лицо. При этом потерпевшим от заведомо ложного доноса является только физическое лицо, то есть человек, которому данным преступлением был причинен вред. Возраст потерпевшего от заведомо ложного доноса не может быть ниже минимального возраста уголовной ответственности (14 лет), поскольку ранее он выступал субъектом преступления.

Ключевые слова: заведомо ложный донос; потерпевший; преступление; уголовная ответственность; уголовное право; уголовный процесс.

CRIMINAL LAW CHARACTERISTIC OF THE VICTIM OF KNOWINGLY FALSE DENUNCIATION

Annotation. The problem of the victim as an optional characteristic of the object of crime is sufficiently developed in the science of criminal law. However, the criminal law characteristic of the victim of certain crimes, including the victim of knowingly false denunciation - the most frequently committed crime against justice, requires more attention. During the research the author comes to the conclusion that it is necessary to consolidate the concept of the victim in the Criminal Code of the Russian Federation. It is argued that, according to the criminal law, a natural or legal person may be the victim. At the same time the victim of knowingly false denunciation is a natural person, that is the person who suffered harm by this crime. The age of the victim of knowingly false denunciation can not be below the minimum age of criminal liability (14 years), because previously, he (she) was the subject of crime.

Keywords: knowingly false denunciation; victim; crime; criminal liability; criminal law; criminal procedure.

В теории уголовного права потерпевший традиционно выступает в качестве факультативного признака объекта преступления*. В последнее время учеными активно обсуждаются проблемы, связан-

ные с определением сущности и значения данной правовой категории. Однако по-прежнему мало внимания уделяется уголовно-правовой характеристике потерпевшего при рассмотрении отдельного состава преступления.

В частности, это касается одного из самых часто совершаемых преступлений против правосудия – заведомо ложного доноса. Так, количество осужденных за данное преступление в 2010 г. составило 3 606 (40,5 % от общего числа осужденных за преступления против правосудия), в 2011 г. – 3 137 (40,1 %), в 2012 г. – 3 370 (44,7 %), в 2013 г. – 3 717 (40,8 %), в

* Автор данной статьи придерживается традиционной точки зрения, согласно которой состав преступления представляет собой совокупность объективных и субъективных элементов (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) и признаков, раскрывающих их содержание (см.: Уголовное право России. Общая часть: учеб. пособие / под ред. А.В. Шеслера. Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД России, 2008. С. 95).

2014 г. — 3 561 (37 %), в 2015 г. — 3 352 (30,7 %)*.

Указанное преступное деяние не только оказывает негативное воздействие на деятельность органов, осуществляющих правосудие, но и причиняет вред лицам, незаконно обвиненным со стороны лжедонщика в совершении преступления. В связи с этим целью данной статьи является определение уголовно-правовой характеристики потерпевшего от заведомо ложного доноса.

В русском языке слово «потерпевший» имеет несколько значений. В «Толковом словаре живого великорусского языка», составленном В.И. Далем, указанное слово вообще отсутствует**. Согласно Толковому словарю Д.Н. Ушакова под потерпевшим понимается лицо, подвергшееся какой-нибудь неприятности, пострадавшее от чего-нибудь [1, с. 729]. Н.Ю. Шведова считает, что потерпевший — это человек, которому в результате преступления причинен моральный, физический или имущественный урон [2, с. 708].

В юриспруденции вопрос об определении понятия «потерпевший» всегда носил дискуссионный характер, что объясняется различной правовой природой данного явления в отдельной науке криминального цикла. Прежде всего, это касается проблемы понимания потерпевшего в уголовном и уголовно-процессуальном праве.

Советское уголовное и уголовно-процессуальное право зачастую понимало под потерпевшим лишь физическое лицо, не выделяя при этом его отличительные от каждой из рассматриваемых наук особенности. Так, В.Е. Юрченко, рассуждая о том, что потерпевшим в уголовном праве и процессе может быть только гражданин, определял его признаки: «если ему был

причинен хотя бы один из видов вреда (моральный, физический или имущественный); этот вред был причинен преступлением; между преступлением и причиненным вредом была прямая связь» [3, с. 6]. А.Н. Красиков утверждал, что в уголовном законодательстве термин «потерпевший» употребляется только в отношении физических лиц и аналогично этот вопрос решается в уголовно-процессуальном законодательстве [4, с. 40].

Однако некоторые авторы в рассматриваемый период по-другому решали указанную проблему. Один из них — В.П. Божьев, который, по нашему мнению, абсолютно правильно рассматривал понятие «потерпевший» в двух смыслах — материальном (уголовном) и процессуальном. Согласно позиции ученого под потерпевшими в уголовно-процессуальном значении понимаются граждане, которые обладают уголовно-процессуальной дееспособностью, а в уголовно-правовом значении — как физические, так и юридические лица, которым преступлением причинен вред [5, с. 152].

Следует признать, что определение потерпевшего в уголовном праве и уголовном процессе имеет разные значения. Если в рамках уголовного права потерпевший появляется непосредственно в момент совершения преступления, то в уголовном процессе наряду с этим необходимо дополнительное условие — властное волеизъявление в форме постановления о признании потерпевшим [6, с. 175]. Из этого следует, что потерпевший в уголовном праве приобретает свой статус с момента причинения ему вреда преступлением, а статус потерпевшего в уголовном процессе приобретает в ходе предварительного расследования. Таким образом, понятие потерпевшего в уголовном праве первично по отношению к аналогичному понятию в уголовном процессе.

Кроме того, следует согласиться с мнением С.В. Анощенковой, которая различает потерпевшего в уголовном праве от потерпевшего в уголовном процессе по характеру причиняемого вреда. Данный автор утверждает, что в уголовном праве преступлением может быть причинен вред материальный (физический и имущественный) и нематериальный (моральный или психологический, вред деловой

* Информация получена на основе анализа статистических данных о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ, представленных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (см.: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>).

** См.: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Том третий. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882.

репутации, экономический, политический и т.д.), а вред в уголовном процессе определяется нормами уголовно-процессуального законодательства и может быть лишь физическим, имущественным и моральным (вред деловой репутации) [7, с. 22]. С.В. Анощенкова справедливо отмечает также, что в уголовном праве вред потерпевшему может не только причиняться, но и угрожать [7, с. 22-23].

Уголовно-процессуальное законодательство в отличие от уголовного закрепляет понятие «потерпевший». Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В связи с этим наиболее правильным было бы закрепление понятия потерпевшего и в УК РФ, отражающего материальную составляющую данного правового явления. Следует согласиться с мнением некоторых авторов, предлагающих закрепить за потерпевшим в уголовном законодательстве термин «пострадавший» [8, с. 41; 9, с. 39]. Так, А.В. Сумачев понимает под пострадавшим лицо, которому посредством нарушения его охраняемых уголовным законом прав непосредственно причинены моральный, физический, имущественный вред, эмоциональные страдания, или в отношении его имело место существенное ущемление основных прав и свобод в результате вредопричиняющего деяния, предусмотренного уголовным законом, либо была создана реальная возможность причинения ему указанного вреда в результате покушения (приготовления) на преступление [9, с. 39]. Указанное определение позволит избежать путаницы между уголовно-правовым и уголовно-процессуальным понятием потерпевшего, исключив ошибки в толковании законодательства по данной проблеме, а также исключить постоянное разграничение анализируемых понятий при рассмотрении учеными какого-либо вопроса, связанного с потерпевшим в уголовном праве или уголовном процессе.

Кроме того, на практике достаточно распространены случаи, когда понятие «потерпевший от преступления» подменяется понятием «пострадавший от пре-

ступления». Так, постановлением Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 года N 5-П устанавливается, что к обязанностям государства относится следующее: «обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами»*.

Когда говорят о потерпевшем от преступления в уголовно-правовом значении, прежде всего имеется в виду физическое лицо. Однако и в советский период развития уголовного права, и на современном этапе все чаще высказывается точка зрения, согласно которой потерпевшим от преступления может быть также юридическое лицо.

Так, О.А. Владимирова, считая юридических лиц полноправными участниками общественных отношений, справедливо отмечает, что УК РФ в некоторых случаях прямо указывает на нарушение общественно опасным деянием их прав и интересов (например, в ст.ст. 169, 176, 180, 183 УК РФ и др.) [10, с. 62]. Соглашаясь с мнением данного автора, следует признать юридическое лицо в качестве субъекта общественных отношений. Отметим, что под общественными отношениями понимаются устойчивые, типизированные интегрированные социальные связи, которые возникают в процессе совместной деятельности субъектов [11, с. 37]. Юридическое лицо вступает в указанные социальные связи с различными физическими лицами (предоставление последним различных услуг), а также иными юридическими лицами (сотрудничество между предприятиями или организациями).

А.В. Сумачев и Д.А. Писаренко, проведя анализ потерпевшего юридического лица в уголовном праве, пришли к выводу о том, что им является «юридическое лицо, имуществу и (или) деловой репутации которого преступлением непосредственно причинен вред или существенное ущемление чьих законных прав имело место либо

* По делу о проверке конституционности ч. 2.1 ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области: постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. N 5-П Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в отношении которого создана реальная возможность причинения указанного вреда в результате покушения (приготовления) на преступление» [12, с. 90].

Наиболее проблемным является вопрос о признании в качестве потерпевших общества и государства.

В свое время на практике было принято несколько решений по данной проблеме. Министерство финансов РФ в письме от 9 августа 2006 г. N 08-04-14/4048 указало следующее: «ни Российская Федерация, ни субъекты Российской Федерации, ни муниципальные образования, являющиеся публично-правовыми образованиями, не могут быть признаны потерпевшими по уголовным делам»*. Конституционный Суд РФ в своем определении от 4 декабря 2007 года N 812-О-О установил: несмотря на то, что ч. 1 ст. 42 УПК РФ не регламентирует вопросы, связанные с защитой пострадавших от преступления интересов государства, это не означает, что органы государственной власти и органы местного самоуправления как юридические лица лишены права требовать признания их потерпевшими в случае причинения преступлением вреда непосредственно их имуществу или деловой репутации**. Отсюда следует, что государственные органы, органы местного самоуправления могут выступать в качестве потерпевших в уголовном процессе как юридические лица.

В теории уголовного права в последнее время все чаще высказываются позиции, определяющие государство и общество в качестве потерпевших от преступления в материальном (уголовном) праве. Однако, по нашему мнению, «государство» и «общество» представляются весьма абстрактными понятиями. Более

того, ущерб обществу и государству будет наносить в той или иной степени абсолютно любое преступное деяние. Таким образом, потерпевший не может признаваться в качестве факультативного признака объекта преступления, так как его присутствие будет обязательным для всех составов преступления, а это вызовет еще больше споров и противоречий. Общество вообще не может являться субъектом общественных отношений, так как является первопричиной их образования (если бы не было общества, то негде было бы существовать общественным отношениям).

Таким образом, потерпевшим в уголовном праве может выступать только физическое или юридическое лицо.

Рассматривая потерпевшего от заведомо ложного доноса, следует отметить, что он может являться как факультативным, так и обязательным признаком объекта данного преступления. В качестве факультативного признака объекта потерпевший от заведомо ложного доноса выступает в случае квалификации деяния:

– по ч. 1 ст. 306 УК РФ, когда лжедоносчик обвинил потерпевшее лицо в совершении преступления небольшой или средней тяжести;

– ч. 3 ст. 306 УК РФ, когда действия лжедоносчика по обвинению потерпевшего в совершении преступления небольшой или средней тяжести соединены с искусственным созданием доказательств обвинения.

Обязательным признаком объекта потерпевший от заведомо ложного доноса выступает в случае квалификации деяния:

– по ч. 2 ст. 306 УК РФ, когда лжедоносчик обвинил потерпевшее лицо в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления;

– ч. 3 ст. 306 УК РФ, когда лжедоносчик обвинил потерпевшее лицо в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, при этом искусственно создав доказательства его обвинения.

Потерпевшим от заведомо ложного доноса является физическое лицо, то есть человек, которому данным преступлением был причинен вред. Немаловажным моментом здесь выступает то, что указанное физическое лицо было обвинено лжедоносчиком в совершении какого-либо преступного деяния, то есть являлось субъектом преступления. В связи с этим

* О привлечении Минфина РФ в качестве потерпевшего по уголовным делам в связи с причинением ущерба государству: письмо Минфина РФ от 9 авг. 2006 г. N 08-04-14/4048. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи участка N 11 Московского района г. Рязани о проверке конституционности ч. 1 ст. 42 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 4 дек. 2007 г. N 812-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

возраст потерпевшего от заведомо ложного доноса физического лица не может быть ниже минимально установленного законодательством возраста наступления уголовной ответственности за совершение преступления. Таким образом, возраст потерпевшего от заведомо ложного доноса не может быть ниже 14 лет.

Рассматривая виды вреда, причиненного потерпевшему от заведомо ложного доноса физическому лицу, следует отметить прежде всего моральный вред.

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 года N 10 под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина*.

Некоторые авторы дают иные определения морального вреда. Однако в целом данные определения основаны на положениях действующего законодательства. Так, А.А. Власов понимает под моральным вредом причиненный физическому лицу ущерб, выражающийся в унижении его чувств, состоящий в создании у потерпевшего негативных ощущений и эмоций (нравственных переживаний, страданий), влекущий негативные последствия для его психики, а также носящий нематериальный характер опосредованно (через создание) и причиняющий физический вред [13, с. 99].

Между тем, как верно отметил В.В. Муковнин, разграничивающий понятия «физические страдания» и «физический вред», физические страдания — это один из признаков морального вреда в том виде, как он определен в законодательстве, а физический вред — это любые негативные

изменения в организме человека, препятствующие его благополучному биологическому функционированию [14, с. 41]. Если, по мнению автора, физические страдания рассматривать как признак морального вреда, то можно сказать, что физическое состояние организма и его функционирование может быть нарушено не только физической травмой, увечьем (в случае причинения физического вреда), но и нравственными переживаниями, в результате которых человек заболевает [14, с. 41].

Таким образом, потерпевшему от заведомо ложного доноса может быть причинен моральный вред, посягающий на принадлежащие ему различные нематериальные блага (здоровье, честь и достоинство, деловая репутация и т.д.), а также на личные неимущественные и имущественные права потерпевшего. Так, в Прикубанский районный суд г. Краснодара обратился М.А.В. с требованием взыскания морального вреда с Ш.К.В. в результате совершения последним заведомо ложного доноса. М.А.В. пояснил, что работающий с ним в органах ФСБ России Ш.К.В. написал заявление на имя руководителя управления собственной безопасности ФСБ России по Краснодарскому краю, в котором указал заведомо ложные сведения, порочащие честь и достоинство М.А.В. По данному заявлению в отношении М.А.В. была проведена служебная проверка, по итогам которой следователем военного следственного отдела по Краснодарскому краю было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В результате совершения Ш.К.В. заведомо ложного доноса была подорвана личная репутация М.А.В. Кроме того, из-за проводившейся в отношении М.А.В. проверки последний не смог выехать на отдых в санаторий. В итоге суд вынес решение, согласно которому с Ш.К.В. в пользу М.А.В. за причиненный моральный вред было взыскано 250 000 рублей**.

По аналогии с субъектом преступления потерпевший от заведомо ложного доноса может быть как общим, так и

* Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 дек. 1994 г. N 10 // Рос. газ. 1995. 8 февр.

** О взыскании морального вреда за заведомо ложный донос: решение Прикубанского районного суда г. Краснодара от 10 февр. 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «Право.ru» (см.: URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/17797900/>).

специальным (лицо, обладающее особым правовым статусом). На практике нередко происходят случаи, когда потерпевшим от заведомо ложного доноса выступает должностное лицо.

Так, приговором Тасеевского районного суда Красноярского края в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 306 УК РФ, была признана виновной М.Н.В. Последняя совместно со своим братом была доставлена в отдел полиции участковыми уполномоченными полиции для дальнейшего разбирательства по поступившему в отношении ее и ее брата сообщению о причинении ими телесных повреждений гражданину А. Находясь в данном помещении, М.Н.В. воспользовалась наличием у нее на теле телесных повреждений в виде осадненных ран обеих кистей и написала заведомо ложное заявление о причинении ей телесных повреждений одним из доставлявших ее участковых уполномоченных полиции. Таким образом, М.Н.В. совершила заведомо ложный донос в отношении должностного лица о совершении последним преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ*.

Вопрос о признании юридического лица в качестве потерпевшего от заведомо ложного доноса является сложным и многоаспектным. Прежде всего это связано с тем, что юридическое лицо не может быть субъектом преступления, а значит, и не может быть ложно обвинено в совершении преступления. В последнее время все больше исследователей обращают внимание на проблему уголовной ответственности юридических лиц в России.

Так, С.Г. Демин, признавая юридическое лицо в качестве субъекта уголовной ответственности, определяет его как коммерческую или некоммерческую организацию, зарегистрированную в установленном законом порядке в качестве юридического лица на территории Российской Федерации и не являющуюся публично-правовым образованием на территории Российской Федерации или иностранного государства, а также как иностранную

организацию (корпорацию), международную неправительственную организацию, зарегистрированную на территории иностранного государства и осуществляющую деятельность на территории Российской Федерации непосредственно или посредством деятельности зарегистрированных в установленном законом порядке филиалов или представительств [15, с. 149-150].

Следует отметить, что позиция ученых о введении уголовной ответственности юридических лиц в России является правильной. Однако требуется существенное изменение уголовного законодательства, что на сегодняшний день не было сделано. В связи с этим говорить об уголовной ответственности юридических лиц, а равно о признании их потерпевшими от заведомо ложного доноса пока преждевременно.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Определение потерпевшего в уголовном праве и уголовном процессе имеет разные значения. Потерпевший в уголовном праве приобретает свой статус в момент совершения преступления и причинения ему вреда данным преступлением, а в уголовном процессе — с момента вынесения уполномоченным лицом постановления о признании потерпевшим. Кроме того, с точки зрения уголовного права вред потерпевшему может не только причиняться, как в уголовном процессе, но также и угрожать.

2. Потерпевшими в уголовном праве признаются физические, а также юридические лица, которым в результате совершения преступления был причинен вред.

3. Потерпевшим от заведомо ложного доноса является только физическое лицо. При этом данное физическое лицо ранее было обвинено лжедоносчиком в совершении какого-либо преступного деяния, то есть являлось субъектом преступления. Учитывая то, что юридическое лицо не может нести уголовную ответственность за совершение преступления, оно не может быть потерпевшим от заведомо ложного доноса.

* Решение по делу N 1-49/2015. Доступ из справ.-правовой системы «РосПравосудие» (см.: URL: <https://rospravosudie.com/court-taseevskij-rajonnyj-sud-krasnoyarskij-kraj-s/act-496088919/>).

Список литературы

1. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1216 с.
2. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.
3. Юрченко В.Е. Потерпевший от преступления. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1979. 56 с.
4. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1976. 120 с.
5. Божьев В.П. К вопросу о понятии потерпевшего в советском уголовном процессе // Ученые записки ВИЮН. 1962. Вып. 15. С. 152-180.
6. Залозный А.В. Системный анализ категории «потерпевший» в уголовном праве и уголовном процессе // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2007. N 1. С. 174-177.
7. Анощенкова С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. М.: Волтерс Клувер, 2006. 248 с.
8. Яни П.С. Законодательное определение потерпевшего от преступления // Российская юстиция. 1995. N 4. С. 41.
9. Сумачев А.В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения. Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД России, 1999. 116 с.
10. Владимирова О.А. Потерпевший в уголовном праве: проблема определения понятия // Вестник Владимирского юридического института. 2011. N 2 (19). С. 61-66.
11. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М.: Юрид. лит., 1986. 240 с.
12. Сумачев А.В., Писаренко Д.А. К вопросу о понятии юридического лица, потерпевшего от преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. N 1 (19). С. 87-91.
13. Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 343 с.
14. Муковнин В.В. Физические страдания как признак морального вреда // Современное право. 2008. N 11. С. 39-43.
15. Демин С.Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2014. 251 с.

КАРГАПОЛЬЦЕВА Н.И., kargapolzeva_ni@mail.ru Кафедра теории и истории государства и права; Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66	KARGAPOLTSEVA N.I., kargapolzeva_ni@mail.ru Chair of theory and history of state and law; Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Korepina St. 66, Yekaterinburg, 620057, Russian Federation
--	---

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНСЕНСУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению категории консенсуальных правоотношений. Проанализированы существующие доктринальные подходы к определению данного понятия. Предложено авторское определение консенсуальных правоотношений, выделены и рассмотрены их основные характерные черты: 1) возникают по согласованной воле сторон; 2) необходимая предпосылка их возникновения – юридический факт, с которым норма права связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений; 3) основой являются консенсуальные нормы права; 4) содержание – взаимосогласованный объем прав и обязанностей; 5) строятся

на принципах равноправия и сотрудничества. Особое внимание уделено характеристике консенсуальных норм, которые регулируют отношения как частноправового, так и публично-правового характера. Отмечено, что не все законодательные консенсуальные нормы отвечают требованию баланса закрепленных в них прав и обязанностей.

Ключевые слова: консенсуальные правоотношения; норма права; юридический факт; принцип соразмерности, баланс прав и обязанностей; согласованное волеизъявление; договор.

THEORETICAL ASPECTS OF CONSENSUAL LEGAL RELATIONSHIPS

Annotation. The article is devoted to the analysis of the category of consensual legal relationships. The existing doctrinal approaches to the definition of this concept are analyzed. The author's definition of consensual legal relationships is suggested. Their main characteristics are identified and examined: 1) they arise according to the agreed will of the parties; 2) a necessary prerequisite for their formation is the legal fact with which the rule of law associates the emergence, change and termination of legal relations; 3) they are based on consensual rules of law; 4) their content is the mutually agreed scope of rights and responsibilities; 5) they are formed on the principles of equality and cooperation. Special attention is paid to the characteristics of consensual norms that regulate the relations of both private and public law. It is noted that not all legislative consensual rules meet the requirements of the balance of rights and responsibilities fixed in them.

Keywords: consensual legal relationships; rule of law; legal fact; principle of proportionality; balance of rights and responsibilities; agreed will expression; contract.

Теория консенсуальных правоотношений в юридической науке является новым, малоисследованным направлением. Внимание теоретиков к рассматриваемой теме вызвано стремительным развитием правоотношений, предоставляющих субъектам ту или иную степень самостоятельности в определении своих прав и обязанностей. При этом консенсус может рассматриваться как правовой результат, к которому стороны должны прийти в ходе определения своих прав и обязанностей. В идеальном варианте консенсус предполагает сходство ценностно-ориентационных установок, реализуемое посредством согласованных действий.

На диссертационном уровне данная тема была затронута лишь в двух исследованиях. Как отмечает Е.А. Самойлов, основными детерминантами появления консенсуальных отношений в праве являются:

— наличие консенсуса в качестве предпосылки возникновения материального правоотношения или в качестве объекта, по поводу которого лица вступают во взаимодействие;

— специфика нормативной основы данных отношений [1, с. 15].

Указанный автор рассматривает консенсуальное правоотношение как одну из форм разрешения социально-правовой коллизии, особую разновидность общественных отношений, представляющую собой взаимосвязь субъектов, наделенных взаимными правами и обязанностями, в

рамках которых на основе материально-правовых и процессуальных норм осуществляется разрешение юридических конфликтов, нацеленное на достижение консенсуса между противоборствующими субъектами [1, с. 19]. Однако указанный подход не учитывает случаи, когда консенсус является не способом улаживания противоречий вступающих в правоотношение сторон, а методом их взаимодействия. Например, вступление в брак никак не связано с преодолением конфликтной ситуации.

Под другим углом зрения трактует консенсуальные правоотношения И.П. Кожокар, который определяет их как «общественные отношения, урегулированные консенсуальными нормами различных отраслей права, связанные с достижением их субъектами правового согласия, направленного на удовлетворение возникающих у них потребностей» [2, с. 174].

Для более правильного понимания консенсуальных правоотношений необходимо определить их специфические черты:

1. Возникают по согласованной воле сторон. Для установления рассматриваемого правоотношения требуется волеизъявление обеих его сторон. В.А. Ойгензихт отмечает, что соглашение сторон предусматривает как внутренний волевой процесс, так и его внешнее выражение, т.е. различаются воля и волеизъявление [3, с. 52]. Волеизъявление реализуется непосредственно в действиях каждого участника правоотношения, которое и являет-

ся способом выражения их собственной воли. Консенсуальное правоотношение возникает только в случае соответствия содержания этих волеизъявлений. Согласованные воли сторон могут быть истолкованы в качестве важнейшей субъективной составляющей такого сложного и многогранного явления, как консенсус. В консенсуальных правоотношениях воплощается не просто сумма сходных волеизъявлений, а сложная их система, выраженная в соглашении сторон. Например, ст. 78 Трудового кодекса РФ предусматривает расторжение трудового договора по соглашению сторон. Инициатива по прекращению договора по указанному основанию может поступить как от работника, так и от работодателя. При этом волеизъявление сторон должно быть взаимосогласованным. Так, в одном из судебных решений был сделан вывод о принуждении работника подписать соглашение о расторжении трудового договора на основе анализа его текста. В документе было указано, что работодатель обязан при восстановлении в полном объеме производства продукции принять сотрудника на работу в прежней должности. На этом основании суд пришел к выводу о том, что на момент подписания соглашения отсутствовало добровольное и согласованное волеизъявление обеих сторон трудового договора на его расторжение*.

Однако зачастую в юридической практике встречаются ситуации, когда в суде аргументы работников остаются без внимания. Так, в одном из судебных решений по аналогичному делу суд использовал следующую аргументацию: «Внутренние мотивы, которыми руководствовался работник при подписании соглашения о расторжении трудового договора, значения не имеют, т.к. переоценка обстоятельств, из которых исходил истец, заключая соглашение, не влечет его недействительность»**. В данном случае для суда было достаточно самого факта подписания документа, в котором, на его взгляд, и выражено согласие. В этом примере говорить о возникновении консенсуальных правоотношений не пред-

ставляется возможным. Полагаем, что для возникновения консенсуальных правоотношений согласие должно быть выражено не просто в факте подписания договора, а в совместном и взаимном волеизъявлении. Итак, отличительной особенностью воли в консенсуальных правоотношениях является ее направленность на достижение взаимоприемлемого решения.

2. Необходимой предпосылкой их возникновения является юридический факт, с которым норма права связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений. И.П. Кожокар отмечает, что специфика консенсуальных правоотношений выражается в том, что обязательной предпосылкой их возникновения является консенсус как юридический факт [2, с. 159]. Мы считаем, что консенсус как идеальное явление и юридический факт как обстоятельство реальной действительности относятся к явлениям разного уровня и характеризуются принципиально разным содержанием. Содержание юридических фактов опосредовано в первую очередь тем, что они являются конкретными жизненными обстоятельствами, предусмотренными нормами права.

Иной позиции придерживается Е.А. Самойлов, указывая на то, что консенсуальные отношения являются одной из форм консенсуализации в процессе заключения договора и возникают еще до его заключения, а юридическим фактом выступает предложение о заключении договора – оферта. При этом консенсус должен выступать объектом таких отношений и сопровождать возникшие правоотношения [1, с. 17]. На наш взгляд, консенсус при заключении договора может выступать в качестве его содержания. А последний, в свою очередь, – в качестве его формы. Дело в том, что любые обстоятельства реальной действительности обладают свойствами фиксации, т.е. их можно зафиксировать на каком-то материальном носителе. Консенсус можно зафиксировать в тексте документа. Таким образом, договор выступает как юридический факт, породивший консенсуальное правоотношение.

3. Возникают на основе консенсуальных норм права. И.П. Кожокар справедливо отмечает, что основным критерием выделения указанных норм в отдельную

* Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 18 июня 2012 г. по делу N 33-1568. URL: <http://www.consultant.ru>

** Решение Макушинского районного суда (Курганская область) от 16 июня 2015 г. по делу N 2-210/2015. URL: <http://sudact.ru>

группу является их целевая направленность [2, с. 166]. Сущность консенсуальной нормы заключается в том, что она ориентирует стороны на достижение взаимоприемлемого решения между ними на основе свободы, равенства, уважения интересов противоположной стороны. Консенсуальная норма призвана обеспечить конструктивное, взаимовыгодное взаимодействие субъектов. При этом выполнение данной задачи возможно, если в норме права в полной мере реализован принцип соразмерности прав и обязанностей сторон. Согласно указанному принципу в правоотношении должно присутствовать оптимальное сочетание прав и обязанностей сторон, которые находятся в прямой зависимости друг от друга. Регулируя общественные отношения, норма права устанавливает между его субъектами определенную юридическую связь, выраженную в правах и обязанностях. При этом право не противопоставляется обязанности, а сливается с ней: осуществление права обеспечивается выполнением обязанности [4, с. 35]. В контексте рассматриваемых правоотношений права и обязанности необходимо рассматривать как парные категории. При этом требуется сбалансировать ответственность и возможности каждой из сторон. Иными словами, соразмерность выступает одним из условий соблюдения баланса интересов и равенства сторон, без которых немисливо достижение консенсуса сторон правоотношения. Кроме того, Конституционный Суд РФ указал, что «в силу ст. 15 (ч. 2), 17 (ч. 3), 19 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 1 и 3) Конституции РФ и общеправового принципа справедливости защита прав собственности и иных вещных прав, а также прав и обязанностей сторон в договоре должна осуществляться на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота»*.

Однако далеко не во всех нормах наблюдается подобный баланс прав и обязанностей. Например, ст. 502 Граждан-

ского кодекса РФ и ст. 25 Закона РФ «О защите прав потребителя» предусматривают право покупателя на возврат товара надлежащего качества, который не подошел покупателю по форме, габаритам, фасону, расцветке, размеру или комплектации. В данном случае без внимания остаются интересы продавца, который может понести убытки в виде упущенной выгоды. Кроме того, граждане зачастую злоупотребляют предоставленным правом, что привело к появлению в коммерческой среде термина «потребительский экстремизм».

В качестве примера можно указать и ст. 428 ГК РФ, связанную с договором присоединения. В соответствии с указанной нормой «договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом». Иными словами, присоединившаяся к договору сторона лишается права внесения каких-либо изменений в условия договора. В данном случае в договоре реализуется свобода усмотрения лишь одной стороны, вторая сторона просто выражает свое согласие, хотя, возможно, условия договора ее в полной мере не устраивают.

На наш взгляд, консенсуальный характер нормы также придает ее соответствие принципу соразмерности прав и обязанностей сторон. Это обстоятельство позволяет создать для сторон режим благоприятствования для осуществления их прав и обязанностей. «Механизм осуществления конкретных прав не функционирует, если отсутствует соответствующая, корреспондирующая с правом обязанность контрагента; в свою очередь, у обязанного лица отпадает необходимость исполнять обязанность, если при этом не реализуется его право» [5].

Консенсуальные нормы регулируют отношения как частноправового характера, так и в публично-правовой сфере. Как отмечалось ранее, рассматриваемые нормы зачастую применяются при регулировании отношений между субъектами Российской Федерации. Следует отметить, что в целях повышения эффективности использования данных норм в механизме правового регулирования необходимо подробно от-

* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аленцевой Светланы Александровны на нарушение ее конституционных прав статьями 168 и 302 ГК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 21 дек. 2006 г. N 554-О. URL: <http://www.garant.ru>

ражать в них процедуру достижения консенсуса.

Итак, консенсуальная норма есть общеобязательное формально-определенное правило поведения, санкционированное и гарантированное государством, обеспечивающее достижение сторонами взаимоприемлемого решения относительно закрепляемых прав и обязанностей субъектов правоотношений путем определения механизма их взаимного удовлетворения и предоставления соразмерного объема прав и обязанностей.

4. Содержанием консенсуальных правоотношений выступает взаимосогласованный объем прав и обязанностей. В рамках правоотношения происходит распределение прав и обязанностей его участников, основанное на их взаимности и эквивалентности. «Двустороннее распределение прав и обязанностей, их взаимность и являются важнейшим фактором надлежащего и добровольного исполнения обязанностей» [6, с. 65]. Взаимность в данном случае характеризует правоотношение как юридическую форму общественной связи, а эквивалентность обуславливает тот набор прав и обязанностей, который будет установлен в правоотношении. В.А. Бублик определяет следующие требования к механизму реализации эквивалентности в правоотношении: а) равенство прав и обязанностей; б) компенсация возложения дополнительных обязанностей предоставлением больших прав, и наоборот; в) уменьшение объема предоставленных субъекту прав при освобождении его от некоторых обязанностей; г) уменьшение объема возложенных обязанностей при уменьшении объема субъективных прав [7, с. 4]. Представляется, что именно в консенсуальных правоотношениях требования эквивалентности и взаимности в полной мере могут быть реализованы. В случае консенсуальных правоотношений должен быть достигнут баланс, оптимальное сочетание прав и обязанностей посредством консенсуальной процедуры согласования интересов участников правоотношений. Для анализируемых правоотношений обязательным условием является учет мнения обеих сторон. Перечень и объем прав и обязанностей, выступающих содержанием консенсуальных правоотношений, должен удовлетворять интересы всех его участни-

ков. В такой ситуации обязанная сторона будет сама заинтересована в добросовестном исполнении своей обязанности.

5. Взаимоотношения участников консенсуальных правоотношений выстраиваются на основе равноправия и сотрудничества. Это означает, что сторонам предоставляется одинаковая возможность вносить свои предложения, оговаривать условия, высказывать свою точку зрения – мнения всех сторон должны быть обязательно учтены. Например, на основании Положения о порядке сдачи в аренду имущества, находящегося в муниципальной собственности, при заключении договора аренды указанного имущества должны быть рассмотрены заявления всех лиц, заинтересованных в заключении такого договора. Руководствуясь этим положением, суд удовлетворил требования истца о признании распоряжения комитета по управлению имуществом города недействительным – в части предоставления нежилого помещения ЗАО. В материалах дела обозначено, что при решении вопроса о передаче нежилого помещения в аренду присутствовали представители одного ЗАО, чем были ущемлены права и законные интересы предпринимателя, заявление которого комиссией вообще не рассматривалось. При этом Федеральный арбитражный суд округа отметил, что «игнорирование заявления истца о предоставлении нежилого помещения в аренду, а также рассмотрение вопроса об аренде спорного помещения без его участия является нарушением принципа равенства участников правоотношений»*.

Консенсус опирается на установление прав и обязанностей в русле сотрудничества и ориентирован на выгодный для обеих сторон результат. Консенсуальные правоотношения выстраиваются посредством активного участия сторон в определении круга их прав и обязанностей. Так, не представляется возможным достичь консенсус, используя конструкцию типового или рамочного договоров. Их условия, как правило, ориентированы на учет интересов стороны, которая его составила. Вторая сторона вынуждена просто присо-

* Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 12 сент. 2002 г. N А57-8619/01. Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс».

единиться к предлагаемым условиям. Например, заключая договор по ипотечному кредитованию, заемщик соглашается на невыгодные для себя условия только потому, что другого способа приобрести жилье у него нет.

Кроме того, консенсуальные отношения могут быть как относительными, так и общими. В случае относительных консенсуальных правоотношений правовая связь между его субъектами всегда индивидуализирована. Так, ч. 1 ст. 77 Трудового кодекса РФ предусматривает в качестве одного из оснований прекращения трудового договора соглашение сторон, т.е. достигнутый консенсус между работодателем и работником.

По мнению И.П. Кожокаря, в рамках общих консенсуальных правоотношений существуют и реализуются основные права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ, международных договорах и конвенциях, а также других нормативных актах [2, с. 173]. Однако следует отметить, что не во всех случаях такие правоотношения носят консенсуальный характер. Так, трудно назвать отношения, складывающиеся между личностью и государством в ходе прохождения срочной службы в армии, консенсуальными. Реалии времени таковы, что большая часть призывников проходит

службу в армии отнюдь не по добровольному убеждению о защите своей родины. Об этом свидетельствует увеличение числа побегов из воинских частей, количества уклоняющихся от службы. В отчете Росстата зафиксировано увеличение количества случаев самовольного оставления воинских частей на 60 % [8]. На наш взгляд, консенсус в рамках общих правоотношений реализуется только тогда, когда гражданин может самостоятельно беспрепятственно реализовать свои субъективные права и добровольно исполняет предписанные ему законом обязанности. Иными словами, осуществляя права и обязанности в рамках общих правоотношений, гражданин должен действовать в своих интересах, согласовывая свою волю с волей государства. В связи с этим государство должно выступить гарантом предоставленных гражданину правомочий, обеспечивая ему все условия для реализации своих прав.

Таким образом, под консенсуальным правоотношением следует понимать возникшую на основе норм права общественную связь между равноправными, правосубъектными лицами, осуществляемую путем их активного участия в поиске взаимоприемлемого решения относительно их прав и обязанностей, гарантированную и обеспеченную государством.

Список литературы

1. Самойлов Е.А. Консенсуальные правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
2. Кожокарь И.П. Правовой консенсус: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
3. Ойгензихт В.А. Альтернатива в гражданском праве. Душанбе, 1991.
4. Генкин Д.М. Сочетание прав и обязанностей в советском праве // Советское государство и право. 1967. N 7.
5. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009.
6. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (Вопросы теории и практики). М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000.
7. Бублик В.А. Эквивалентность прав и обязанностей как требование социальной справедливости // Вопросы теории юридических обязанностей: тез. II межвуз. науч. конф. молодых ученых-юристов. Воронеж, 1998.
8. URL: <http://www.prizyvnik.info/content/5836-v-rossii-vozzroslo-kolichestvo-dezertirov-i-uklonistov-ot-armii> (дата обращения: 12 мая 2016 г.).

СУВОРОВА А.А.,
suvorova_89@mail.ru
Кафедра уголовного процесса
и криминалистики;
Омская юридическая академия,
644010, г. Омск, ул. Короленко, 12

SUVOROVA A.A.,
suvorova_89@mail.ru
Chair of criminal procedure
and criminalistics;
Omsk Law Academy,
Korolenko St. 12, Omsk, 644010,
Russian Federation

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Аннотация. Анализируется степень реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина при особом порядке судебного производства. Основное внимание уделено соблюдению (охране, защите) прав потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого). Определен ряд обязательных условий, которые должны соблюдаться при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с двумя и более обвиняемыми (подозреваемыми) в рамках одного уголовного дела. Обосновывается необходимость закрепления данных критериев в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Поддерживается точка зрения, согласно которой обвиняемый (подозреваемый) должен быть оповещен о возможности, условиях и последствиях заключения соглашения. Предлагаются пути оптимизации процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; принципы уголовного судопроизводства; охрана прав и свобод человека и гражданина; потерпевший; обвиняемый.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN WHEN CONCLUDING THE PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION

Annotation. The degree of implementation of the principle of the protection of the rights and freedoms of man and citizen during a special procedure for judicial proceedings is analyzed. Special attention is paid to the observance (protection) of the rights of the victim and the suspect (the accused). A number of prerequisites that must be complied with when concluding the pre-trial agreement on cooperation with two or more defendants (suspects) within the framework of one criminal case is identified. The necessity of fixing these criteria in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is substantiated. The author supports the point of view, according to which the accused (suspect) should be notified about the possibility, conditions and consequences of the agreement. The ways of optimizing the procedure for the conclusion of the pre-trial cooperation agreement are suggested.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation; principles of criminal proceedings; protection of the rights and freedoms of man and citizen; victim; accused.

Введение в правоприменительную практику упрощенных судебных производств поставило и перед законодателем, и перед правоприменителем непростую задачу — сгладить возможные противоречия между общими принципами уголовного судопроизводства, стоящими на страже прав и свобод граждан, и исключением из общего его порядка, к которому следует отнести ускоренное судебное разбирательство. Одним из таких принципов уголовного судопроизводства, имеющих важное значение в системе принципов уголовного процесса, является принцип охраны прав и свобод человека и гражданина.

Анализируя реализацию принципа охраны прав и свобод человека и

гражданина в особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (далее — ДСС), предполагается, что основное внимание будет уделено соблюдению (охране, защите) прав потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого).

Чаще всего в данном случае поднимается вопрос об охране и обеспечении прав и законных интересов первого из этих субъектов. Тем не менее в отличие от процедуры, предусмотренной главой 40 УПК РФ, согласие потерпевшего на заключение с подозреваемым (обвиняемым) ДСС не требуется. Сторона обвинения не ставит в известность потерпевшего о факте заключения ДСС. Потерпевший (гражданский ис-

тец, их представитель) в соответствии с положениями части первой ст. 216 УПК РФ не имеет права в рамках ознакомления с материалами уголовного дела получать доступ к документам, указанным в части второй ст. 317.4 УПК РФ, а именно: к ходатайству о заключении ДСС, постановлению следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым (обвиняемым) ДСС, постановлению прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении ДСС и собственно тексту ДСС. Эти факты, по мнению М.Е. Кобрикова, позволили некоторым ученым утверждать, что положения главы 40.1 УПК РФ нарушают права потерпевшего [1, с. 51].

Действительно, ряд исследователей пришли к выводу, что согласие потерпевшего должно стать обязательным условием для заключения подозреваемым (обвиняемым) ДСС и принятия судебного решения в особом порядке. Так, В.В. Горюнов полагает, что «...законодатель не определил, обязательно ли согласие потерпевшего для рассмотрения в особом порядке уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение. В части 1 ст. 317.7 <УПК РФ> есть лишь общая ссылка на то, что судебное заседание по такому уголовному делу проводится в порядке, установленном ст. 316 УПК. При этом ч. 4 ст. 316 <УПК РФ> содержит требование об учете мнения потерпевшего при решении вопроса о возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке. Каких-либо исключений в этой части гл. 40.1 УПК РФ не предусматривает, в связи с чем полагаем, что до внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство необходимо исходить из того, что уголовное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, может быть рассмотрено в особом порядке только при наличии согласия потерпевшего» [2, с. 42-43].

Высказывалось также предложение «...дополнить УПК РФ нормами, предусматривающими обязательное согласие потерпевшего на проведение особого порядка судебного разбирательства в связи с заключением ДСС, его участие при составлении соглашения о сотрудничестве, установление позиции потерпевшего в судебном заседании, проводимом по пра-

вилам ст. 317.7 УПК РФ, а также определяющее для судьи мнение потерпевшего при принятии судебного решения в результате рассмотрения уголовного дела по существу» [3]. Учитывая конституционное право потерпевшего на доступ к правосудию, А.В. Смирнов считает, что согласие потерпевших от преступления должно быть условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым [4, с. 8]. Похожее мнение высказывал судья Ярославского областного суда Ю.Г. Зуев: «...особый порядок принятия судебного решения по делу, в рамках которого заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, возможен лишь при согласии потерпевшего на указанную форму судопроизводства» [5, с. 36-37]. Заявлялось также о необходимости изменения ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ в виде добавления «...о том, что прокурор должен также получить письменное согласие потерпевшего на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. При этом прокурор должен разъяснить потерпевшему его права, а также все возможные правовые последствия для подозреваемого и обвиняемого, которые собираются заключить с прокурором досудебное соглашение о сотрудничестве» [6, с. 20]. Кроме того, высказывалось мнение о необходимости учета мнения потерпевших при заключении ДСС с подозреваемым (обвиняемым) (Карпов О.В., Маслов И.В., 2009; Николаева Т.Г., Ларкина Е.В., 2009). Большинство критических замечаний подобного рода приходится на 2009-2011 гг., т.е. на период до принятия Пленумом Верховного Суда РФ постановления от 28 июня 2012 г. N 16.

Другая группа ученых считает, что при заключении ДСС позиция потерпевшего не должна учитываться, и это ни в коей мере не нарушает его процессуальные права, закрепленные в ст. 42 УПК РФ (Головизнин М.В., 2012; Костенко Н.С., 2013). Однако необходима обязательная разработка компенсаторных механизмов со стороны государства [7, с. 10] или предоставление потерпевшему реальных гарантий возмещения вреда в рамках гражданского иска [8, с. 233].

Действительно, институт ДСС не предусматривает учет волеизъявления потерпевшего. Потерпевший должен быть извещен только о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за

5 суток*. Между тем возникают достаточно принципиальные вопросы: «Что, если потерпевший выступает против соглашения между обвиняемым (подозреваемым) и следствием, которое гарантирует снять обвинения в причиненном потерпевшему вреде?»; «Может ли в этом случае потерпевший обжаловать вынесенный приговор?». На данные несоответствия указывают многие специалисты [3; 9].

В сентябре 2011 г. Верховный Суд РФ провел сбор материалов с целью обобщения и изучения практики применения судами норм главы 40.1 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Один из вопросов анкеты был сформулирован следующим образом: «Выясняет ли суд в соответствии с частью 4 статьи 316 УПК РФ отношение потерпевшего к ходатайству подсудимого об особом порядке проведения судебного заседания и постановления приговора, и какое решение принимается судом, если потерпевший возражает против особого порядка судебного разбирательства?». Ответы на этот вопрос, содержащиеся в справках, демонстрируют многообразие вариантов решения данной задачи.

Так, по данным Карачевского районного суда Брянской области, в 2010 г. и первом полугодии 2011 г. «по уголовному делу, по которому применялся особый порядок судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, потерпевших не было»**. В судах Ивановской области «по двум уголовным делам, где участвовали потерпевшие, судом выяснялось их отношение к ходатайству подсудимых об особом порядке проведения судебного заседания»***. В су-

дах Красноярского края «по всем уголовным делам, рассмотренным с участием потерпевшего в порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ, выясняется мнение потерпевшего по ходатайству подсудимого об особом порядке проведения судебного заседания и постановления приговора. В ходе изучения уголовных дел выявлено несколько случаев, когда потерпевший возражает против особого порядка судебного разбирательства. При этом суды края поступают в таких ситуациях по-разному. При возражении потерпевшего против рассмотрения уголовного дела в порядке главы 40.1 УПК РФ, как правило, судом выносится постановление о прекращении особого порядка и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке судебного разбирательства.

Так поступали Бородинский и Норильский городские суды. Однако Железнодорожный городской суд при рассмотрении уголовного дела в отношении М., обвиняемой в совершении трех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, при возражении потерпевшей Б. и ее представителя против рассмотрения уголовного дела в порядке главы 40.1 УПК РФ на том основании, что желают дать показания и высказать мнение по мере наказания, судом тем не менее дело рассмотрено в порядке главы 40.1 УПК РФ. Свое решение суд аргументировал тем, что УПК РФ не связывает решение суда о рассмотрении уголовного дела в порядке главы 40.1 УПК РФ с мнением по этому поводу потерпевшего»****. Согласно данным, предоставленным судебной коллегией по уголовным делам Ростовского областного суда*****, судебной коллегией по уголовным делам Белгородской области*****,

* См.: пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 16. URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php>

** Справка по итогам обобщения и анализа практики применения Карачевским районным судом в 2010 году и первом полугодии 2011 года норм об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (Глава 40.1 УПК РФ). Пункт 19. URL: http://karachevsky.brj.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=468

*** Справка о практике применения судами Ивановской области норм главы 40.1 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. URL: http://www.oblsud.ivanovo.ru/view.php?fn=content/suddoc/sudpraktika/u2012_1

**** Красноярский краевой суд. Справка от 22 сентября 2011 г. по применению судами края главы 40.1 УПК РФ. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1506111>

***** Справка о практике применения судами норм главы 40.1 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. URL: http://www.rostoblsud.ru/.../to_4456987/gl.401upkrf.docx

***** Справка по изучению практики применения судами Белгородской области в 2010 году и первом полугодии 2011 года норм главы 40.1 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. URL: http://oblsud.blg.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2775

судами выяснялось отношение потерпевших к ходатайству подсудимого об особом порядке проведения судебного заседания и постановления приговора и возражений со стороны потерпевших не имелось.

Таким образом, в судебной практике проблема учета мнения потерпевшего при заключении ДСС решалась неоднозначно, и Верховный Суд РФ должен был отреагировать на сложившуюся ситуацию. Решению данной проблемы способствовало и вынесенное Конституционным Судом РФ 2 ноября 2011 г. определение N 1481-О-О по жалобе граждан К.В.С. и К.Т.Н. на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 317.6 УПК РФ. «По мнению заявителей, часть вторая статьи 317.6 УПК РФ нарушает их права... поскольку позволяет суду при рассмотрении дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводить судебное заседание и выносить судебное решение в особом порядке вопреки возражениям потерпевших»*. В определении Конституционный Суд РФ указал, что нормы главы 40.1 УПК РФ не предусматривают участия потерпевшего или гражданского истца в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и не ставят в зависимость от его волеизъявления саму возможность использования данного соглашения по уголовному делу и назначения более мягкого наказания лицам, содействовавшим следствию. Такое ограничение прав участников уголовного процесса, признанных потерпевшими или гражданскими истцами по уголовному делу, допускается в целях защиты прав и законных интересов других лиц и организаций от преступлений, возмещения причиненного вреда, восстановления конституционных прав и свобод, что соответствует конституционно оправданным целям.

При этом, как справедливо пишет К.Б. Калиновский, в решении Конституционного Суда РФ отмечается возможность потерпевшего при проведении судебного заседания в порядке ст. 317.7 УПК РФ отстаивать свою позицию по существу рассматриваемых вопросов, участвовать в исследовании этих вопросов и возражать

против рассмотрения в особом порядке такого уголовного дела, а в случае несогласия с принятым решением суда — обжаловать это решение в вышестоящий суд посредством принесения жалобы на приговор [10, с. 9]. Вывод Конституционного Суда РФ: «...само по себе законодательное установление процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве не ограничивает доступ потерпевших от преступления к правосудию и не снижает гарантии защиты ими своих прав и свобод, а часть вторая статьи 317.6 УПК РФ не может рассматриваться как нарушающая конституционные права заявителей»**.

Точка в этом вопросе была поставлена пунктом 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 16: «... потерпевший... вправе участвовать в исследовании рассматриваемых судом вопросов, в том числе высказывать свое мнение по вопросу об особом порядке судебного разбирательства при досудебном соглашении о сотрудничестве. Суду надлежит проверить все заявленные доводы и принять по ним мотивированное решение. При этом следует иметь в виду, что возражение потерпевшего... против особого порядка проведения судебного заседания в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, само по себе не является основанием для рассмотрения дела в общем порядке»***.

Считаем, что сторона обвинения не должна получать согласие потерпевшего на заключение ДСС. В данном случае нельзя сопоставлять порядок заключения ДСС и применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, при котором требуется согласие потерпевшего. Это объясняется прежде всего тем, что применение особого порядка принятия судебного решения не подразумевает предоставление обвиняемым (подозреваемым) информации об иных преступлениях. Действия обвиняемого (подозреваемого), направленные на раскрытие иных преступлений, получают определенный общественный вес и выходят из системы

** Определение Конституционного Суда РФ от 2 нояб. 2011 г. N 1481-О-О/2011.

*** Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 16. URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php>

* Определение Конституционного Суда РФ от 2 нояб. 2011 г. N 1481-О-О/2011. URL: <http://doc.krsfr.ru/decision/KSRFDecision79714.pdf>

взаимоотношений «преступник – потерпевший». По справедливому выражению В.Н. Курченко, ДСС заключается не в частных интересах конкретного потерпевшего, а исключительно в публичных интересах, которые могут не совпадать с интересами конкретного потерпевшего [11, с. 13]. В этой ситуации общественное должно быть оценено выше личного. Тем не менее судам необходимо рассмотреть доводы ходатайства потерпевшего и принять по нему мотивированное решение (Хомицкая Т.П., 2012). Именно поэтому в настоящее время приговоры суда по делам, рассмотренным в порядке главы 40.1 УПК РФ, содержат следующие определения: «Суд также учитывает мнение потерпевшего при назначении наказания...»*; «Судом учитываются... иные обстоятельства – возмещение компенсации морального вреда потерпевшему, мнение последнего...»**.

Не меньше вопросов возникает при анализе механизма реализации положений исследуемого принципа при заключении ДСС применительно к процессуальным возможностям подозреваемого (обвиняемого).

В первую очередь следует назвать необходимость оповещения гражданина о возможности, условиях и последствиях подписания ДСС. Подозреваемый (обвиняемый) имеет право подать ходатайство о заключении ДСС в письменном виде на имя прокурора. Но для того чтобы появилась возможность воспользоваться правом, по справедливому замечанию Т.Г. Николаевой и Е.В. Ларкиной, «...надо, как минимум, о нем знать, но УПК РФ... не предусматривает обязанности следователя специально разъяснить это право подозреваемому (обвиняемому) ни в момент появления его в уголовном процессе, ни в ходе расследования, ни при его окончании» [12, с. 55].

Ряд правоведов четко определили свое отношение к этой проблеме: следователь обязан объяснить подозреваемому (обвиняемому) право на подачу ходатайства о заключении ДСС, условия заключения ДСС и последствия нарушения условий соглашения (Апостолова Н.Н.,

* Уголовное дело N 116010 // Архив Ленинского районного суда г. Омска.

** Уголовное дело N 816105 // Архив Кировского районного суда г. Омска.

2010; Гричаниченко А.В., 2010; Овчинников Ю.Г., 2011).

Механизм заключения ДСС не требует со стороны следствия (следователя) разъяснения подозреваемому (обвиняемому) положений норм УК и УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при заключении ДСС, его прав и обязанностей при заключении и после заключения соглашения о сотрудничестве. В данном случае, как представляется, ограничивается действие принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, т.к. согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему... а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав***.

По мнению отдельных исследователей, законодатель намеренно не указал в УПК РФ право заявлять ходатайство о заключении ДСС в перечне прав, подлежащих обязательному разъяснению, т.к. следователь сам должен решить вопрос: о том, следует или нет предлагать подозреваемому (обвиняемому) пойти на сотрудничество со следствием, а заключение ДСС является его правом, а не обязанностью (Головизнин М.В., 2011).

Между тем ходатайства о заключении ДСС содержат следующие формулировки: «порядок заявления и рассмотрения ходатайства мне разъяснен»****, «положения главы 40.1 УПК РФ мне разъяснены и понятны»*****. В некоторых случаях подозреваемый (обвиняемый) и защитник подписывают заявление на имя следователя следующего содержания: «Право и порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве разъяснены и понятны. Желая воспользоваться указанным правом. Ходатайство на одном листе прилагаю»*****. Однако разъяс-

*** Часть 1 ст. 11 УПК РФ.

**** Уголовное дело N 116010 // Архив Ленинского районного суда г. Омска.

***** Уголовное дело N 816105 // Архив Кировского районного суда г. Омска.

***** Уголовное дело N 630734 // Архив Ленинского районного суда г. Омска.

нение прав и обязанностей подозреваемого (обвиняемого) при заключении ДСС систематического характера не носит.

В связи с этим считаем необходимым согласиться с мнением Е.А. Артамоновой и дополнить ч. 4 ст. 46 и ч. 4 ст. 47 УПК РФ соответствующим пунктом следующего содержания: «заключить досудебное соглашение о сотрудничестве» [13, с. 10]. Таким образом, при предъявлении обвинения следователь разъяснит обвиняемому существо предъявленного обвинения, а также его права, предусмотренные статьей 47 УПК РФ.

Проблема защиты интересов участников уголовного процесса возникает и при одновременной подаче ходатайства о заключении ДСС сразу несколькими членами преступной группы. Моделируя подобную ситуацию, Д.В. Татьяна приходит в выводу, что для достижения более эффективных результатов применения ДСС «...следует ввести в гл. 40.1 УПК РФ положения, предусматривающие возможность заключения досудебного соглашения с несколькими подозреваемыми или обвиняемыми...» [14, с. 161-162], которые привлекаются по одному уголовному делу. Определенное продвижение в этом направлении уже сделано. В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» указывается: «Разъяснить судам, что нормы главы 40.1 УПК РФ не содержат каких-либо ограничений относительно заключения досудебного соглашения о сотрудничестве одновременно с несколькими обвиняемыми (подозреваемыми), которые привлекаются к ответственности по одному уголовному делу. При этом заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с одним или несколькими из них является правом прокурора»*. Однако, во-первых, в данном случае информация, предоставляемая в рамках заключенного ДСС, должна носить дополняющий характер, но не повторяться. В противном случае это будет только лазейкой для смягчения наказания всем участникам группы, а заключение ДСС послужит инструментом,

создающим эту лазейку. Во-вторых, право определения подозреваемого (обвиняемого), с которым должно быть заключено ДСС, необходимо закрепить за следователем, а не за прокурором, а решение обязательно должно быть мотивированным. Данные положения необходимо закрепить в УПК РФ.

Другой аспект — охрана прав подозреваемого (обвиняемого) после направления им ходатайства о заключении ДСС. Фактически, обращаясь с ходатайством о заключении ДСС, гражданин в письменном виде сообщает следователю и прокурору о действиях, которые он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Строго говоря, подозреваемый (обвиняемый) предоставляет информацию об известных ему деталях и подробностях преступления, не зная, будет ли удовлетворено его ходатайство. После этого стороне защиты будет очень трудно отказаться от написанного подозреваемым (обвиняемым), учитывая при этом, что ходатайство подписывает и адвокат**. Представив подобное развитие событий, мы не обнаруживаем ответов в УПК РФ. Пожалуй, единственно верным выходом в данной ситуации будет вариант, предложенный В.С. Напалковым и Е.А. Казаковой, — не считать данные, представленные в ходатайстве, доказательством по уголовному делу в случае, если ДСС не будет подписано, и закрепить это в УПК РФ [15].

Подведем итоги:

1. Заключение ДСС не зависит от мнения потерпевшего. Проведение параллелей с положениями, закрепленными в главе 40 УПК РФ, в данном случае некорректно, т.к. при заключении ДСС обвиняемый (подозреваемый) предоставляет следствию сведения, способствующие раскрытию иных преступлений, и отношения переходят из системы отношений преступник — потерпевший в плоскость публичных (общественных) отношений.

2. Обвиняемый (подозреваемый) должен быть оповещен о возможности, условиях и последствиях заключения ДСС.

* Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 16. URL: <http://www.vsrf.ru/second.php>

** Часть 1 ст. 317.1 УПК РФ.

Данное право необходимо закрепить в УПК РФ.

3. Заключение ДСС с двумя и более участниками преступной группы возможно при соблюдении ряда условий, а именно: сведения, предоставляемые обвиняемыми (подозреваемыми), должны быть по разным преступным эпизодам либо дополнять друг друга, но никак не повторять; право определения лиц, с которыми сторона обвинения планирует заключить соглашение, должно стать прерогативой

следователя; перечисленные выше условия должны быть закреплены в УПК РФ в качестве обязательных критериев при заключении ДСС с двумя и более обвиняемыми (подозреваемыми) в рамках одного уголовного дела.

4. Сведения, предоставляемые в ходатайстве о заключении ДСС, не должны признаваться доказательствами по уголовному делу в случае, если ДСС не заключено, что также должно быть закреплено в УПК РФ.

Список литературы

1. Кобриков М.Е. Проблема участия потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник ЮУрГУ. 2012. N 29. С. 50-54.
2. Горюнов В.В. Новый правовой институт // Законность. 2010. N 5. С. 42-43.
3. Парфенов В.Н. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при особом порядке судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
4. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. N 10. С. 5-14.
5. Зуев Ю.Г. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве по делам об экономических и служебных преступлениях // Уголовный процесс. 2011. N 1. С. 32-37.
6. Быков В.М., Быков А.М. Сторона защиты при заключении с прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве // Российская юстиция. 2010. N 9. С. 18-25.
7. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. N 8. С. 3-11.
8. Беговая Д.Я. Заключение с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве и интересы потерпевшего при этом // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. Вып. 2. С. 232-234.
9. Быков В.М. Новый закон о сделке обвиняемого с правосудием: критические заметки // Российский судья. 2009. N 11. С. 4-7.
10. Калиновский К.Б. Потерпевшие тоже могут быть несогласными // Уголовный процесс. 2012. N 1. С. 9.
11. Курченко В.Н. Ошибки при рассмотрении уголовных дел в случае наличия досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2012. N 3. С. 10-19.
12. Николаева Т.Г., Ларкина Е.В. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: проблемы регламентации // Криминалистика. 2009. N 2 (5). С. 55-57.
13. Артамонова Е.А. Кто должен разъяснить обвиняемому право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве? // Российский следователь. 2011. N 2. С. 8-10.
14. Татьяна Д.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2013. Вып. 1. С. 160-162.
15. Напалков В.С., Казакова Е.А. Смягчение ответственности обвиняемого при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: реальность или миф? URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-382490.html?page=12> (дата обращения: 20 февр. 2016 г.).